

БОРИС СИДОРЕНКО

ГОЛУБОЙ ОГОНЕК

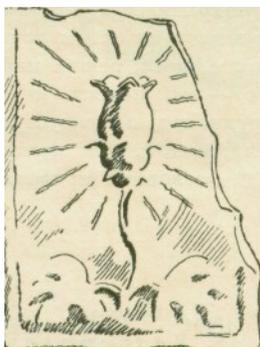
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2011г.

БОРИС СИДОРЕНКО

ГОЛУБОЙ ОГОНЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1964

Повесть о мальчике Андрее, который стал участником ботанической экспедиции в Страну Голубых Вершин. Он узнает предание о голубом цветке, давно вымершем, — сохранились только его изображения на стенах древних пещер и описания в рукописях о чудесном свойстве цветка светиться в темноте нежным голубым огнём. Есть сведения, что этот цветок сохранился где-то в Стране Голубых Вершин... И Андрей вместе со своим другом Таней, тоже участницей экспедиции, решил найти этот цветок.

«Голубой огонёк» — это повесть о мужественных людях, побеждающих трудности, о целеустремленных поисках и радости открытий, о том, как нужны человеку знания в освоении природы.

I

Рисунки
К. Безбородова

ТА И Н С Т В Е Н Н А Я   Н А Х О Д К А

По коридору шли двое. Одного Андрей знал — комендант научного корпуса. Другого — высокого, с бритой головой — видел впервые. Они шли впереди, и Андрей невольно услышал их разговор.

— Я поднимался сегодня на чердак, — сказал бритоголовый. — Там полно всякого хлама. Это недопустимо. Всегда может возникнуть пожар.

«Наверно, пожарный, — подумал Андрей. — Им всюду мерещатся пожары».

— На чердаке сложены ящики с гербариями, — сказал комендант. — Не знаем, где хранить. Раньше лежали в подвале. Отсырели, стали портиться. Перенесли на чердак. Лежат там, никому не нужные, вот уже который год.

— Не пойму, зачем вы храните это старьё! — усмехнулся бритоголовый пожарный. — Ваши гербарии давно погрызли Мыши.

— Да, да, вы правы, — поспешно ответил комендант, — я посмотрю, что там осталось, и распоряжусь.

— Чтоб в понедельник всё убрали, я проверю.

Комендант и пожарный остановились у лестницы. Андрей проскользнул мимо них.

Была суббота. Спешить было некуда. Только что закончилось заседание ботанического кружка, старостой которого Андрей был вот уже два года. Сегодня изучали растения Африки. Каждый член кружка рассказал о нескольких растениях. Были представлены все зоны: влажные леса тропиков, саванна, пустыня, средиземноморское побережье, берега Нила и обширные нагорья Эфиопии. Заседание кружка прошло интересно. Правда, не доставало хорошего гербария африканских растений.

Только что услышанный разговор не выходил из головы. Андрей не знал раньше, что на чердаке хранятся старые гербарии.

«А что, если...» — подумал Андрей. Нет, не может быть! Он столько раз слышал об экспедиции профессора Горлова в эфиопские джунгли. Вскоре по возвращении на родину профессор умер, а собранные им коллекции неизвестно где затерялись. Нет, нет! Какая может быть связь? И всё же — что, если эти гербарии собраны в Африке и никто об этом не знает?

«Завтра воскресенье, научный корпус закрыт, — думал Андрей. — В понедельник на чердак поднимутся рабочие и выбросят на свалку ящики с гербариями. Значит, нужно попасть на чердак сегодня».

Андрей стал обдумывать различные способы, как проникнуть на чердак. В его голове тотчас возникло несколько превосходных планов. Всё очень просто. Главное — раздобыть ключ от замка, ведь чердак заперт. Но ключ висит на доске вместе с остальными ключами от комнат и лабораторий. А возле доски сидит сторож.

Андрей спрятался за колонной на лестнице. Стал терпеливо ждать, когда сторож куда-нибудь отлучится.

Шло время. Сторож никуда не уходил. Он дремал на стуле, видимо намереваясь провести так всю ночь. Уходили запоздавшие сотрудники. Они с удивлением смотрели на незнакомого мальчика. При их приближении Андрей принимал независимый вид. И сотрудники проходили мимо. Ведь была суббота, и они спешили домой.

Часы пробили семь. За окнами расплывались ранние осенние

сумерки. Андрей в одиночестве стоял на лестнице и устало переминался с ноги на ногу.

«Больше ждать нельзя, — думал он. — Сторож, пожалуй, просидит в такой позе всю ночь. Нужно его отвлечь. Что бы предпринять?»

Он порылся в карманах. Из одного достал фонарик — он всегда брал его: возвращался домой поздно вечером через сад. Ключи от квартиры. Перочинный ножик с отломанным на конце лезвием. Носовой платок. Две блестящие пятикопеечные монеты. В другом кармане лежал спичечный коробок с кусочками свинца — он переплавит их и делает грузила. Краснобокое яблоко — оно не настоящее и сделано из воска; яблоко ему дали в музее во время замены экспонатов. Моток шершавой бечевы; этой бечевой кружковцы-ботаники сегодня подвывали поваленные ветром хризантемы. -

— Бечева, бечева, шершавая верёвочка, — пробормотал Андрей. — Я, кажется, нашёл способ.

Он выбрался из-за колонны. Прошёл в дальний конец коридора, где окно сплошь заставлено цветами. На краю подоконника стоял пышный куст амариллиса. Он набросил верёвочную петлю на сочные листья амариллиса, протянул бечеву через весь коридор и снова спрятался за колонной.

Сторож безмятежно спал, откинувшись на стуле. Он и не думал просыпаться.

Андрей дёрнул верёвочку. Тяжёлый горшок с грохотом упал на пол, разбившись вдребезги. Гулкое эхо разнеслось по сводчатым коридорам старинного здания.

Сторож вскочил как ужаленный. Ничего не поняв спросонья, он подбежал к лестнице как раз к тому месту, где стоял Андрей. Андрей плотно прижался к колонне. Как ему хотелось в эту минуту стать маленьким, как комарик, как мышка! В эту минуту он пожалел, что затеял историю с ключами. Только отступить было поздно.

Сторож остановился совсем неподалёку от мальчика. Было слышно его тревожное дыхание. Сторож прислушивался — грохот не повторялся. Сторож вернулся на прежнее место.

Андрей торопливо сматывал бечеву. Петля легко соскочила с гладких листьев амариллиса. Он спешил: протянутая по коридору бечева могла его выдать.

Сторож пытался задремать и не смог. Мысль о непонятном грохоте

мешала заснуть. Сторож беспокойно оглядывался по сторонам, потом поднялся, зевнул, протёр заспанные глаза и побрёл по коридору. Видимо, он решил обойти здание.

Как только сторож скрылся из виду, Андрей подбежал к доске с ключами, взял нужный ключ и торопливо побежал вверх по лестнице.

Его сердце бешено колотилось. Он знал, что поступает нечестно. Вдруг ему стало жаль поломанного амариллиса. Никто не похвалит, если узнает. Но тотчас себе возражал: «Я только посмотрю и сразу вернусь. Вдруг там окажутся материалы эфиопской экспедиции! И тогда все одобряют меня. Нет, я должен забраться на чердак — в понедельник будет поздно».

Он не заметил, как взбежал на третий этаж. Запыхавшись, остановился возле винтовой лестницы.

Каждый шаг отдавался гулом. Железные ступени, железные перила. Лестница висала винтом, вела на чердак. Лестница напоминала морской трап или потайной ход в средневековом замке. Тускло светила лампа. Увеличенная тень Андрея ломалась на поворотах, сливалась с чернотой углов. Он остановился — тень замерла.

Он стоял на площадке перед дверью, обитой железом. Большой заржавленный замок. Андрей вставил ключ в замочную скважину, повернул его и облегчённо вздохнул, когда замок открылся,

Андрей отодвинул засов. Толкнул дверь — заскрипели заржавленные дверные петли. Ему показалось, что этот скрип разнёсся по всему зданию, нарушил вечернюю тишину, привлёк внимание сторожа. Несколько минут он выжидал, прислушиваясь к шагам на лестнице. Но всё было спокойно, он слышал только частое биение своего сердца.

Переступил порог. На него повеяло сухой прохладой чердака, застоявшимися запахами пыли, мышей, истёртого картона. Где-то рядом раздались хлопки и странное бульканье. Он испуганно замер. В слуховое окно вылетели две птицы. «Голуби! А я-то, чудак, испугался!»

Когда глаза немного привыкли к полумраку, он увидел, что свет проникает через два круглых окошка. Цементный пол кое-где испачкан птичьим помётом — здесь гнездились голуби.

От пола к крыше в разных местах поднимались кирпичные колонны. «Наверно, дымоходы», — подумал он и сразу представил себе научный корпус Ботанического сада. Старинный трёхэтажный дом, высокую черепичную крышу со множеством труб и выступов на ней.

Андрей подошёл к окошку. Отсюда хорошо просматривалась старая часть Ботанического сада. Нарядные клёны с красноватой листвой. Уже начавшие желтеть липы. Совсем зелёные дубы, окутанные сумерками.

Возле самого дома — чтобы их увидеть, нужно привстать на носки, — росли ливанские кедры с причудливо приплюснутыми верхушками и вечнозелёная американская секвойя.

Несмотря на сгушавшиеся сумерки, он без труда узнавал отдельные уголки сада. Он хорошо знал каждую тропку, каждую аллею, мог рассказать историю каждого дерева.

Он включил фонарь. Яркий пучок света осветил сложенные из красного кирпича дымоходы, грубую геометрию деревянных балок, служивших опорой крыше. Серебристыми нитями сверкала паутина, протянутая пауками. В дальних углах хоронилась темнота. Полуразвалившиеся ящики беспорядочно разбросаны по полу.

Подошёл поближе. На одном ящике прочитал надпись: «Экспедиция 1911 года. Флора Алтая».

«Как просто разгадана тайна! Даже неинтересно, — разочарованно сказал себе Андрей. — Значит, это совсем не африканские гербарии Горлова. Травки наших северных гор».

Он прикрепил фонарь к балке куском верёвки и стал разбирать ящики. Вскоре он убедился, что большинство ящиков пусты, а там, где сохранились гербарные папки, они безжалостно искрошены острыми мышинными зубами.

— Какая жалость! — вздохнул Андрей. — Ни один из ящиков Горлова не уцелел. Кажется, прав пожарный — этому мусору место на свалке. Впрочем, сколько лет прошло...

В одном из ящиков он заметил какие-то каменные плитки. Андрей взял плитку. Она была сделана из лёгкого пористого камня. Сдул пыль. На поверхности камня выдолблено изображение цветка. От цветка во все стороны расходились лучи в виде прямых стрел.

В ящике оказалось всего четыре плитки. На каждой нарисован цветок с расходящимися лучами. Цветы изображены по-разному, но, несомненно, это один и тот же цветок.

На дне ящика лежали потёртая тетрадь и гербарная папка. Он открыл тетрадь. Исписанные мелким почерком страницы по краям изглоданы мышами, попорчены водой.

В гербарной папке совсем немного цветов. Розоватый змеевик, козелец лучистый, сохранивший жёлтую окраску, фиолетовый аконит, тёмно-синяя живокость. Ничтожная часть богатого гербария, собранного в горах Алтая.

На одной странице он увидел незнакомый цветок, напоминавший тот, что был изображён на каменных плитках. Засушенный полвека назад цветок сохранил нежно-голубую окраску, но лепестки его стали совершенно прозрачными, просвечивали внутренние голубые лепестки и желтоватые тычинки, расположенные в глубине.

«Любопытный цветок! — подумал Андрей и вдруг заметил надпись. Чернила совсем выцвели, конец надписи отгрызли мыши, но три слова видны отчётливо: ГОРЯЩИЙ ВО ТЬМЕ... — Что-то не слышал о таком. Что за цветок? Он действительно горит в темноте или это только красивое название?»

Тетрадь неизвестного путешественника, его записи, удивительный цветок в гербарии и плитки с изображением горящего цветка — всё это представляло интерес. Он больше не жалел, что забрался на чердак. Разные фантастические планы и предположения лезли в голову.

Фонарик светил тускло. Батарейка иссякла, и лампочка едва горела. Пора уходить. Андрей сложил в один ящик свои находки и пошёл к выходу.

Заскрипела железная дверь. Он поставил ящик на площадку возле двери. Задвинул засов, закрыл замок. Снова взял ящик на руки и стал медленно спускаться по винтовой лестнице. Следом за Андреем медленно двигалась по стене его тень, увеличенная и уродливая, повторяя его движения. Гулко отдавались шаги, и казалось, что эхо разносится по всему притихшему к ночи зданию.

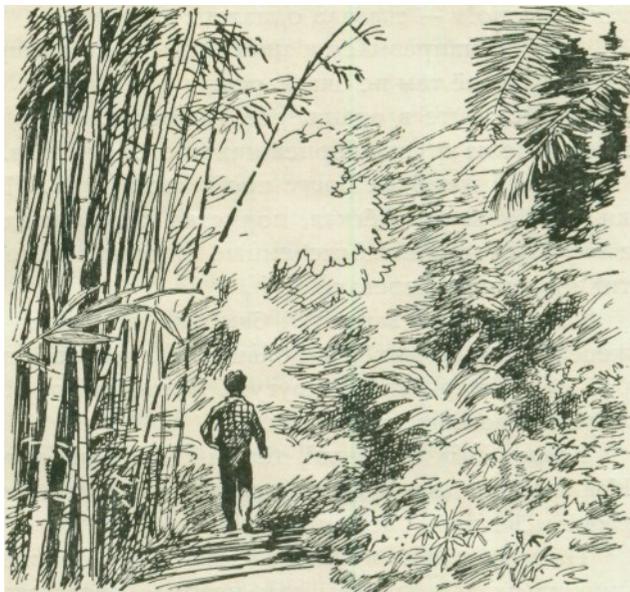
В коридорах было темно и пусто. Вдоль стен теснились громоздкие шкафы, заполненные гербариями, папками, ящиками. В вестибюле сторожа не было. Андрей повесил ключ на место.

Часы пробили девять.

«Всего-то!» — подумал Андрей.

С ящиком в руках вышел на крыльцо. В лицо повеяло сыростью и прохладой. Осенний ветер раскачивал деревья. Скрипели потревоженные стволы, падали листья. Андрей зашагал домой по тёмным аллеям.

В Б О Т А Н И Ч Е С К О М С А Д У

На другой день с утра Андрей поспешил в Ботанический сад. Нужно было разыскать Таню. Только она поможет разгадать тайну найденной рукописи, непонятных камней и загадочного цветка.

Он шёл по саду. По извилистым аллеям среди кустарников и хвойных рощ. Матовое серебро оливковых деревьев оттеняли лакированные листья магнолии. Под навесом громадного дуба было сумрачно и тихо. А дальше, среди акаций, весело и светло.

«В нашем саду собраны растения со всего света, — вспомнил Андрей слова Тани, когда она впервые показывала ботаникам-кружковцам сад. — Фестиваль цветов. Конгресс деревьев. Съезд кустов. Только, приехав к нам однажды, растения остаются. Одни выносливы, как воины, неприхотливы и стойки. Другие — теплолюбцы из тропических стран — забнут 'и болеют. С ними столько хлопот! Ухаживаем, как за-

детьми. Но как приятно бывает, когда растение приживается, зацветает и даёт плоды!»

Таня увлекалась декоративными растениями. «Создавать новые необыкновенные цветы, ярких расцветок, с приятным запахом, — это так чудесно!» — сказала однажды девушка.

Андрей направился к цветникам — там чаще всего бывает Таня. Но на этот раз её там не оказалось.

— Понизите в оранжерее, — посоветовали Андрею женщины, выкапывавшие из грунта корневища многолетников.

Андрей миновал рощу пробкового дуба. Из его коры делают пробки для бутылок. Лёгкая, пористая кора безжалостно изрезана ножами экскурсантов. Легкомысленные юноши в погоне за сувенирами испортили красивые деревья.

Из-за густых зарослей бамбука показался стеклянный купол оранжереи. Андрей зашёл в большой стеклянный зал. Плотно закрыл за собой одну дверь, затем другую. Ветреный осенний день сразу сменился жарким тропическим летом.

Воздух был влажный, тёплый. Высокие пальмы смыкались кронами. Извилистые лианы густо оплетали стволы. Перистые листья чётко отражались в воде бассейна.

На воде плавали листья кувшинок. Розовые лотосы, словно пришедшие из сказки, раскрывали нежные лепестки. Хрупкие папирусы на длинных ножках, как цапли, стояли по колена в воде.

Здесь было тихо, очень тихо. Ничто не нарушало тишины оранжереи. Птицы не порхали среди ветвей. Всплески рыб не будоражили ровной глади бассейна. Молчаливо царство растений.

В первом зале Тани не было. Андрей миновал ещё одну дверь и очутился в следующем зале, громадном, светлом, — целый сад под стеклянными сводами. Тесно жмутся растения один к другому. Узкие тропинки вьются среди пальм и цитрусовых, здесь много и разных лекарственных растений.

Вот хинное дерево. Его кора горькая-горькая на вкус. Настойка коры хинного дерева излечивает от малярии. Из хинной коры получают вещество «хинин». Оно действует непосредственно на возбудителей болезни — малярийных плазмодиев. Плазмодии живут в крови больного человека, поселяясь внутри красных кровяных шариков — эритроцитов. Размножаясь, плазмодии разрушают эритроциты, выплывают в

жидкую часть крови, потом снова проникают внутрь здоровых эритроцитов. Хинин действует в тот момент, когда плазмодии выходят из эритроцитов, подстерегает возбудителей болезни, не дает им заселять новые клетки, и человек выздоравливает.

Раньше в нашей стране несколько миллионов человек болело малярией. Эта болезнь встречалась совсем недавно. Но теперь малярией в нашей стране болеют очень редко.

В другом конце зала раздавались голоса. «Там, наверно, группа экскурсантов, — подумал Андрей. — Может, и Таня там?»

Он шёл по дорожке в окружении растений, привычно читая надписи на табличках. Он знал все растения в этом зале и без табличек.

Вот алоэ — его листья, наполненные густым соком, пронизаны светом. Свешиваются стручки кассии — красиво изрезаны листья. А дальше — невысокие кустики, на концах ветвей длинные красновато-бурые соцветия. Это пилокарпус, ценное лекарственное растение. Камфарный лавр. Кофейное дерево. Камфара и кофеин, получаемые из этих растений, повышают тонус сосудов, улучшают работу сердца. И маленькие эвкалипты, совсем не похожие на своих австралийских родственников-великанов.

— Перед вами алоэ, — послышалось за кустами, — растение полупустынных районов Африки и Аравии. Специальным образом обработанный сок этого растения ускоряет заживление ран и язв, улучшает зрение.

Это голос Тани! Значит, она проводит экскурсию. По воскресеньям в Ботаническом саду особенно много посетителей, и штатных экскурсоводов не хватает.

Андрей увидел группу школьников примерно одного с ним возраста, может, чуть поменьше. Они внимательно слушали Таню.

— А теперь посмотрите направо. Чрезвычайно любопытные растения! Оба родом из Южной Америки — стрихнос и хондродендрон. Они не случайно посажены рядом. Из обоих растений получают вещество кураре. Некоторые индейские племена с давних пор применяют кураре в качестве яда для стрел. Ядовитая стрела настигает жертву. Достаточно пустяковой раны, даже царапины, и яд начинает своё действие. Яд кураре вызывает полное расслабление всей мускулатуры. Животное может остаться живым, но не способно сделать ни шага. Птица перестает махать крыльями и падает. Если яд затронет дыхательную мускула-

туру, животное перестаёт дышать и гибнет от удушья. Вещества, действующие таким образом, получили название мышечных релаксантов. Их действие своеобразно. Они прекращают передачу возбуждения двигательных нервов на мышцы. Упругая мышца мгновенно превращается в бездеятельную тряпку.

Школьники зашептались.

— Вам не ясно, какая польза от этих растений? Мышечные релаксанты теперь широко применяют во время хирургических операций. Во-первых, чтобы легче было вводить резиновую трубку в трахею при даче наркоза. Во-вторых, при операциях на животе — для снятия напряжения мышц брюшной стенки. В-третьих, чтобы больной совсем перестал дышать.

— Но ведь больной тогда погибнет! — воскликнула девочка, стоявшая возле Андрея.

Школьники недоуменно переглянулись.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась Таня. Это нужно во время операций на лёгких и на сердце, когда больной дышит при помощи аппарата искусственного дыхания.

Когда экскурсия закончилась, Андрей подошёл к Тане:

— Полсада обошёл, пока тебя разыскал.

— Я тебя заметила давно. Зачем ты искал меня?

— Понимаешь ли, Таня, я нашёл несколько интересных вещей. И мне не всё понятно. С одной стороны — всё просто, и нечего мудрить. С другой — не так всё просто, и я ничего не могу понять...

Таня рассмеялась:

— Ты, я вижу, со всех сторон запутался. Что ты там нашёл? Расскажи всё по порядку. И пойдём в сад, здесь немного душно, — сказала девушка, открывая стеклянную дверь.

Они вышли из оранжереи и сразу очутились на участке лекарственных растений. Он вплотную примыкал к стеклянному зданию оранжереи. Цветы раскачивались на ветру. Пахло увядшими травами.

Здесь было собрано много растений. Фиолетовые цветки шалфея во многих местах побурели. Валерьяна отцвела — под напором ветра дрожали высохшие зонтики с семенами. В тёмно-зелёных зарослях красавки просвечивали чёрные блестящие ягоды. Возвышались могучие кусты ревеня с его необъятными прикорневыми листьями. Бледно-розовые соцветия мяты были пушисты, словно кроличьи лапки, и пахли мятны-

ми конфетами. Белели заросли аптечной ромашки. Ещё можно было отыскать пурпурные колокольцы наперстянки, и лекарственные ноготки пышно цвели ярко-оранжевыми цветами.

— Летом здесь лучше, — сказала Таня, — всё в полном цвету. — Всё пахнет. Пчёлы выютя, гудят, собирают пыльцу и сладкий цветочный сок — нектар... А вон там, видишь, из-под земли торчат листья?

— Маленькие каштаны! В первый раз вижу.

— Нет, — улыбнулась девушка, — листья действительно немного похожи. Но это совсем другое растение. Это легендарный женьшень. Самое популярное лекарственное растение в Китае, Корее, Японии. Лечебное действие оказывают корни. Они своеобразны по форме — напоминают человеческие фигурки. Настойка женьшеня придаёт человеку силу и бодрость. И некоторые убеждены, что женьшень даже продлевает человеческую жизнь... Но мы отвлеклись. Рассказывай о своей находке. Я слушаю.

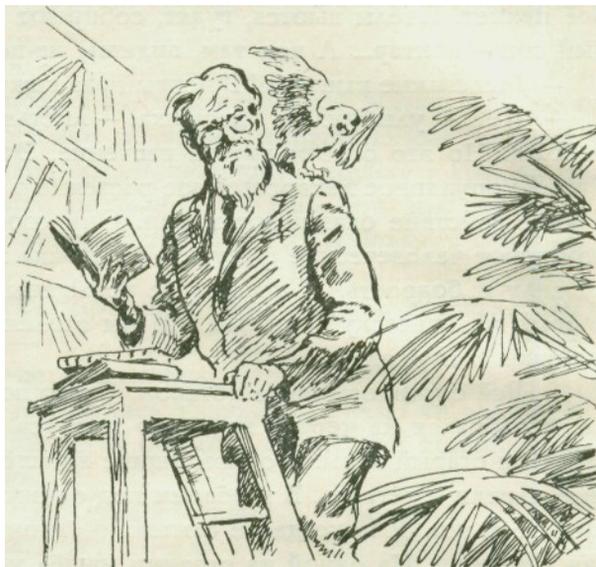
— Всё случилось вчера вечером. Сразу после занятий нашего кружка. Я забрался на чердак научного корпуса. Там лежали разломанные ящики и старый хлам. В одном ящике я нашёл гербарий, четыре каменные плитки и тетрадь. В гербарии под одним цветком написано: «Горящий во тьме». Я никогда не слышал о таком! Я просидел полночи, читая дневники. На одной из страниц нашёл упоминание о необычайном цветке. Да, цветок светится по ночам. Я рассматривал каменные плитки. На них высечены цветки. От них расходятся пучки стрел, они могут означать лучи света. И я не знаю теперь, что думать об этой находке. Существует ли такой цветок на свете?

— Милый Андрюша! Где твои находки? То, что ты рассказал, — это чудесно! Я тоже не знаю, есть такой цветок или нет, но я слышала о таком цветке. Читала о нём. Но собрала лишь крупницы сведений, жалкие крохи знаний. Ты дашь мне найденные вещи?

— Конечно!

Андрей не ожидал такой реакции. Он думал, что Таня посмеётся над ним и скажет: «Фантазёр, выдумщик!» Он думал, она не поверит ему. А он, оказывается, чуть ли не научное открытие сделал. И где? Не в тиши научного кабинета, а среди старого хлама на чердаке!

— Возьми, Таня. — Андрей протянул девушке свёрток. — Завтра всё это могло оказаться на городской свалке.

Ровно в пять часов вечера Андрей был на улице Лесная Тишина. Вдоль тротуаров росли старые липы. Густые и развесистые, они сплетались над улицей, образуя тенистый коридор. Некоторые липы уже начали желтеть, и под ногами лежали опавшие листья.

Вот табличка: «Лесная Тишина, дом 14, Корнев К. К.». Это был дом профессора. Звали его Корней Корнеевич. Он заведовал отделом лекарственных растений в Ботаническом саду. Таня рассказала ему об Андреевой находке, он очень заинтересовался и пригласил их обоих к себе.

Андрей был здесь впервые. Дом профессора стоял в окружении кустов сирени. Сирень давно отцвела. Калитка была приоткрыта. К дому вела дорожка, посыпанная песком. Вдоль дорожки выстроились пышные гладиолусы.

У дверей сидел белый взлохмаченный пёс и, склонив голову набок,

внимательно смотрел на мальчика. Андрей не ожидал такой встречи и остановился в нерешительности.

— Пёсик, как тебя зовут?

Пёс лениво посмотрел на мальчика, потом на муху, кружившуюся около носа. Щёлкнул зубами, поймал муху и снова стал наблюдать.

— Тебя, наверно, зовут Мухоловом, — сказал Андрей. — Мухолов, Мухолов, пусти меня в дом!

Пёс делал вид, что дремлет, но стоило мальчику пошевелиться, как тут же приоткрывал один глаз и тихонько рычал.

— Вот положеньице! — вздохнул Андрей.

Вдруг на дорожке показалась кошка. Пушистая рыжая кошка с белыми лапками. Мухолов залился лаем и, забыв об Андрее, бросился вдогонку. Куда только девалась лень!

Путь свободен.

Андрей шагнул в тёмную прихожую, споткнулся и чуть не упал. Дверь в комнату была приоткрыта. Оттуда проникал оранжевый свет. Он пошёл на свет и очутился в просторной комнате.

Там никого не было. Ровный свет лился из большой старомодной люстры, сверкавшей медью и стекляшками. В бочке на полу росла пышная, немного пыльная пальма. Мохнатый ствол словно обёрнут войлоком. Громадные листья упирались в потолок, уходили почти в облачные высоты. Возле дверей из стены торчала голова носорога, приспособленная под вешалку. Маленькие пороссячьи глазки смотрели на мир тупо и сердито.

— Здр-р-равствуйте! — послышалось откуда-то сверху. — Пр-р-рошу р-раздевайтесь!

— Здравствуйте, — обрадованно ответил Андрей, наконец-то услышав человеческий голос.

В тот же миг он услышал хлопанье крыльев. Из гуши пальмовых ветвей сорвался большой пёстрый попугай. Он сделал круг по комнате и уселся на спинке стула, покачиваясь.

— Ка-ха-ка! — прокричал попугай. — Дур-р-рак!

Он, конечно, хотел сказать, что с попугаями не здороваются и ему очень смешно видеть такого странного мальчика в доме своего хозяина.

Заскрипела дверь.

«Прекрасно! — подумал Андрей. — Наверно, профессор».

В дверях у самого пола просунулась змеиная голова. Холодок пробежал по спине. Он приготовился к бегству, но в этот момент в комнату вползла черепаха. Он догадался, что это из-за неё он чуть не разбил себе нос в тёмном коридоре, и успокоился.

Андрей осмотрелся. Его внимание привлёк аквариум, замурованный в стене. Зеленоватый свет сочился из глубины. Среди водорослей кружились рыбки. Они шевелили плавниками и задумчиво смотрели на Андрея своими выпуклыми глазами-линзами.

— Пр-р-ривет! Пр-р-ривет! — пронзительным голосом закричал полугай.

Андрей вздрогнул. Рассматривая рыбок, он забыл, где находится.

— Замолчи, Синг! — услышал Андрей. — Зачем так шумишь?

Он обернулся и увидел, как по деревянной лестнице с книгой в руке спускается бородатый человек. Видимо, антресоли, сплошь заставленные книжными полками, служили библиотекой.

Он сразу узнал профессора. Попугай захлопал крыльями, полетел навстречу профессору и уселся прямо на плечо Корнея Корнеевича.

— Здравствуйте, — сказал Андрей, неловко теребя кепку.

— Здравствуй, Андрей, — улыбнулся профессор. — Кепку повесь на вешалку. — Он показал на морду носорога. — Таня многое рассказывала о тебе: любитель ботаники, староста кружка... Впрочем, хвалить не стану, это вредно — ещё зазнаешься.

Андрей сидел красный от смущения. Корней Корнеевич улыбнулся:

— Бери стул, подсаживайся к столу и ешь яблоки. Яблоки из моего сада. Ешь, не стесняйся. А теперь рассказывай.

Андрей ел яблоки и рассказывал. Профессор слушал и поддакивал.

— Значит, пожарный невольно выдал тайну, даже не помышляя о ней... Ты не пожалел амариллиса ради ключа... Боялся, шаги услышит сторож... Говоришь, мыши съели все гербарии и этот ящик чудом уцелел? Какая безхозяйственность! Не найти применения коллекциям и накормить сотни поколений мышей!

— Здравствуйте, — послышалось с порога. — Вот и я!

В комнату вошла Таня. Невысокого роста, с рыжеватыми, коротко подстриженными волосами она напоминала мальчика.

— Извините, я так спешила и всё равно опоздала. Вот, принесла Андреевы находки.

— Весьма кстати. Андрюша успел нам рассказать о своём приключении.

Таня положила на стол потрёпанную тетрадь в кожаном коричневом переплёте, четыре плитки из розового лёгкого камня и пожелтевшие от времени хрупкие листы гербария.

— Для меня находка Андрея имеет особое значение. Я и раньше знала о светящемся голубом цветке, — сказала Таня. — Впервые о нём я услышала от своего отца. Его давно нет в живых — он погиб на фронте. Но легенда, рассказанная им однажды, запомнилась навсегда. Мой отец собирал сказки и легенды, разные истории, одна другой интересней, и увлекательно их рассказывал. Он рассказал о голубом огоньке, и я поверила в его существование. Играла в цветы — выбирала голубые. Подснежники, колокольчики, незабудки. Всё ждала чуда — вдруг запылает цветок, загорится голубым огнём... Прошло детство. Стала забываться легенда. Я закончил школу. Стала работать в Ботаническом саду. Решила стать биологом и поступила в университет. И однажды в старинном руководстве по ботанике нашла упоминание о голубом огоньке. Там писали — вымерший вид. Это меня обрадовало и огорчило. Легенда, услышанная в детстве, вдруг ожила. Значит, цветок существовал. Но стоит ли радоваться, когда его больше нет на земле, подумала я. Известно немало случаев, когда с лица земли безвозвратно исчезали редкие животные, птицы и растения. И вдруг я узнаю о находке Андрея. Голубой огоньк найден в горах Алтая полвека назад. Незвестный путешественник видел цветок. Но он не указывает точно места, где растёт цветок. Может быть, он нарочно не указывает, чтобы спасти редкое растение? Что касается каменных плиток, я не могу объяснить их происхождения.

— Неужели не ясно? — удивился Андрей. — По-моему, это самое простое. Путешественник взял плитки из стены древнего храма. Строители храма знали о существовании этого цветка и нарисовали его на стенах. Цветок светился — они приписывали ему волшебные свойства.

— Стой, стой, стой!.. — Профессор прищурил глаза в улыбке. — Не спеши с выводами. Строители древнего храма? Фантастично. Гипотеза, не подтверждённая ни одним доказательством. С таким же успехом эти рисунки могли сделать марсиане, прилетевшие на Землю. Пока совсем не ясно, кто сделал рисунки на камне, зато у нас не вызывает сомнения, что изображено на камне.

— И нам не ясно, существует ли сейчас этот цветок или голубой огонёк вымер, — сказала Таня, — и нет никакой надежды найти его.

— А что, если поехать на Алтай и поискать цветок! — предложил Андрей. — У меня летом будут каникулы.

— Хорошая идея, но как её осуществить? — сказала Таня. — Попробуйте отыскать маленький цветок в необъятной горной стране. Такая поездка заранее обречена на неудачу.

— Милая Таня, не нужно так мрачно смотреть на вещи, — сказал Корней Корнеевич. — Идея хорошая. На будущее лето у нас запланирована экспедиция на Алтай. Конечно, цель её не поиски загадочного цветка. Мы будем собирать и изучать лекарственные растения и травы. Но в свободное время можно будет искать голубой огонёк. Вдруг удастся напасть на его следы или что-нибудь узнаем от местных жителей. Я с удовольствием возьму в отряд Андрея коллектором.

— Правда, вы возьмёте меня в экспедицию? — переспросил Андрей.

Какой мальчишка, да ещё член ботанического кружка, не мечтает о дальней экспедиции! Со своим кружком он часто бывал на экскурсиях за городом. Но разве это можно сравнить с экспедицией в далёкую горную страну!

Андрей представил себя верхом на коне. Среди альпийских лугов. Или в глухой тайге. С ружьём наготове, с рюкзаком за спиной. И от радости у него перехватило дыхание.

— А Таню вы возьмёте?

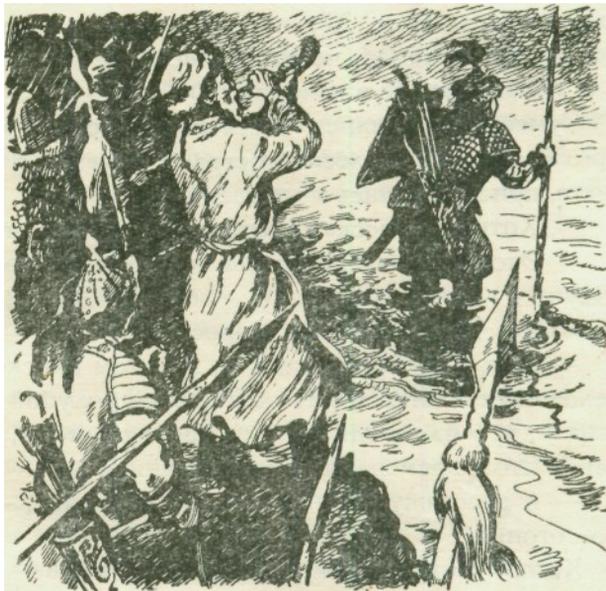
— Возьму, конечно, обязательно возьму.

— Но ведь ещё только осень. Как долго ждать! — вздохнул Андрей. — Целую зиму, целую весну. Я, наверно, умру от нетерпения.

— Ах, смешной мальчик. Поверь мне, скучать не придётся. Мы начнём подготовку к экспедиции. Не успеешь оглянуться — пройдёт зима, пролетит весна, и ты будешь на Алтае.

И действительно, Андрей смог убедиться в правоте профессора.

Л Е Г Е Н Д А   О   Г О Л У Б О М   О Г О Н Ь К Е

Когда потянуло холодом с низины и горный поток, скрытый вечерними сумерками, зашумел громче, когда костёр засветил ярко и огонь устроил весёлую игру с поленьями, все участники экспедиции собрались вместе.

— Хотите послушать историю о кладбищенском стороже Матвее, поймавшем вора? — сказал Юсуп, рабочий экспедиции.

— Не хотим. Надоел со своими кладбищенскими историями! Целых два месяца слушали. Каждый вечер.

— Тогда я расскажу вам быль о блуждающей деревне. Её жители проснулись однажды утром и не узнали окрестностей. Раньше с одной стороны деревни было озеро, а с другой — капустные поля, а теперь с одной стороны возвышались холмы, а на месте капусты плескалось озеро... Вы знаете, чем всё закончилось? Прилетел вертолёт и опустил-

ся прямо на деревенскую улицу. Лётчик стал успокаивать жителей. Говорит: «Ваша деревня стояла на толстом слое торфа и сползла в озеро, как новый корабль на верфи. Вы целую ночь проплавали по озеру, даже не подозревая об этом». Только жители не успокоились. Они испугались ещё больше. Лётчик усмехнулся и говорит: «Что зря волноваться? Поживёте теперь на новом месте...»

— Так мы тебе и поверим, Юсуп!

Сумерки сгустились. Были видны только лица, и в глазах каждого прыгали живые отблески костра. Таня вышла из тени и стала в полосу света, прислонившись к лиственнице.

— Хотите, я расскажу легенду о голубом огоньке?

— Это, наверно, об огоньках, что появляются на могилах? — сказал Юсуп.

— Ох, Юсуп, опять за старое!

— Или о древнем храме на забытом плоскогорье Укок. Там вот уже целое тысячелетие горит неугасимый голубой огонь. И только недавно узнали, что из земли сочится природный газ, который подождли в незапамятные времена пастухи-кочевники.

— Я расскажу легенду о голубом цветке, — сказала Таня, — о голубом огоньке.

Когда-то этот голубой цветок был эмблемой одного города. Теперь забыто название города и точно не знают место, на котором он стоял, а раньше изображение цветка красовалось на стенах города и на знамёнах горожан. Этот цветок по ночам светился неярким голубым огнём, за что и получил своё название.

Однажды к стенам города подошли полчища жестокого правителя Деспота. Они приготовились к штурму. Горожане были полны решимости защищаться, но силы были неравными.

Долго совещались старейшины. Но никто не сказал главного — как спасти город. И тогда попросил слова самый старый житель города, по имени Мудрый Садовник. И сказал он, седой, белобородый: «Вы знаете, к нам идёт помощь. Нужно продержаться только до утра. Я знаю способ спасти город. Нас выручит голубой огонёк. Я уйду в стан врага. А вы идите по садам и дворам и собирайте цветок. Потом приходите на берег реки и ждите. Я подам сигнал — трижды сыграю на пастушеском рожке. Тогда вы сразу бросайте цветы в воду. Делайте всё бесшумно и не зажигайте огня. Враг должен думать, что город спит».

Никто не понял, что задумал старик. Но Мудрый Садовник никогда не обманывал и не раз выручал город из беды. Старики подняли короткие мечи в знак согласия. Так всегда голосовали в военное время.

Мудрый Садовник надел простые полотняные одежды. На шею повесил пастушеский рожок, перебросил сумку через плечо и, опираясь на дорожный посох, вырезанный из узловатого дерева, покинул город.

Деспот сидел в шёлковом шатре, когда ему доложили, что схвачен старик, с виду бродяга, который называет себя Прорицателем, предсказывающим судьбы.

«Введите его!» — приказал Деспот.

Старик вошёл в шатёр и остановился. На мягких коврах восседал правитель в окружении слуг. Стражники с копьями остановились у входа.

«Эй, колдун, если ты солгал моим слугам и не умеешь предсказывать судьбу, я велю тебе отрезать язык, а потом посажу в клетку к пантере. Если скажешь правду, доверху наполню твою сумку -золотыми монетами».

Старик молча выслушал правителя. Потом заговорил:

«Судьба мне не подвластна. Я не могу её изменить. Моя борода поседела в срок, и умру я в час, предначертанный свыше. Я недаром жил на свете и ел свой хлеб. День за днём я постигал мудрость астрологии, и теперь звёзды мне могут сказать больше, чем твои разгневанные уста, правитель».

«Эй, колдун! Ближе к делу! — закричал Деспот. — Или ты скажешь, чем закончится штурм города, или я исполню своё обещание и посажу тебя в клетку к пантере. Она, наверно, проголодалась».

«Ты хочешь знать своё будущее. Оно написано на твоём лице. О нём шептали мокрые травы, и пролетающий над полем ворон трижды прокричал о твоей судьбе».

Старик вознёс руки к небу и замер. В шатре наступила насторожённая тишина. Молча смотрел на старика правитель. Молчаливо стояли слуги.

«Вода помешает тебе взять город!»

«Какая вода? — спросил Деспот. — Уж не эта ли жалкая речонка, что бежит между холмами?»

«Вода воспламенится, лишь только твой первый воин ступит в

неё ногой. И всё твоё войско сгорит в этой реке, и ты сам будешь спасаться бегством».

«Что ты раскаркался, старая ворона!» — в ярости закричал Деспот, и его лицо позеленело от злости.

«Выйдем из шатра, и ты сам убедишься, правитель».

Все вышли из шатра. Уже стояла ночь. В редких просветах между облаками мерцали звёзды. Слабо поблёскивала река. В отдалении возвышались городские стены. Над ними смутно белели купола. Нигде не горели огни. Город спал.

Среди солдат Деспота уже поползли слухи, разные кривотолки относительно пророчеств старика. Одни не верили старику и смеялись над ним, другие призадумались. И теперь, когда старик и правитель вышли из шатра, воины в блестящих шлемах стали собираться вокруг.

«Где Чёрный Витязь? Позовите его!» — приказал Деспот.

Из толпы вышел воин в чёрном плаще. Вид его был страшен. Он замер перед правителем.

«Ты войдёшь в реку первым. Ступай, — сказал Деспот. — Вы пойдёте за ним», — сказал он воинам.

Чёрный Витязь молча повернулся. Взял в руки копьё. Его лицо было бледно. Воины расступались перед ним.

Старик трижды подул в пастушеский рожок. Нежные, жалобные звуки разнеслись в ночи, и эхо трижды откликнулось из далёкого леса.

Жители города услышали этот сигнал. Каждый подходил к реке и бросал цветы в воду. Голубые огоньки уплывали вниз по течению.

Чёрный Витязь остановился на берегу. Он не ступал в воду. Что-то его испугало. Он стал на колени и начал молиться, подняв руки к небу.

«Иди же, иди!» — грозно крикнул Деспот.

Чёрный Витязь вошёл в воду. И тут все увидели, как вода воспламенилась вокруг его ног. И вот уже вся река загорелась холодным голубым огнём.

«Река горит! — закричали воины. — Река горит!»

Чёрный Витязь выбежал на берег и упал на траву. Его чёрный плащ светился голубым.

«Река горит!» — кричали воины.

«Старик был прав!» — кричали другие.

И многие бросились бежать. Среди солдат наступило замешательство. И Деспот отменил наступление.

Так Мудрый Садовник спас родной город. А злой Деспот на следующий день понял свою ошибку, когда увидел множество голубых огоньков, прибитых волнами к берегу. Легенда говорит о том, что Деспот вскоре от огорчения заболел и умер и перед смертью повелел уничтожить голубые огоньки по всей стране.

С тех пор это растение стало редким. А потом исчезло совсем.

Таня замолчала. У всех были задумчивые лица. В костре вспыхивали, гасли и улетали прочь золотые искры. По обгорелым поленьям бегали синие огоньки. Раскалённые угли излучали сухое тепло.

Андрей подбросил несколько ветвей. Придавленный ветвями костёр заглох. Но затем тёмно-красное пламя, побеждая мрак, стремительным потоком стало прорываться вверх. Сперва мимо веток, потом застревая на них. И вот перед глазами сидящих — целый каскад огня, рвущегося в небо. Сразу стало жарко и светло.

— Хорошая сказка, — вздохнул Юсуп, — романтичная!

— Почему сказка? — сказала Таня. — Всякая легенда, даже самая неправдоподобная, несёт в себе хотя бы зёрнышко правды.

Андрей сидел у костра огорчённый. Все участники экспедиции знали о его находке на чердаке. Все помогали ему и Тане в поисках голубого огонька, и надежда не оставляла их. Но теперь, когда экспедиция закончила работу и нужно было возвращаться домой, стало ясно, что загадочный цветок найти не удастся.

— Неужели на всём Алтае так и не осталось ни одного цветочка? — сказал Андрей. — Что, если поискать цветок? Но где искать?

Все молчали.

— Я знаю где, — сказала Таня и обвела вокруг рукой. — Голубой огонёк нужно искать здесь, в этой долине.

Наиденную Андреем рукопись я перечитала много раз, особенно то место, где говорится о голубом огоньке. Там рукой путешественника нарисована карта. Извилистая река в окружении гор и лесов. Названия реки нет. Возможно, он забыл отметить название реки или сделал это нарочно, чтобы никто не нашёл дороги к голубому огоньку. Я стала сопоставлять очертания реки со всеми реками Алтая подобной величины и пришла к выводу, что на карте изображена река Арген. Та самая Арген, на берегу которой мы сидим. Я это поняла ещё до экспедиции. Но никому не говорила, так как могла ошибиться. Но теперь я уверена, что цветок растёт именно на берегах Аргена.

- Почему ты перестала сомневаться? — спросил Андрей.
- Вчера вечером я видела цветок...
- Видела цветок? — удивлённо переспросил Андрей.

— Где же он? — сказал Юсуп. — Ты его принесла?

— Цветка у меня нет... Вчера в сумерки я подошла к Аргену. Хотела набрать воды в чайник и вдруг увидела — в воде что-то светится, кружится. Подумала — гнилушка или светлячок. Нагнулась и увидела цветок. Он плыл совсем близко от меня и светился голубым. Совсем как в легенде. Я хотела его достать, но не дотянулась. Чуть не упала в воду. И цветок уплыл по течению.

— Так и уплыл?

— Так и уплыл.

— Как жалко, что мы уезжаем! — с грустью сказал Андрей.

— Жалко, очень жалко, — сказала Таня. — Только ничего не поде- лаешь... Экспедиция закончена. Цветок искать мы не можем.

— У меня есть идея! — радостно закричал Юсуп. — Сахар есть, крупа есть, консервы есть, — пересчитал он по пальцам. — Значит, можем остаться. Домой успеем.

Все с надеждой посмотрели на профессора Коренева. Решающее слово было за руководителем экспедиции.

— Я об этом подумал, — сказал Корней Корнеевич. — Юсуп предлагает разумный вариант. Работа экспедиции по изучению лекарственных растений закончена. Программа научных исследований выполнена. Много новых фактов. Интересные наблюдения. Собран прекрасный гербарий. Он пополнит коллекции Ботанического сада и университета. Прделаны тысячи биохимических анализов. И, очевидно, не впустую. Уже сейчас можно говорить о большой лекарственной ценности патринии — каменной валерианы; полигонумов — дикой гречихи; горного лука. Как говорится, конец венчает дело. Пожалуй, сейчас время заняться голубым огоньком. Это очень любопытный цветок. И, если нам удастся найти его, это будет большим открытием. Мы будем искать голубой огонёк.

Андрей захлопал в ладоши.

Корней Корнеевич продолжал:

— Прав Юсуп, у нас ещё не иссякли запасы продовольствия. Но свободного времени нет. Сроки истекли. Пора возвращаться. Останутся только трое — Таня, Андрей и я. У Андрея каникулы, у Тани тоже, я использую остаток отпуска. Остальные завтра отправятся домой.

— Возьмите меня, — попросил Юсуп, — я тоже хочу искать голубой огонёк.

— Нет, Юсуп, ты должен оставаться в отряде. Там ты нужнее. Вместе со всеми возвращайся домой. А теперь давайте спать. Завтра рано вставать.

Хорошо говорить «спать». Но разве заснёшь, когда волшебный голубой огонёк стоит перед глазами! Андрей ворочался в спальном мешке.

Юсуп тоже не спал. Сидел у входа в палатку и курил трубку. Изредка вздыхал. Потом выбил пепел из трубки о голенище сапога и тихонько затянул песню. Он всегда пел, когда у него портилось настроение.

Песня заунывная и протяжная, навевала тоску. Так поёт ветер в зимней завьюженной степи. Так стонут под ветром вековые лиственницы.

— Вот как — не взяли меня в отряд! — ворчал Юсуп и снова набивал трубку.

Утром все поднялись вместе с солнцем. Складывали палатки, упаковывали ящики и рюкзаки. Грузили машину. На траве, листьях, на зелёных крыльях грузовика — всюду весело блестела роса. День обещал быть хорошим.

Когда всё было готово к отправлению, стали прощаться. Пожимали друг другу руки, говорили напутственные слова.

Шофёр включил мотор и просигналил: «По-ра, по-ра!»

Юсуп обнимал всех по очереди. Он поминутно шмыгал носом. Его глаза были влажны от слёз.

— Привезите мне цветочек, — просил Юсуп, — голубой-голубой. Чтоб светился по ночам. По вечерам дома я смогу обходиться без света. Стану экономить на электричестве.

Всем стало смешно. Каждый представил, как Юсуп при свете голубого огонька ужинает или читает газету. Ох, и шутник этот Юсуп!

Гудит мотор. Юсуп последним вскакивает в кузов, затянутый серозелёным брезентом. Машина трогает с места.

— Стойте, стойте! — вдруг закричал Юсуп шофёру и спрыгнул на землю.

Он подбежал к Тане, Андрею, Корнею Корнеевичу. Снова пожал каждому руку.

— Вы привезёте огонёк? Хоть один! — просит Юсуп.

— Аи, Юсуп, Юсуп, — покачал головой профессор, — ты всех задерживаешь. А вам засветло нужно миновать ущелье Красные Камни.

— Привезём, обязательно привезём цветок, — сказала Таня, — если найдём, конечно.

Юсуп порылся в кармане и протянул Андрею медный предмет:

— Возьми. Это зажигалка, пригодится в пути.

Андрей только собрался его поблагодарить, но Юсуп уже не слушал. Он увидел, что машина уходит, и бросился её догонять. Шофёру надоело ожидать Юсупа.

— Подождите меня, подождите! — кричал Юсуп. — Меня лабыли! Я тоже хочу домой!

На лицах появились улыбки.

Андрей видел, как машина остановилась, как Юсуп взобрался в кузов, как машина тронулась и Юсуп вместе со всеми стал махать рукой. Андрей поднял руку и тоже помахал. Таня держала в руке платочек. Корней Корнеевич махал шляпой. Они смотрели в след уходящей машине.

— Счастливого пути!

Брезентовый кузов скрылся за поворотом дороги. Долго был слышен замирающий рокот мотора. И Андрей жадно ловил этот звук, прислушивался. Расстояние между ними и машиной всё увеличивалось. Наконец рокот затих, и они остались втроем на тихой поляне, на краю необъятного дикого леса.

Зеленоватые рюкзаки, словно гигантские лягушки, сиротливо лежали на траве. В своих раздутых животах они хранили недельный запас пищи на троих, патроны, спальные мешки и разные другие необходимые в пути вещи.

— Давайте посидим перед дорогой, — предложил Корней Корнеевич.

Они уселись под развесистым кустом боярышника. Над головой тянулись красноватые длинные стебли, усеянные острыми колючками. Уже поспевали кроваво-красные плоды.

— Тебе знакомо это растение? — обратился профессор к Андрею. Андрей сорвал несколько мясистых ягод:

— Боярышник. Из этих ягод готовят настои и отвары, они успокаивают боли, уменьшают сердцебиение.

— Верно, верно. Боярышник оказывает сложное действие на сердце, — сказал Корней Корнеевич. — Он усиливает сокращения, а вместе с тем уменьшает возбудимость сердечной мышцы. Вот почему препа-

раты боярышника назначают в тех случаях, когда сердце начинает биться часто и бесполезно, когда сердце устаёт от ненужной работы. Кроме того, боярышник усиливает кровоток в сосудах, питающих сердце и мозг. А совсем недавно открыли свойство боярышника снижать кровяное давление.

Андрей слушал профессора несколько рассеянно. Сейчас его волновало другое. Маленькому отряду предстоял долгий путь. Неизвестность станет их спутником. Впереди неизведанные таёжные тропы. В конце пути сияет голубой огонёк.

Андрей достал из кармана Юсупову зажигалку. Зажигалка отлита из меди. Голова дракона с выпученными глазами. Он нажал рычажок — дракон открыл пасть и изрыгнул пламя. Огонь при ярком солнечном свете показался бледным.

— Что это у тебя? — спросила Таня. — Неужели зажигалка Юсупа? Как он решился отдать её тебе, не знаю!

— Да, забавная игрушка, — сказал Корней Корнеевич, — и полезная.

— Постой, Андрейка, — не унималась Таня. — Эта зажигалка не простая: Юсуп говорил, что это амулет, защищающий от нечистой силы и потери аппетита.

— То-то Юсуп любил хорошо покушать! — улыбнулся Андрей. — Ну и что ж, я привяжу зажигалку на верёвочку и повешу на шею. Этот волшебный талисман поможет нам найти голубой огонёк.

— А где твой деревянный талисман?

— Мой маленький Буратино? Как всегда, в кармане. «Это очень хорошо, даже очень хорошо», — пропел Андрей деревянным голосом.

— Что-то много у тебя разных амулетов и талисманов, — сказал профессор. Он посмотрел на часы и добавил: — Отдохнули, а теперь пора в путь.

Они встали. Надели тяжёлые рюкзаки. Перед ними молчаливой, неприступной стеной стояла тайга.

Они пошли по лугу, путаясь в высокой траве. Миновали сваленную ветром лиственницу — уродливые корни тянулись к небу. Перебрались через неглубокий ручей, на дне которого белел песок и мелкие камешки, и очутились в лесной чащобе, под зелёными сводами вековых деревьев.

Р Ы С Ь

Тропа совсем заросла. Сначала Андрей пытался идти по тропе, отыскивая едва уловимые следы людей и животных, здесь бродивших. Но потом ему надоели эти беспрестанные поиски, и Андрей пошёл напролом.

Какая-то птица метнулась в кустах. Он даже не успел рассмотреть её. Бурундук, тоненько пискнув, торопливо вскарабкался на дерево. Смотрит оттуда, внимательный и насторожённый, будто Андрею только и дела, что гоняться за бурундуками.

У Андрея за спиной полный рюкзак. И ружьё, и гербарная папка, и кирка за поясом. Всё это необходимо иметь. Ничего, что тяжело. Предстоит долгий путь по тайге и горам.

Ружьё может пригодиться в любую минуту. Таинственный и сумрачный лес сулит неожиданные встречи.

Какой ботаник может обойтись без кирки! Кирка — железная рука ботаника. С помощью кирки он достаёт растение буквально из-под земли. Вырывает корневища из каменного плена скальных пород. На лугу выкапывает могучие пласты дёрна. А потом осторожно, стараясь не повредить растение, распутывает клубок корней. Отбрасывает ненужное. Оставляет нетронутым тот единственный экземпляр, ради которого затеяна столь кропотливая работа.

Гербарная папка напоминает обычную папку для бумаг. В ней лежат сухие листья фильтровальной бумаги. Выкопанное растение прячется между ними. Чем больше растений, тем толще гербарная папка. Но верёвочки всё время туго стягивают листья, и распластанные растения отдают влагу.

Где-то впереди идёт Таня. Слышно, как потрескивают веточки. Корней Корнеевич поотстал. Наверно, нашёл что-нибудь интересное.

Андрей попал в заросли чёрной смородины. Шершавые листья, гладкие коричневые стебли. На каждом листочке снизу разбросаны смолистые желёзки. Благодаря им смородина приятно пахнет. Крепкий, устоявшийся аромат. Налитые соком ягоды. Как их много! Чёрные кисти — витаминный концентрат. Если забраться в куст — не оторвёшься. Андрей срывает несколько ягод и спешит догнать Таню.

Кустики голубики цепляются за ноги, мешают идти. Мелкие блестящие ягоды. Сизые, с восковым налётом. А немного в стороне — лесная герань с кроваво-красными цветочками.

Какое удивительное место! Настоящий сад, только мрачный. И высокие пихты местами совсем закрывают небо густыми переплетениями ветвей. Колючие ветви бьют по лицу, непокорно пружинят и с размаху хлещут по рюкзаку. Ружьё застревает.

Деревья расступились. Андрей попал на поляну, совсем крохотную. После лесного сумрака непривычно ярко. Внезапно из-за деревьев слышались непонятные звуки. Рычание? Урчание?

Андрей замер, прислушался.

Комары пели. Днём, при солнечном свете, они были смирными и почти не кусались. Стрекотали в траве кузнечики на разные голоса. Вздыхали травы, колыхались цветы. Там, в зелёных травяных джунглях, кто-то жил, копошился, звенел.

Вершины пихт раскачивались и мерно гудели. Если долго смотреть

вверх, между деревьями, начинает кружиться голова. Птицы щебетали, пищали, тенькали на разные лады в верхних этажах леса.

И всё-таки было тихо. Не потрескивает за спиной валежник, не слышно голосов.

И в этот момент услышал невдалеке голос Тани. Короткий вскрик. Он разобрал слово «рысь» и, не раздумывая, бросился на зов.

Ветви тянули к нему колючие хвойные лапы, царапали лицо. Рюкзак колотился за спиной. Андрей не обращал на это внимания. Он остановился только на мгновение, чтобы сорвать с плеча ружьё. И побежал дальше, крепко сжимая в руках двустволку.

«В левом стволе дробь, в правом — пуля, — повторял он про себя. — Только не перепутать. Крупного зверя бьют пулей».

Впереди посветлело. Не останавливаясь, он выбежал на небольшую поляну, поросшую густой травой. Его ослепило солнце — горячее пятно в зелёной прохладе леса.

Он сразу увидел Таню. Она стояла, прислонившись спиной к дереву. Маленькая, взволнованная. Короткие рыжеватые косички, которые она стала заплетать в экспедиции, воинственно торчали в разные стороны. Она сжимала в руке маленькую кирку для выкапывания цветов — её единственное оружие.

— Где же... рысь? — спросил Андрей. Голос его срывался. Он тяжело дышал. Сердце билось часто и напряжённо.

— Вон в траве. — Таня показала рукой на середину поляны.

Андрей знал, как выглядит рысь, но почему-то ожидал увидеть более крупного зверя. А увидел пятнистую кошку с ушами-кисточками и ненавидящим взглядом жёлтых глаз. И всё-таки это была настоящая рысь, опасная для человека.

Он прицелился. Прогремел выстрел. Сильно толкнуло прикладом. Зверь лежал ничком. Попасть с нескольких шагов было нетрудно.

Таня и Андрей подошли поближе, с любопытством поглядывая на зверя, невольно опасаясь, что рысь поднимется и бросится на них. Но зверь лежал неподвижно. Глаза были приоткрыты и смотрели на мир равнодушно и спокойно. Из них уже ушла жизнь. Кривой желтоватый клык прижимал обескровленную губу. В голове зверя зияла дыра, и оттуда тонкой струйкой вытекала кровь, пачкая траву.

— Вот и всё, — устало сказал Андрей.

— Нет больше рыси, — сказала Таня и замолчала.

Всё происшедшее пугало своей простотой и жестокостью. Теперь она уже забыла, как напугал её зверь, неожиданно метнувшись с дерева на траву.

Они сидели на краю поляны, такой нестерпимо яркой среди мрачных деревьев, такой пёстрой от множества цветов. Примятая трава постепенно распрямлялась и почти совсем скрыла мёртвого зверя.

Нагретый воздух поднимался вверх, цветы вздрагивали, роняя лыльцу.

Неизвестно откуда прилетели мухи и, деловито гудя, быстро опиывали круги над поляной. В центре поляны столбом вились мошки. Никому не было дела до убитой рыси.

Андрей переживал удачу. Как часто раньше он мечтал сразиться в тайге один на один с настоящим зверем! И теперь это случилось. Всё произошло так быстро, что он не успел разобраться в своих переживаниях. Только сильно устал и до сих пор трудно дышать.

Таня сидит рядом и разбирает папку с растениями. Собранные образцы сразу помещают между листами фильтровальной бумаги. Листы жадно впитывают воду, становятся влажными. Их нужно заменять новыми. Использованные листы не выбрасывают — разве напасёшься в тайге бумаги. Влажные листы раскладывают на траве под солнцем, и лежат они так, пока не высохнут.

В дождливую и пасмурную погоду забот ещё больше. Фильтровальную бумагу приходится сушить над костром. Бывало, чайник закипит, каша сварится, а всё возишься с листьями. Они должны быть совершенно сухими.

Андрей стал помогать Тане. Он любил это занятие. Нужно хорошенько расправить каждый листок и лепесток цветка и даже корешки уложить правильно.

В первые дни гербарий требует наибольшего ухода. Потом в гербарную папку заглядывают всё реже и реже, и наконец наступает момент, когда растения становятся сухими. Видна каждая жилка, и цветы кажутся сотканными из паутины. В таком виде гербарий сохраняется многие годы и десятилетия.

— Э-гей! — послышалось из-за деревьев. — Где вы-и?

Это был голос Корнея Корнеевича.

— Сюда-а! — откликнулся Андрей. Он даже поднялся с травы — так захотелось ему поскорее увидеть профессора и показать добычу.

В кустах послышался треск ветвей. Простуженный бас профессора совсем рядом:

— Стрелки-охотники! Так это вы подняли стрельбу на весь лес? Хорошо, что оба целы. Я думал, случилось что-нибудь, а они, оказывается, решили поиграть с ружьём!

Профессор сбросил на траву рюкзак и вытер платком пот, проступивший на лбу.

— Мы не играли, — сказала Таня. — Андрей застрелил рысь. Вот она на поляне.

Втроём они подошли к убитой рыси. Корней Корнеевич взял зверя за хвост. Это был красивый лесной житель с пятнистой пушистой шкурой.

— Хорош зверь! — похвалил профессор. — Страшно было?

— Нет, совсем не страшно.

— А вот мне было страшно, когда я встретил снежного барса. Тогда я работал в отряде геоботаников на Памире. Я был худощав, быстроног и без бороды. Вам, наверно, трудно представить меня без бороды... Я встретил барса среди ледяных полей. Он прятался в тени большого камня. У меня был всего один патрон, а товарищи работали далеко. Я стрелял тогда слабо, но не промахнулся — уложил зверя одним выстрелом. Ох, и напугался я тогда! Правда, всем говорил, что было совсем не страшно.

— Мне просто некогда было испугаться, — сказал Андрей.

— «Пришёл, увидел, победил», говорил когда-то Юлий Цезарь, — усмехнулся профессор.

Некоторое время спустя они сидели на берегу Аргена. Булькал чай в котелке. Таня подкладывала сухие ветви в огонь. Раздавался бодрый треск и шипение смолы.

Андрей снимал шкуру с убитой рысы — прекрасный экспонат для школьного музея.

— Интересно, где сейчас наши? Боюсь, как бы с ними чего не случилось, — сказал Корней Корнеевич. — Ущелье Красные Камни очень опасное место.

Они идут друг за другом. Впереди Корней Корнеевич, за ним Таня. Позади бодро шагает Андрей. У него за спиной болтается шкура рыси, привязанная к рюкзаку. Ружьё, гербарная папка. За поясом кирка. Каждый нагружен до предела. Идти трудно. Но никто не говорит — я устал, я хочу отдохнуть. Каждый понимает: нужно идти, чтобы достичь цели.

Каждый думает о чём-то своём.

Корней Корнеевич — о том, что становится стар. С каждым годом всё труднее ходить в дальние походы. Остались позади экспедиции в Забайкалье, Тянь-Шань, Памир. Всю Сибирь исколесил. Пройдены тысячи километров. Вдоль великих рек — их обозначают даже на глобусе. Через высочайшие хребты — их рисуют на картах густой коричневой краской.

Годы не те. Недалёк тот день, когда он не поедет в экспедицию. И однажды выйдет провожать в далёкое путешествие своих сотрудников. А сам останется в Ботаническом саду, в тихой лаборатории. И вместо таёжных троп будет ходить по скрипучим дорожкам, посыпанным песком. Среди скучных пальм и пыльных оливковых деревьев. И больше никогда не будет согревать озябшие руки над костром.

— В тайге нет экзотики тропического леса, — сказал Корней Корнеевич, — но я люблю спокойную, величавую красоту хвойных деревьев. Люблю эти хмурые северные леса. Люблю тишину и безлюдье здешних мест.

Они шли под сводами вековых деревьев. Протискивались сквозь густые заросли кустарников. Некоторые деревья сплошь опутаны, как лианами, цепкими стеблями хмеля. Среди шершавых листьев — маленькие светло-зелёные шишки.

Ради этих шишек хмель разводят на плантациях. В конце лета созревшие шишки собирают. Из них готовят дрожжи для выпечки хлеба. Хмель придаёт пиву особый вкус. Врачи используют настой из шишек и железок хмеля. Он содержит горькое вещество лупулин. Настой успокаивает нервную систему, утоляет боль при воспалении и болезненном раздражении мочевого пузыря.

Они пересекли сырой луг, где от лютиков желтым-желто. Снова попали в тень деревьев, где под кустами роскошные цветы — дикорастущие пионы.

Андрей нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

— Это растение знаешь? — спросил профессор.

На длинных хрупких стеблях тянулись к свету бледно-фиолетовые цветы, собранные в виде зонтиков. Андрей поднял голову.

— Конечно, знаю. Это валерьяна лекарственная. Не люблю валерьяну — аптекой пахнет.

— Да, запах несколько необычный. Настойка валерьяны прекрасно действует на возбудимых людей. Врачи назначают валерьяновые капли при бессоннице и неврозах. Настойку готовят из корневища растения на спирту. Очень часто валерьяну дают вместе с настойкой ландыша и боярышника.

— Это правда, что валерьяну любят кошки?

— Совершенно справедливо, — ответил профессор. — Кошки любят запах валерьяны. Охотно пьют валерьяновые капли и пьянеют от

них, как от вина. Сборщики лекарственных трав знают об этом, и когда сушат корешки, оберегают их от кошек.

— Ха-ха! — рассмеялся Андрей. — Кошки — вегетарианцы, они едят корешки растений. Кошки — пьяницы, они напиваются валерьянкой! Выходит, в некотором роде, кошки опаснее тигров. Тигры, я надеюсь, не гложут корешки валерьяны. Они предпочитают молодых оленей.

Андрей был в отличном настроении. Полон самых радостных мыслей. Всё ладилось, всё удавалось, всё складывалось как нельзя лучше. Небо синее и бездонное. Ветви весело раскачиваются над головой. Цветы и травы сплетаются в пёстрый нарядный ковёр. Два месяца экспедиции не прошли даром. Он многое узнал, многому научился.

Как бывалый путешественник, ставит палатку. Как таёжный житель, разжигает костёр в любую погоду. Как охотник, метко стреляет. Почему «как»? Он теперь и путешественник, и охотник, и таёжный житель. Большая часть отряда находится на пути домой. Он углубляется в таёжные дебри. Даже неугомонный Юсуп скоро будет пить чай из самовара, а он идёт навстречу трудностям и побеждает их. Ищет вместе с Таней и профессором голубой огонёк. Таинственный цветок с берегов Аргена.

— А теперь пора отдыхать.

Голос профессора вывел Андрея из состояния глубокого раздумья.

— Остановка, привал.

Они сбросили тяжёлые рюкзаки на землю. Сели на узловатые корни, торчавшие из земли, словно щупальца осьминогов. Осмотрелись кругом.

Странный пейзаж их окружал.

Редкие невзрачные деревья: уродливые ели и чахлые осины. Туман стелется над землёй. Воздух пахнет грибами и сыростью.

— Эге, мои милые, мы очутились в болоте, — покачал головой профессор. — Невесёлое место.

— Смотрите, мухомор какой! И улитки выглядывают из домиков-ракушек, — сказал Андрей.

— Что мухомор! Посмотри под ноги — ты топчешь ягоды, — сказал Корней Корнеевич.

Андрей нагнулся и сорвал несколько ягод. Попробовал на вкус.

— Ой, какие кислые! Сразу узнаешь клюкву.

— Ягоды станут вкусными лишь поздней осенью, когда ударят первые морозы. Ещё вкуснее будут весной, как перезимуют под снегом. Ягоды клюквы содержат и лимонную, и хинную, и бензойную кислоты. Вот почему они такие кислые. И очень много аскорбиновой кислоты, носящей название витамина С. Клюквенный морс снижает температуру у лихорадящих больных, хорошо утоляет жажду. Клюква хорошее средство против цинги.

— Что такое цинга? — спросил Андрей.

— Я ожидал этого вопроса. Это болезнь. Цинга вызывается недостатком в пище двух витаминов — С и Р. Витамин С содержится в свежих овощах и фруктах. Особенно много витамина С в укропе, перце, хрене, капусте, ягодах рябины, чёрной смородины, земляники, в апельсинах, мандаринах, лимонах. Витамин Р содержится в тех же растениях, что и витамин С. Так что при недостатке одного витамина в пище обычно недостаёт и другого.

Корней Корнеевич сорвал веточку с зелёными продолговатыми листьями.

— Водяной перец, из семейства гречишных. Не советую брать в рот: жжёт как настоящий. В отварах применяют при кровотечениях. Содержит много витамина Р.

Андрей любил слушать профессора. Профессор увлекал слушателей своими рассказами и сам увлекался. Забывал, что перед ним не полная аудитория студентов, а только Таня и Андрей.

«Сколько было таких бесед!» — подумал Андрей. Вечерами возле костра, и в походе, и даже по ночам, когда темнота скрывала кусты, деревья и людей. И были неразличимы лица. И только сияли звёзды и блестели глаза в их неярком свете.

Вот и теперь — лекция на болоте.

— Цинга была страшным бичом средневековья. От цинги погибали сотни, погибали тысячи людей. Погибали целые полярные экспедиции, никто не возвращался домой. Цингой болели моряки во время дальних путешествий. Люди умирали, и никто не знал причины их гибели. При цинге развиваются общая слабость и одышка. Стенки кровеносных сосудов становятся ломкими и проницаемыми для крови. Кровоточивость — самый важный признак цинги. По всему телу появляются мелкие кровоизлияния в виде точек. Кровоточат дёсны. Разрушаются и выпадают зубы. В запущенных случаях может наступить смерть. Те-

перь больных успешно лечат. Потому что знают причину болезни. Дают больным витамин С и Р, и они быстро выздоравливают. Теперь эту болезнь не только лечат — её предупреждают. Полярным зимовщикам и жителям северных посёлков круглый год привозят свежие овощи и фрукты и специальные консервы, богатые витаминами. — Профессор внимательно посмотрел на своих спутников: — Ещё не отдохнули? Вижу, устали. Ничего, скоро остановимся на ночлег. Посидим ещё немного, помолчим.

Но разве мог молчать профессор, когда в двух шагах от него росла красавка с большими, как у лопуха, листьями!

— Атропа белладонна! — радостно воскликнул профессор, словно встретил на улице старого знакомого. — Прекрасный экземпляр! Из красавки получают атропин, очень сильное лекарство. Атропин прекращает передачу нервных импульсов на многие внутренние органы. При язвенной болезни снимает боли в животе и уменьшает отделение желудочного сока. При желчнокаменной болезни снимает спазмы желчных путей. Атропин расширяет зрачки — ведь он расслабляет круговую мышцу радужной оболочки глаза. Очень ценная трава белладонна. Только нужно помнить: в больших дозах атропин — яд! При отравлении атропином сердце бьётся часто-часто, будто хочет выпрыгнуть из груди. Дышит человек, как загнанный заяц, во рту пересыхает, сильно расширяются зрачки, и потому он видит плохо, как в тумане. — Профессор посмотрел на часы: — Друзья, нам пора! — и поднял с земли рюкзак.

Таня и Андрей последовали его примеру.

Вдруг Корней Корнеевич тревожно осмотрелся кругом, понюхал воздух.

— Вам не кажется, что пахнет гарью?

О Г О Н Ь   И   В О Д А

-Я тоже слышу запах гари, — с тревогой в голосе сказал Андрей и оглянулся.

Всё вокруг было спокойно. Вершины деревьев колыхались и мерно гудели. На верхушке кедра размеренно стучал дятел. На голову сыпалась мелкая древесная труха. Сверху упала кедровая шишка, ударилась о землю и, подпрыгнув, затерялась в траве.

— Теперь я не сомневаюсь, где-то горит тайга, — сказал Корней Корнеевич. — Здесь мы ничего не видим и можем оказаться в ловушке. Нужно поскорее выбраться на берег Аргена. Давайте поспешим!

Андрею стало страшно. Нет, он не показывал виду, что ему страшно. Он не изменился в лице, а быстро и уверенно шёл за профессором. Но маленький комочек страха спрятался в груди и не уходил. Первобытный звериный страх перед огнём.

Он не видел огня. Пожар был далеко, может быть, за много километров. Андрей насторожённо нюхал воздух; когда струя воздуха настигла его, он слышал запах гари, запах хвойной смолы и пепла, запах горящей древесины. И, подхлестываемый страхом, он шёл быстрее.

Они шли по болоту. Корней Корнеевич замедлял шаги.

— С болотом шутки плохи, — сказал он, — не отставать и не сходиться с тропы. Идите следом за мной.

Тревожно гудели верхушки деревьев. Узкая тропа вилась среди искривлённых елей, росших по кочкам. Ноги мягко ступали по земле, густо поросшей мхом. Андрей знал, что мох-сфагнум в высушенном виде вместо ваты пригоден для перевязки ран. Часто попадают папоротники. Врачи с давних пор применяют корневище папоротников для изгнания ленточных глистов. Хрустел под ногами хвощ — родственник древних споровиков каменноугольного периода.

Всё увиденное автоматически отпечатывалось в мозгу. Но мысли Андрея опережали его шаги и были там, где неистовый огонь пожирал громадные деревья, где гибнет живое. Его тянуло туда неудержимо.

Местами выделялись участки особо яркой и сочной зелени. Корней Корнеевич обходил их стороной.

— Эти «окна» — особенно коварные участки болота, — объяснял он. — Под тонким слоем дёрна — зыбкая топь, способная засосать человека.

«Способная засосать человека, способная засосать человека», — в такт шагам повторял Андрей.

Постепенно лес стал гуще, а почва под ногами твёрже. Болото осталось позади. Папоротники достигали высоты человеческого роста.

— Как в доисторическом лесу! — восхищённо сказала Таня.

И в её голосе Андрей не уловил ни малейшего оттенка тревоги или испуга. Ему стало стыдно за себя. «Собственно, чего я боюсь? Ведь профессор и Таня спокойны».

— Как в Австралии, — понемногу приходя в себя, сказал он. — Там до наших дней сохранились древовидные папоротники. Вот-вот просвистит из-за дерева ядовитая стрела.

«А там всё горит», — подумал Андрей.

Среди деревьев намечался просвет. Послышался рокот воды, и запах гари стал совсем отчётливым. Через несколько минут они стояли на берегу стремительного Аргена. И видели скалы, нависшие над ре-

кой, и бурное течение горной реки, и противоположный склон горы, окутанный густым дымом.

Трудно было понять, где горит. Дым застилал большое пространство, временами совсем скрывая склон. Горячие волны дыма наплывали на наших путешественников, и тогда становилось трудно дышать. Изредка сквозь дым пробивалось пламя, прозрачное и неяркое при свете дня.

И Андрей вдруг понял, что ему совсем не страшно. В лесу его пугала неизвестность, а здесь, у кромки горящей тайги, он почувствовал себя удивительно спокойно и уверенно.

— Что вы об этом думаете? — бодро спросил Андрей и показал рукой на огонь.

— Не самое страшное. — Профессор взял в кулак бороду и пристально смотрел на склон, объятый пламенем и дымом. Казалось, он сошёл со страниц жюльверновского романа. Профессор бесстрашный и всезнающий. И, пожалуй, такой же разговорчивый. — Самое страшное — это лесной пожар в жаркую погоду. Когда сухо и нет дождей. Когда пламя охватывает подстилку из опавшей хвои и ветвей. В одно мгновение поджигает нагретую солнцем кору и пожелтевшие иглы. А если к тому поднимется ветер, не жди пощады. В короткий срок огонь пожирает громадные лесные пространства...

Едкий дым напал на берег. Андрей закашлялся. На глазах выступили слёзы.

— Однако нужно уходить отсюда, — озабоченно сказал профессор.

— Давайте взберёмся вон на ту скалу, что высится над Аргеном, — сказала Таня.

— Да, огонь туда не достанет, и дым там не такой густой, — одобрил выбор профессор. — Тогда не будем терять времени.

— Андрей, ты куда? — спросила девушка.

— Сейчас вернусь, только наполню фляги.

— Он прав, на скале воды не сыщешь. Возьми мою флягу.

— И мою.

Андрей сбегал к реке. Мутная вода бурлила, перехлёстывала камни. Он наполнил фляги, напился. Вода пахла гарью. Высокая обгорелая ель стояла на другом берегу, и синие огоньки ползали по мёртвому стволу. В воду падали горящие ветки. Шипя и чадя дымом, сразу гасли.

Его нетерпеливо ожидали.

— Где ты застрял так надолго?

Помогая друг другу, они стали карабкаться вверх по крутому склону. Цеплялись за пучки травы, росшие в расселинах между камнями. Исцарапали до крови руки.

Ноги скользили, срывались. Испуганная мышь с коричневой шкуркой — красная полёвка, — пискнув, скрылась в норе. Стая синиц, спасаясь от огня, пролетела над ними.

Внизу переливалась маслянистая поверхность воды. В наступающих сумерках в воде стали заметны отблески пламени.

Вершина скалы была плоской. Поросла кустарниками смородины и малины. Группой стояли кедры — верхушки прилизаны ветром. Андрей заметил в ветвях ещё не созревшие зелёные шишки. Почему-то вспомнился Ботанический сад, здание научного корпуса со множеством труб и выступов на крыше. У самого дома росли ливанские кедры с голубоватой хвоей.

— С этой скалы при желании можно отразить нападение воинственного индейского племени, — сказал Андрей.

— Главное — отразить нападение огня, — сказал профессор. — Однажды я чуть не погиб в лесном пожаре. Это случилось в Забайкалье. Огонь нас преследовал неотступно. Тогда мы нашли спасение в реке. Нырjali в воду, когда в нас летели горящие головешки. Как тюлени, — слабо усмехнулся профессор. — А потом пламя переметнулось через реку, и мы оказались меж двух огней, меж двух каскадов ревущего пламени. И спаслись на крошечном плотике, спустившись вниз по течению. На этот раз нам просто повезло. Недавно перепали дожди, и ветра почти нет. Лес плохо горит.

«Ничего себе повезло! — подумал Андрей. — Ничего себе, лес горит плохо!»

Быстро темнело. Солнце спустилось где-то в багровой пелене дыма. Пожар разгорался. Или так только казалось в темноте.

На фоне чёрного неба на зубчатом гребне горы вырастали оранжевые языки пламени. Огненные змейки стекали со склона. Зрелище лесного пожара в ночной темноте было неправдоподобно жутким. Огонь пожирал ночь, выхватывал из темноты клубы дыма и корявые ветви — костлявые руки, словно просившие о пощаде. Огонь царствовал над ночью, огонь победил ночь.

— Я чувствую себя барашком, которого поджаривают на вертеле, — сказал Андрей.

— Да, становится жарко, — сказал Корней Корнеевич, — словно попали на костёр инквизиции.

— Мы грешники, попавшие в ад, — сказала Таня и рассмеялась. — Черти разводят под нами костёр.

— Не худо бы и нам разжечь костёр да испить чайку.

— Кругом столько огня, а чай не вскипятишь, — сказал Андрей и достал из кармана зажигалку Юсупа.

Медный дракон послушно выплюнул крохотный язычок пламени. Его было достаточно, чтобы разжечь небольшой костёр из прошлогодних кедровых шишек и веточек. И вскоре весело заворковал чайник.

— Люблю брусничный чай! — сказала Таня. — Аромат — как у цейлонского, вкус — как у китайского.

И, хотя это было явным преувеличением качеств брусничного чая, никто не стал возражать. Сладкий горячий чай после стольких тревог и волнений был очень кстати.

Вершины кедров беспокойно загудели. Скрипели ветви — тёрлись друг о друга. Пламя костра заметалось, разбрасывая горячие искры, поджигая траву. Раскалённый уголёк упал на шкуру рыси и выжег в ней чёрный кружок.

— Ого, так мы наделаем пожар на скале! Шкура сгорит, и мы вместе с ней. Начался ветер. Ветер раздувает огонь. Гасите костёр, — приказал профессор.

Они тщательно затоптали огонь. Забрались в спальные мешки. Спать так спать. Не беда, если огненная стихия совсем рядом и горячие волны дыма обволакивают скалу, так что трудно дышать. Пока можно дышать, стоит ли унывать!

«Обиднее другое, — думал Андрей. — Обиднее чувствовать себя беспомощным перед стихией».

Из спального мешка он видел, как раскачивались ветви кедра, как по морщинистому стволу бегали суетливые отблески пламени. Слышал треск горевших деревьев. Он вспомнил кинофильм, где показывали борьбу с лесными пожарами.

Патрульные самолёты днём и ночью кружат над тайгой, выискивают подозрительные дымки — первые предвестники большого пожара. Если пожар обнаружен, срочно посылают людей и технику. Вертолёты сбра-

сывают десант. Он, Андрей, тоже прыгает с парашютом, борется с огнём. Гремят взрывы... Взрывная волна гасит пламя! Пожар отступает. Андрей умывается, зачерпнув пригоршню воды.

Он проснулся от ледяного прикосновения воды. По брезентовому чехлу спального мешка мерно ударяли тяжёлые дождевые капли.

«Дождь! Неужели пошёл дождь? — подумал Андрей. — Или это только сон? Нет, это не сон. Это настоящий дождь».

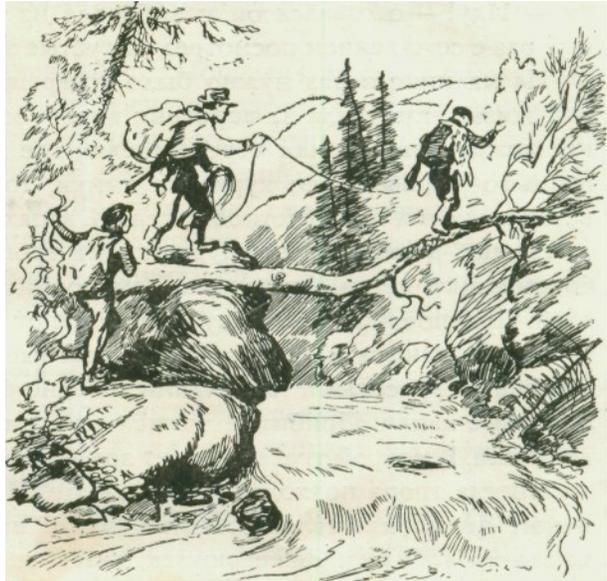
Редкие ветви кедра не задерживали дождевых струй. Ветер завывал. Рокотал Арген. Шипели остывающие угли. Андрей долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам ночи.

Где-то в ночи вступили в единоборство две стихии — огонь и вода. Капли падали в пламя и, закипая, испарялись. Струи дождя сбивали пламя.

Огонь с новой яростью принимался глотать смолистые ветви. Вода гасила огонь.

Огонь брал яростью. Вода — спокойствием. Дождь всё усиливался, и пожар понемногу стал затихать.

Утром склон горы курился одинокими дымками. Там, где ещё вчера высился красавец лес, сиротливо чернели обгорелые стволы. Огню так и не удалось перебраться на другой берег Аргена. Участок леса в несколько гектаров был слизан со склона лесным пожаром.

С*пускались со скалы. Поскользнувшись, падали. Цеплялись рюкзаком за кусты. Говорили, что подниматься на скалу было легче. Помогали друг другу. Ругали дождь, который всё шёл и шёл. Мелкий и равномерный. Хвалили дождь — ведь погасил пожар. Кое-как спустились со скалы. И вдруг обнаружили, что исчез Андрей.

— Андрей, где ты? — звала Таня.

— Вот беда! Одно вместо другого! — недовольно сказал профессор. — То пожар загнал нас на скалу, теперь куда-то девался Андрей.

— Андрей, отзовись! — кричала Таня.

— Я здесь! — послышалось совсем рядом. — Малины сколько. Идите сюда, на всех хватит!

— Я так и думал — ягоды! — сказал Корней Корнеевич. — Обыкновенная лесная малина, не может оторваться. Потогонное средство, по-

лезное при простуде. Его, конечно, интересуют не лекарственные достоинства малины, а гастрономические. Он не скоро выберется оттуда. Пойдём, Танюша!

— Андрей, мы уходим!

— Иду! — отозвался он и выбрался из кустов. Тяжело вздохнул и ещё раз с сожалением посмотрел на густые заросли малины.

Из малинного рая нужно было возвращаться в серые будни реальной жизни, где текла за воротник вода — и неизвестно, когда перестанет дождь, сегодня или через неделю; где вид на обгорелый склон не очень-то радовал глаз; курились дымки, торчали обгорелые стволы, и ветер разносил по окрестностям едкий запах гари и пепла.

Андрей догнал своих спутников на тропе, что вилась среди кустов боярышника, тёрна, шиповника, смородины, малины, среди молодых елей. Приспособился к ритму их шагов и бодро шагал позади.

Раскачиваются на ветру лилово-красные кисти кипрея. Хрупкая валерьяна с красивыми зонтиками бледно-фиолетовых цветов роняет дождевые капли. Прибитые дождём, склонились к земле голубые колокольчики. В мокрой траве желтеет золотистая володушка.

Иногда тропа подходит к самой воде. И крутые злые волны бились у ног. Дождь хлестал по лицу. Одежда намочена. Шляпа профессора имела жалкий вид. Даже рюкзак, казалось, отяжелел от воды. Сапоги блестели от мокрой травы.

В одном месте тропа терялась у воды. Её продолжение виднелось на другом берегу. Когда-то здесь был мост. Но теперь единственное бревно соединяло два берега. Сучковатое бревно длиной около десяти метров — самый трудный отрезок пути.

Река ревела. Вода пенилась и клокотала. Мимо проплывали щепки и брёвна. Вода поднимала камни, несла их несколько метров. Потом, обессилев, опускала на дно. И быстрые струи перехлёстывали каменную глыбу. Вскипали буруны. Рельеф воды ежеминутно менялся.

Они остановились в нерешительности. Не так-то просто пройти по скользкому бревну над бурным потоком.

«Странное дело! — подумал Андрей. — Когда бревно лежит на земле, по нему запросто можно пробежать. С бума легко сорваться, хотя он всего на высоте одного метра над землёй. Когда бревно над бурной рекой — это уже преграда».

— Я пойду первым, — сказал он.

— У нас где-то была верёвка, — сказал Корней Корнеевич.

— У меня в рюкзаке, — отозвалась Таня, — я достану. Только лучше я пойду первой. По крайней мере, вы легче вытащите меня из воды.

— Что за настроения! — строго сказал профессор. — Никто не должен падать. Верёвка лишь для страховки и успокоения духа. Первым пойдёт Андрей.

Андрей привязал верёвку к поясу. Поправил лямку рюкзака, так чтобы рукам было свободней. Забросил за плечи рысью шкуру, отсыревшую от дождя, и храбро ступил на мокрое бревно.

Он сделал первый шаг. Потом другой, третий. И посмотрел под ноги. Внизу бешено неслась вода. Водяная пыль висела в воздухе. У Андрея закружилась голова и неприятно потянуло под ложечкой.

«Я должен пройти, должен! — подумал он. — Ведь я не трус и на меня смотрят». Он оторвал взгляд от воды и сделал ещё один шаг. Осторожный шаг по бревну.

Таня замерла, когда Андрей покачнулся. Под ним обломился сучок. Было трудно понять, как ему удалось сохранить равновесие.

Корней Корнеевич словно врос в землю. Крепкими жилистыми руками он держал верёвку и понемногу отпускал её.

Андрей миновал половину бревна. Он шёл неторопливо. Противоположный берег медленно приближался. С каждым шагом росла уверенность в своих силах. Его охватила радость — он прошёл по узкому бревну. Преодолеl горный поток.

Он спрыгнул на траву, помахал рукой — всё в порядке! И привязал конец верёвки к торчавшему из земли корню.

Он видел, как Таня ступила на бревно. В брюках и спортивной курточке она похожа на мальчика. Таня внимательно смотрит куда поставить ногу. Она улыбается. Ей идти легче. Она держится за верёвку, и это помогает сохранить равновесие.

Таня спрыгнула на траву.

— Какой ты молодец, Андрейка!

Корней Корнеевич шёл последним. Он был грузен и велик. Он шёл спокойно. Словно, не над бурлящей горной рекой, а по городскому тротуару. Для него это неприметный эпизод походной жизни — бывало потруднее. Когда же профессор сошёл на землю, все заметили, как он тяжело дышит.

Дождь продолжал накрапывать. Тот мелкий морозящий дождь, ко-

торый может зарядить надолго. Ревела река, бурная и стремительная. Вода в реке мутная и пенистая — такая всегда бывает во время дождей, когда со склонов смывает всякую грязь.

Тропа вилась по уступу над рекой, который местами превращался в карниз, нависавший над водой. Местность стала гористой, и река шумела на дне узкого ущелья. Низкие тучи обложили всё небо. Дали были неясными и расплывчатыми в мутной сетке дождя.

Путешественники долго шли по тропе.

Противоположный берег становился ниже и ровнее. Оттуда подступала тайга. Тропа была узкая, скользкая. Под ногами путались низкорослые кустики брусники. Плоды ещё не созрели — бледно-красно-то цвета.

Корней Корнеевич сорвал веточку брусники.

— Зимует под снегом. В самые лютые морозы брусника остаётся зелёной; эти маленькие кустики растут во всех северных странах: и на Курильских островах, и в студёной Гренландии, на Аляске и даже на острове Вайгач в Северном Ледовитом океане. По всей Сибири.

Профессор немного помолчал. Попробовал на вкус ягоду — горьковата, листья совсем горькие. В народной медицине отвар из брусничных листьев применяют при почечных камнях, ревматических болях, подагре. Отвар и настой листьев брусники — хорошее мочегонное средство.

Андрей решил запастись травой.

— Это на случай почечных камней? — спросила Таня.

— Нет, сегодня опять будем пить чай из брусники.

— Слов нет, хозяйственный мальчик, — улыбнулся профессор.

— Стойте! — вдруг закричал Андрей. — Здесь опасно!

За поворотом тропа обрывалась. Видимо, совсем недавно произошёл обвал. Карниз словно ножом отрезан.

— Я разведую путь, — сказал Андрей и снял рюкзак, Корнею Корнеевичу протянул ружьё, а шкуру рыси и гербарную папку отдал Тане.

— Не спеши, — пытался остановить его профессор. — Здесь не долго сорваться.

Но Андрей уже не слышал. С ловкостью кошки он прыгнул на остатки карниза и быстро по нему пошёл, цепляясь руками за торчавшие из земли корни и стебли. Где-то внизу бурлила река. На крутом склоне торчали одинокие деревья.

Он сразу же исцарапал себе руки. Ноги скользили, и он подтягивал-

ся на руках. Оставалось сделать всего несколько шагов, и он ступит на широкий карниз, поймает верёвку, брошенную профессором, привяжет её к дереву, и тогда Корней Корнеевич и Таня спокойно минуют опасное место. Но вдруг Андрей ощутил, что узкая полоска земли, на которой он стоял, стала оседать и уходить из-под ног. Глубокая трещина прорезала карниз.

Он ухватился за ветки корявой пихты, росшей на склоне. Но не удержался, покатился дальше. Река, словно магнит, тянула его вниз, он видел холодный блеск струй. Ветви хрустели, ломаясь. Камни катились вниз и падали с плеском в воду.

Таня и Корней Корнеевич не успели что-либо предпринять. Всё случилось в одно мгновение. Помочь Андрею было невозможно. Карниз, разбухший от дождей, стал обваливаться и у них под ногами. Пришлось отступить за скалу. И они потеряли Андрея из виду. Положение стало отчаянным.

Таня сбросила рюкзак.

— Ты куда, сумасшедшая!

— Я спущусь к реке.

— Здесь нельзя, разобьёшься, — строго сказал профессор, — не теряй голову!

Захватив рюкзак Андрея, они побежали обратно по тропе. Наконец нашли ложбину, расщелину между скалами. Стали по ней торопливо спускаться, цепляясь за кусты, сбивая камни.

Они спустились к берегу Аргена. Глухо рокотала вода.

— Здесь не пройдем, — сказала Таня, — нужно переправиться на тот берег.

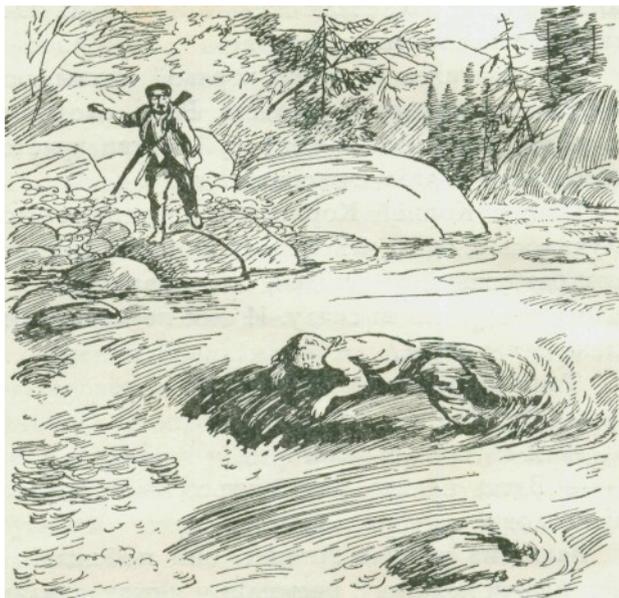
— • Верно. И тогда сумеем приблизиться к тому месту, где упал Андрияша.

Таня вошла в воду. Сносило течением. Корней Корнеевич шёл рядом. Вода была ледяной. Насквозь промокли, они выбрались на берег и сразу побежали вдоль реки. Раздался выстрел.

Кто это стрелял? У Андрея нет ружья. Что означает этот выстрел? Впрочем, какое им дело до выстрела. Нужно скорее помочь Андрияше. Скорее! Скорее!

Сухой звук выстрела отозвался в скалах и, перекатываясь эхом, разнёсся по таёжным далям.

НЕОЖИДАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Андрей очнулся от крика. В грохоте горной реки прозвучал человеческий голос. Он открыл глаза и увидел, что лежит на большом плоском камне у самой воды. Он сел. Болела голова, саднило руки. Снова услышал, как кричали:

— Эй, парень, парень!

На другом берегу реки стоял человек с ружьём за спиной. В руке он держал топор.

— Сейчас я выручу тебя! — крикнул мужчина.

«Наверно, охотник», — подумал Андрей.

Охотник подошёл к высокой узкой ели и двумя ударами топора свалил её. Видимо, топор был острый, как бритва. Покачнувшись, дерево рухнуло в траву. Ловкими взмахами топора охотник отсек ветви, и красавица ель превратилась в длинную сучковатую жердь.

— Держи, парень! — крикнул охотник и протянул ему жердь. — Иди смелей, не бойся. — Он держал жердь одной рукой.

Андрей ступил в реку. Вода бурлила, сбивала с ног. Он крепко держался за жердь. Речка, к удивлению Андрея, оказалась неглубокой. Вода — отчаянно холодной, ещё холоднее, чем он ожидал. Охотник протянул мальчику руку.

— Вот и выудил тебя, как рыбу, — сказал он, ухмыльнувшись. — Смотрю — идут по карнизу трое. А место опасное: осыпается карниз. Там давно никто не ходит. Потом вижу, падаешь, парень. Молодец, не растерялся. Цеплялся за каждую веточку. Небось все руки ободрал. А твои попутчики, наверно, не чают тебя живым увидеть.

Охотник снял ружьё и выстрелил в небо. Сухо прогремел выстрел. Эхом отозвались скалы. Ястреб, круживший высоко над лесом, испуганно полетел прочь.

Только теперь Андрей заметил, что левая рука человека неподвижно висит в рукаве. Мужчина встретил его взгляд:

— Это после болезни. Клещевым энцефалитом болел, вот и усохла рука. Смотри, парень, вон и твои попутчики спешат.

Андрей увидел, как из-за кустов показались бегущие Таня и Корней Корнеевич.

— Андрюша! Андрюша! Ты цел! — кричала Таня. Она первой подбежала к Андрею. Вымокшая в реке до пояса, покрасневшая от быстрого бега, она поцеловала его в лоб. И Андрей увидел в Таниных глазах слезинки.

Тяжело дыша, с двумя рюкзаками за спиной, подбежал Корней Корнеевич. Он тоже изрядно промок. В бороде профессора запутались веточки и колючки.

Корней Корнеевич ласково потрепал Андрея по щеке, крепко обнял и сказал:

— Мы так волновались за тебя, Андрюша! Сильно ушибся?

— Не очень. Руки ободрал и колено болит.

— А кровь на губе откуда? — спросила Таня.

— Пустяки, царапина.

— Он держался молодцом, — улыбнулся однорукий.

Они познакомились. Мужчину звали Нилом Петровичем. Он служил лесником и пригласил наших путешественников к себе домой.

— Это совсем близко, — пояснил он.

Они вчетвером шли по лесной дороге. Насыщая воздух влагой, моросил дождь.

— Кто это рысь добыл? — спросил лесник.

— Это я! — похвастал Андрей. — Одним выстрелом свалил, а шкуру содрал.

— Не годится, что шкура мокнет. Покоробится. Шкуру нужно на раму натянуть.

— Вам скучно, наверно, жить в лесу? — спросила Таня.

— Нет, девушка. Я привык к такой жизни. Пробовал один раз пожить в городе — там действительно заскучал. А здесь у нас скучать некогда. Да и люди из города приезжают. Интересуются здешними краями. Одни карты рисуют, другие камни ищут, третьи лес измеряют, каждое дерево считают. По их совету с тех пор запретили в здешних местах лес сводить. А вы-то зачем пришли?

— Мы ботаники, — ответил профессор. — Нас интересуют в основном лекарственные растения и травы. Но сейчас мы ищем один редкий цветок. Голубой огонёк. Ни в одной гербарии мира нет этого цветка. И, хотя это растение многими считается вымершим видом, мы хотим его разыскать. Есть сведения, что в этих горах цветок сохранился.

— А на что он похож, этот цветок? — спросил лесник.

— Голубая чашечка. Очень нежные лепестки, — сказала Таня. — И, главное, светится по ночам. Горит голубым огоньком.

Лесник задумался. Потом тряхнул головой:

— Нет, не слыхивал о таком.

Андрей прислушивался к разговорам. Всё воспринимал, как во сне. Смотрел по сторонам, по привычке ботаника приглядываясь к придорожным растениям.

По краю дороги возвышались великолепные лопухи. Они достигали высоты человеческого роста. Красовались соцветиями цепких репейников. Нижние листья необъятной ширины. «*Mała Бегъа сНо сгез-сИ*»¹, — вспомнил Андрей слова профессора.

Стебли и корешки лопуха содержат сахаристо⁰ вещество — инулин. Корни в настойках применяют как испытанное мочегонное и потогонное средство. Особенно популярно в народе репейное масло для раше-

¹ Плохая трава быстро растёт (латинское изречение).

ния волос. Правда, врачи-специалисты совсем иного мнения. Они считают, что репейное масло на рост волос никак не влияет.

Вот невзрачная пастушья сумка. Мелкое, неказистое растение. Заурядный сорняк полей и огородов. Его плодик по форме напоминает пастушью сумку. Такие сумки теперь никто не носит, даже пастухи. Но название сохранилось. Листья пастушьей сумки собирают во время цветения. Они обладают ценным свойством останавливать кровотечение.

Андрей прихрамывал. Места ушибов начинали болеть. Он несколько раз чихнул.

— Будь здоров! — сказала Таня.

Корней Корнеевич недовольно покачал головой:

— Так разболеться недолго.

Андрей чувствовал себя усталым и вконец разбитым. Хотелось есть, отдохнуть, даже полежать. Кружилась и болела голова.

Дорога казалась бесконечной. Хмурые ели по сторонам. Тёмно-зелёная хвоя, мокрая от дождя. Бурундуки, прыгающие по стволам... Почему бурундуки, когда это белки!

— Правда это белка? — спросил Андрей.

— Какая белка? — удивилась Таня. — Здесь нет белки.

— Он очень устал и плохо себя чувствует, — сказал Корней Корнеевич и попытался забрать рюкзак у Андрея.

— Нет, нет, я сам понесу! — и совсем некстати добавил: — Mala Beґba cHo

Л Е С Н О Е   Г О С Т Е П Р И И М С Т В О

Навстречу с оглушительным лаем неслись две собаки. Лаяли они беззлобно и даже приветливо. Лаяли с азартом и любопытством. Давно не видели чужих людей. Одна рыжей масти, другая — белая: собаки не принадлежали к определённой породе.

— Рыжик, Беянка, домой, это свои! — крикнул Нил Петрович.

Собаки неохотно повиновались. Они бежали рысцей впереди идущих. За поворотом дороги показался домик. Из трубы тянулся дымок и сразу таял, перечёркнутый дождевыми струйками.

Вид этого домика с дымом придавал всему пейзажу ^чрезвычайно симпатичный вид. И эти сумрачные горы становились лаемгакими хмурыми, и влажный от дождя лес, полный шорохов и шума падающих капель, казался не таким угрюмым и печальным.

На пороге их встретила седая, сгорбленная старуха — мать лесни-

ка. Она посмотрела на приезжих мутными, слезящимися глазками и пробормотала себе под нос:

— Где мальчонку так угораздило расшибиться?

Рядом стояла жена лесника, немолодая женщина в синем платье. За спиной у неё пряталась девочка лет десяти в красной косынке.

— Это моя дочка, Галочка, — пояснил Нил Петрович, — а старший сын, студент, учится в городе.

Они зашли в домик. Почти треть избы занимала большая русская печь. По бревенчатым стенам развешаны пучки ароматных трав. В избе было жарко натоплено, и одежда сразу стала подсыхать.

Стаскивая с себя мокрую куртку, Андрей морщился от боли. Болели ссадины и ушибленные места. Он думал: как хорошо, что всё осталось позади — и лесной пожар, и разбушевавшаяся река, и головокружительное падение с карниза, и беспрестанный мелкий дождь! Можно распрямить натруженные плечи, можно отдохнуть.

— Полезай-ка на печь, — скомандовала старуха.

Андрей с удовольствием выполнил приказание.

— Вот, приложи к ссадинам. Это подорожник — вернее средство.

Андрей взял у старухи пучок мокрых листьев и стал прикладывать их к больным местам. Они прилипали к телу и приятно охладили. Андрей знал: листья подорожника хорошо останавливают кровотечение.

Печка убаюкивала, согревала, и он задремал. Проспал совсем недолго. Но когда проснулся, в маленькие оконца уже проглядывали синие сумерки. В ненастье особенно рано темнеет.

В избе стоял полумрак. Старуха возилась у печки. Огонь освещал её лицо, изборождённое морщинами.

По стене двигалась тень старухи, сгорбленная и большая, с длинными крючковатыми руками. Андрей представил — он лежит на печи в избешке бабы-яги, а за столом расположились разбойники.

Старуха ухватом извлекла из печи чугунный горшок. Перелила содержимое в кружку.

— Испей, мальчик, это зелье и скоро поправишься. — Она протянула кружку.

Андрей взял её. Попробовал пить. Горько и горячо.

— Пей, %шлый, пей. Разных травушек я положила: мать-и-мачехи листочки сушеные, чтоб в груди смягчило; ромашки лекарственной — вяжет хорошо и пропотеешь, голубчик; полыни горькой, в далёкой сте-

пи собранной, — она аппетит прибавляет, а при болезнях аппетит самое первейшее дело; мышатник — пьяная трава — вместе с иван-да-марьей помогают от кашля; зверобой боли снимает; маралий корень силы прибавляет. Коль ранен был и кровушка текла, порезную траву положила. А для цвета и запаха черничных ягод и брусничных листьев положила. Пей, милый, пей!

Андрей вопросительно посмотрел на профессора. Корней Корнеевич кивнул головой:

— Выпей треть кружки, не больше. Невероятная микстура, но всё правильно она положила, я смотрел.

Андрей тяжело вздохнул и отпил несколько глотков густой, горькой и ароматной жидкости.

— Вот и молодец! Теперь чайку испей с малиновым вареньем, закрывайся теплее и спи.

«Чай с малиной такой вкусный и душистый! — подумал Андрей. — Совсем как дома!»

Нил Петрович зажёл керосиновую лампу. Неяркий свет упал на лица, осветив большой лоб и приглаженную бороду профессора; сощуренные глаза лесника; Танины глаза. Андрей только теперь заметил, что у Тани зеленоватые глаза. Они искрились лукавым светом и теплотой. Возле самых зрачков они становились коричневыми с золотистым оттенком. Зрачки были чёрные, бездонные. Узкие, насмешливые на свету, громадные и таинственные ночью.

За столом пили чай. Вели неторопливые беседы. Засыпая, он слышал, как Таня рассказывала легенду о голубом огоньке.

— Это было давно, когда в людях только зарождались добрые чувства и войны были нередки. И человек убивал человека, безжалостно разрушал города, вырубал сады, опустошая цветущие равнины...

Андрей лежал на горячей печи, а ему казалось, что лежит он посреди большого пёстрого луга, согретого солнцем.

Там много ярких, красивых цветов. Он видит знакомые расцветки и очертания и не может вспомнить ни одного названия. Он хочет встать и уйти в тень деревьев, но не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Может только смотреть на луг, на ослепительно яркое солнце, и у него перед глазами расплываются радужные круги.

Солнце ушло за горизонт, и сразу наступила ночь.

Полная луна взошла над лугом, большая и круглая. Такая близкая

и яркая. Улыбающаяся луна. Она подмигивает и смеётся. И спрашивает: «Кто лежит посреди луга и не может встать?»

Андрей заметил, что цветов на лугу стало больше. И они не стоят на месте. Они медленно движутся.

Ближе всех—ромашки, кудрявые головки, узорчатые листочки. Они образовали круг и мерцают в лунном свете. А дальше — колокольчики. Днём голубые, в лунном свете кажутся посеребрёнными. За ними — матово-пурпурные колокольцы наперстянки. Даже майские ландыши покинули укромные лесные уголки ради небывалого карнавала цветов.

Белые маргаритки с золотой сердцевинкой. Розовые астры из альпийских лугов. Жёлтая патриния и бледно-фиолетовая валерьяна. Белая кашка — ползучий клевер. Золотисто-жёлтый зверобой, анютины глазки и скромный одуванчик. Кого здесь только нет! Даже гордые пионы толпятся в сторонке в своих нарядных генеральских мундирах и важно перешёптываются с шиповником — лесной розой.

Теперь всё ясно! Андрей попал на бал цветов.

Феерическое зрелище среди ночи. Парад расцветок, неистовство запахов, стихия красоты. И над всем этим великолепным собранием застыла в изумлении красавица луна. И, решив, что не может она сравниться с любым из цветков на лугу, в смущении луна спряталась за тучкой, которая очень кстати оказалась поблизости.

На лугу стало темно. И вдруг зашумела громче горная река, протекавшая близ того луга, забурлила и выплеснула на берег диковинный цветок необычайной красоты.

Всё сразу осветилось ровным голубым светом. Это горел нежным пламенем таинственный цветок гор — голубой огонёк.

Откуда он пришёл на этот пёстрый луг? Его принесла горная река, и эта река хранит тайну.

Андрей раскроет тайну. Он достанет голубой огонёк. Как хорошо, что он попал на этот луг, где фантастические краски создают ощущение сказки и нереальности, где от множества ароматов кружится голова! Стоит протянуть руку — и цветок в его руках.

Он протянет руку. Он достанет цветок.

Но почему он не может пошевелиться? И нет уже голубого цветка на поляне, и он позабыл все названия цветов. И нет луны, а жарко припекает солнце. Жарко.

ДАЛЬШЕ ВЕРХОМ

Три дня Андрей провалялся на печи. На четвёртый день утром почувствовал себя вполне здоровым. Проснулся рано. Вышел из душевой избы на свежий воздух, ощущая во всём теле бодрость и прилив сил. На синяки и ссадины можно было не обращать внимания. По своему мальчишескому опыту Андрей знал — через несколько дней они исчезнут бесследно.

«Даже интересно проследить за цветением синяка», — подумал Андрей. Корней Корнеевич рассказывал однажды. До этого Андрей не представлял, что в синяке происходят такие сложные превращения веществ.

Из крови, излившейся под кожу, выделяется красный гемоглобин. Постепенно он превращается в красновато-желтоватый билирубин. Процессы окисления переводят билирубин в зелёный биливердин,

синий билицианин, жёлтый холетелин. Синяк сияет всеми цветами радуги.

Босиком, ежась от щекочущих прикосновений мокрой травы, Андрей сбежал по тропинке к реке. Блестел от росы луг. Туман быстро рассеивался. И вскоре стали видны ближние и дальние горы, покрытые синими лесами. Еще вчера они наводили тоску и уныние, сегодня они манили и звали в путь.

Река гудела. Несла мутные дождевые воды. Андрей зачерпнул ладонью воды из Аргена. Умылся. Вода приятно холодила и освежала.

Возвращаясь к избе, он увидел возле дорожки высокие кусты чистотела. Они цвели мелкими золотисто-жёлтыми цветками, в каждом по четыре лепестка. Андрей сорвал веточку — на месте излома показалась золотистая капелька густого сока. Он знал, этот сок ядовит, но при наружном применении излечивает бородавки.

— С добрым утром, Андрюша! — сказал профессор. — Как себя чувствуешь?

— Как настроение, больной? — спросила Таня.

— Самочувствие отличное, настроение превосходное! — весело доложил Андрей, отдал пионерский салют и улыбнулся.

— Это видно без слов. В здоровом теле здоровый дух. Если это так, то сегодня же отправляемся дальше.

— Хорошо бы! Я все бока отлежал на печи.

Профессор подошёл поближе к мальчику и, загадочно улыбаясь, спросил:

— Ты видел на лугу лошадей?

— Видел, ну и что? — равнодушно ответил Андрей.

• — Теперь они наши, — не удержалась Таня.

— Как — наши? Нам их подарили?

Профессор рассмеялся:

— Нет, не подарили и не купили. Это колхозные лошади, здесь работали на сенокосе. Их оставили временно, подкормиться на сочных лугах. Мы тоже берём лошадей во временное пользование. А потом доставим в колхоз, в селение Турай. Я знаю тамошнего председателя.

— Вот здорово! — воскликнул Андрей. — Значит, дальше верхом!

— Дальше верхом.

Сборы были недолгими. Сразу после завтрака стали седлать лошадей.

синий билицианин, жёлтый холетелин. Синяк сияет всеми цветами радуги.

босиком, ежась от щекочущих прикосновений мокрой травы, Андрей сбежал по тропинке к реке. Блестел от росы луг. Туман быстро рассеивался. И вскоре стали видны ближние и дальние горы, покрытые синими лесами. Еще. вчера они наводили тоску и уныние, сегодня они манили и звали в путь.

Река гудела. Несла мутные дождевые воды. Андрей зачерпнул ладонью воды из Аргена. Умылся. Вода приятно холодила и освежала.

Возвращаясь к избе, он увидел возле дорожки высокие кусты чистотела. Они цвели мелкими золотисто-жёлтыми цветками, в каждом по четыре лепестка. Андрей сорвал веточку — на месте излома показалась золотистая капелька густого сока. Он знал, этот сок ядовит, но при наружном применении излечивает бородавки.

— С добрым утром, Андрюша! — сказал профессор.— Как себя чувствуешь?

— Как настроение, больной? — спросила Таня.

— Самочувствие отличное, настроение превосходное! — весело доложил Андрей, отдал пионерский салют и улыбнулся.

— Это видно без слов. В здоровом теле здоровый дух. Если это так, то сегодня же отправляемся дальше.

— Хорошо бы! Я все бока отлежал на печи.

Профессор подошёл поближе к мальчику и, загадочно улыбаясь, спросил:

— Ты видел на лугу лошадей?

— Видел, ну и что? — равнодушно ответил Андрей.

— Теперь они наши, — не удержалась Таня.

— Как — наши? Нам их подарили?

Профессор рассмеялся:

— Нет, не подарили и не купили. Это колхозные лошади, здесь работали на сенокосе. Их оставили временно, подкормиться на сочных лугах. Мы тоже берём лошадей во временное пользование. А потом доставим в колхоз, в селение Турай. Я знаю тамошнего председателя.

— Вот здорово! — воскликнул Андрей. — Значит, дальше верхом!

• — Дальше верхом.

Сборы были недолгими. Сразу после завтрака стали седлать лошадей.

— На каком коне я поеду? — сгорая от любопытства, спросил Андрей.

— Выбирай любого, — сказал лесник, — все хорошие.

У Андрея разбежались глаза.

— На этом... — сказал Андрей. — Нет, нет, на этом! — и показал на своего избранника.

Конь был невысокого роста, плоскогрудый, с короткой шеей. Гнедой масти без особых примет. Помесь между лошадей местной породы и низкорослой монгольской.

— Славный конёк, — сказал лесник.

— А как его зовут?

— Кличка «Таран».

— А моего? — спросила Таня.

— Не знаю. Этого вот запомнил, а твоего не знаю.

— Ага, а мой конь лучше! Ага! — сказал Андрей и похлопал Тарана по холке.

Таран диковато косил глазом и пугливо переступал ногами. Ещё не привык к своему новому хозяину.

Таня укладывала рюкзаки. Она уже переделалась в дорожный костюм: в синие спортивные брюки и брезентовую куртку-штормовку. Корней Корнеевич перевязывал гербарии, чтобы не растрясти в пути. За три дня, пока болел Андрей, они изучили окрестности. Собрали много растений. Обследовали берега Аргена, но голубого огонька нигде не нашли.

Андрей помогал леснику седлать коней. Он хотел показать Нилу Петровичу, что отлично умеет обращаться с лошадьми. И на самом деле умел — научился в экспедиции.

А совсем недавно не знал, как подойти к лошади. Первое время падал, сброшенный непослушной лошадей. По кривой траектории приземлялся на траву. Сколько шишек набил! Трудно сосчитать.

Его терпение и настойчивость были вознаграждены. Андрей научился ездить верхом, полюбил верховую езду и теперь превосходно держался в седле, как бывалый кавалерист. Хорошо ездил и без седла часто по вечерам, когда заканчивался рабочий день экспедиции, совершал долгие прогулки верхом. По степи, по лесной дороге, по пушистому лугу речной долины. Он хотел обо всём рассказать Нилу Петровичу, но не стал, чтобы не прослыть хвастуном.

Вот сборы окончены. Наши путешественники смотрят на провожающих с высоты лошадиной спины. Застоявшиеся кони нетерпеливо постукивают копытами. Дочь лесника Галочка протянула Андрею кулёк.

— Это чёрная смородина, я сама собирала, — пояснила она и покраснела от смущения.

— Большое спасибо, — важно сказал Андрей и помахал рукой.

— Стойте, погодите! — вдруг сказал лесник и скрылся в избе.

Андрей стал сосредоточенно рыться в карманах и наконец, просив, извлёк из кармана маленькую деревянную куклу с длинным носом.

— Возьми, Галя, на память. Это Буратино.

Галя покраснела ещё больше, и щёки её стали пунцовыми. Но игрушку взяла, прижала к груди и молча стояла, глядя на отъезжающих.

Лесник вышел со шкуркой рыси, натянутой на деревянную раму.

— Чуть не забыл, — сказал он Андрею. — Твоя добыча — отвези домой.

— Прощайте, добрые люди! — сказал Корней Корнеевич и снял шляпу.

Нил Петрович подошёл к профессору:

— Счастливого пути. Сперва поезжайте дорогой, потом держитесь ржи. Попадёте в степь — увидите юрты. Там пастухи-казахи живут. Спросите у них про голубой огонёк — может, знают.

— Спасибо за всё, до свиданья! Не поминайте лихом, — сказал Корней Корнеевич и тронул коня.

Таня и Андрей тоже подхлестнули своих лошадей. Кони пошли мелкой рысью, запрокидывая головы и раздувая ноздри.

Нил Петрович, его жена и Галочка стояли у крыльца и махали руками. Обернувшись, Андрей видел, как на крыльцо вышла старуха и, приложив ладонь к глазам, смотрела им вслед. Лохматые собаки — Рыжик и Белянка — некоторое время их провожали, потом отстали и побежали обратно.

— Славные люди, — сказал профессор. — Они приветливы и гостеприимны. Не правда ли, жалко расставаться с ними!

Лес поредел. Обширные поляны расцвечены полевыми цветами. Горы расступились. Тянулись поодаль невысокой волнистой грядой. Шумела за деревьями река.

Корней Корнеевич придержал лошадей:

— Видите, вот обгорелые пни. И лес очень редкий. Здесь тоже когда-то был лесной пожар. Только давно, и с тех пор всё успело зарости кустарниками и травой.

— Удивительное дело! — сказал Андрей. — Ведь в тот день, когда мы попали в пожар, не было грозы. Не было молнии, которая подошла бы лес. Откуда взялся в лесу огонь?

— Обычное заблуждение! — покачал головой профессор. — Обычное заблуждение! Привыкли во всём винить молнию и силы природы. А молния повинна в лесных пожарах, может, в одном случае из ста, а в остальном прямой виновник — человек. Неосторожный охотник, не погасивший костёр. Собиратель кедровых шишек, бросивший окурочек. Мало ли кто бродит по тайге! И обычно не таёжные жители поджигают лес — они знают, что такое лесной пожар, — а разные случайные люди, пришедшие из города, не знающие законов тайги.

Дальше ехали молча.

С каждым часом погода становилась всё лучше. Ярко светило солнце. По обе стороны от дороги тянулся приветливый лес. Природа сбросила оцепенение после недавнего ненастья. В кустах оглушительно орала птицы.

Здесь росли обыкновенные одуванчики. Одни растения ещё цвели, другие распустили готовые к полёту парашютики. Корни и листья одуванчиков в отваре возбуждают аппетит и применяются как желчегонное средство при болезнях печени. Молодые листья одуванчика годны для салата, а поджаренные корни вполне заменяют кофе, по вкусу напоминая цикорий.

Анютины глазки совсем неприметны в высокой траве. Цветки у них трёхцветные. Верхние лепестки окрашены в тёмно-синий цвет, нижние — бледно-оранжевые, а средние — белые или жёлтые. Из анютиных глазок получают лекарственный препарат, который облегчает кашель.

— Посмотрите, сколько здесь лютиков, — сказал Андрей. — Весь луг жёлтый от них, вы только обратите внимание!

— Это вовсе не лютики, — возразила Таня. — Нужно знать ботанику, молодой человек!

— Таня права, — сказал профессор. — Эти жёлтые цветочки только похожи на лютики. Это лапчатка. Листья у лапчатки тройчатые, с за-

зубренным краем, а у лютика гладкие. Лютик ядовит, а из корневища лапчатки готовят отвары и настойки и употребляют их как вяжущее средство при слабых дёснах и для полосканий при ангине.

— Зато этот цветок я знаю отлично. Мать-и-мачеха! — похвастал Андрей. — Он похож на одуванчик, но я знаю, что это не одуванчик. У цветка листья сверху голые, а снизу покрыты тоненьким пушком. Нижняя поверхность листа, если потрогать рукой, даёт ощущение тепла, верхняя холодит.

— Вот откуда и название «мать-и-мачеха», — сказала Таня.

— Это я и без тебя знаю, — обидчиво сказал Андрей.

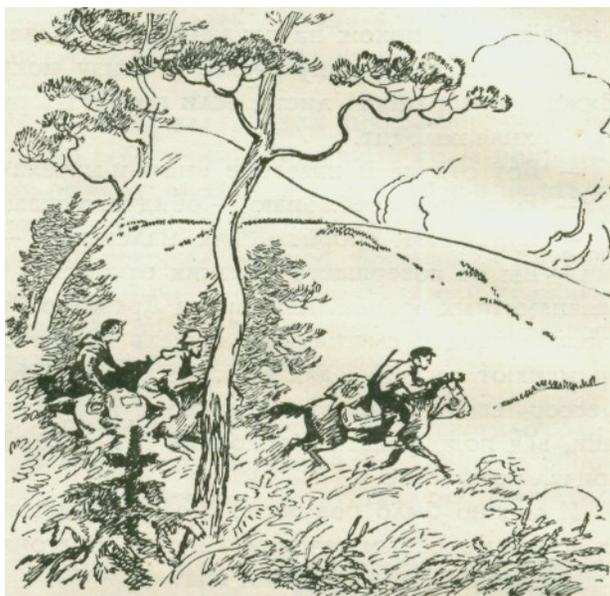
— Будет вам спорить, как маленькие! — сказал Корней Корнеевич.— Вы не совершаете никаких открытий. Мать-и-мачеха известна с незапамятных времён. Ещё врачи Древнего Рима применяли её как отхаркивающее и смягчающее кашель средство. И современные врачи применяют растение для этих же целей... Но-о! Но-о! — погонял профессор свою лошадку. Причмокнул губами. Лошадь насторожила уши, вся подобралась и ускорила бег. — Эгей, милая! Давай, давай! — кричал профессор.

И можно было подумать, что это подвыпивший кучер возвращается домой морозным вечером. Спешит, подгоняя лошадей, а проголодавшиеся кони охотно ускоряют шаг.

— Догоняй, Таран! — подхлестнул Андрей своего коня и тоже пустил его быстрой рысью. — Не ленись!..

Рюкзак подпрыгивал вместе с ним; хорошо, что был крепко привязан. Ружьё колотило но спине. И шкура рыси, растянутая на деревянной раме, болталась позади.

Т Р А В Ы   П О Д   С О Л Н Ц Е М

Андреи нетерпеливо понукал коня:

— Но-о, Таран, но-о! Быстрей, быстрей!

И вырывался вперёд. Слева — мелькающие деревья, справа — проплывающие кусты. Цветы неразличимы — всё плывёт. Только неподвижное солнце сияет над головой и в душе ощущение необыкновенной лёгкости и свободы.

Уставшие кони почернели, взмокли. Тоненькие струйки пота стекали из-под седла на живот. Корней Корнеевич объявил привал.

— Спешить не будем, — сказал он, спрыгивая на траву, — не нужно спешить. Выйдем в степь, в чистое поле и тогда поскачем вихрем. Для этих малорослых лошадок открытая степь — родная стихия. А пока давайте сдерживать страсти.

Лошадей пустили пастись. Можно отдохнуть. Андрей разлёгся под

кустом шиповника. Колючие ветки были сплошь усеяны розовыми цветами. Прилетали и улетали пчёлы, жужжали над цветками, ползали по ним. Часть цветов уже отцвела. Намечались плоды. К осени они станут оранжево-красными.

«Жаль, они ещё не совсем созрели, — подумал Андрей, — кислосладкие плоды шиповника довольно вкусны, только нужно их хорошенько очищать от семян. Странное дело: как увижу шиповник, сразу о витаминах вспоминаю. Другие только и знают о шиповнике, что дикая роза. А у меня в голове засели прочно разные ботанические знания... С, Р, К, А, — стал вспоминать названия витаминов. — Шиповник, шиповник... витаминный концентрат. Витамин К активно участвует в свёртывании крови. При его недостатке появляется кровоточивость — даже при лёгком ушибе бывают большие кровоподтёки. Витамин А улучшает зрение. Когда его мало в пище, человек страдает куриной слепотой: видит хорошо на свету и слепнет с наступлением сумерек. Много в шиповнике витамина Р, но больше всего витамина С. Без этих двух витаминов человек заболевает цингой...»

— Андрей! — окликнула его Таня.

— Да!

— Ты очень устал? Сидишь какой-то задумчивый!

— Нет, не очень.

— Тогда я найду тебе работу. Давай собирать ягоды. Мы сидим на землянике и не замечаем этого.

И действительно, весь луг усеян земляничными ягодами. Их не нужно было искать, они повсюду выглядывали из травы. Таня и Андрей стали ползать по поляне среди кустов, набивая рот спелыми ягодами.

— Ещё немного — и вы убежите на четвереньках в лес, — сказал Корней Корнеевич. — Будете жить там, как бурундуки или белки, собирать ягоды, грибы, орехи.

Таня и Андрей не слушали профессора. Они работали не разгибая спины. Наверно, решили истребить все ягоды в ближайших окрестностях. Они уничтожали землянику, как злейшего врага.

Неподалёку от Андрея, в кустах, раздался шорох. Он не придал ему значения: какой-нибудь зверёк хлопочет по хозяйству.

Шорох повторился. Он услышал шумное дыхание и фырканье.

Может, лось?

Андрей оглянулся и никого не увидел.

Значит, почудилось!

Он снова с азартом стал собирать ягоды, но чувство, что за кустами кто-то стоит и пристально на него смотрит, не покидало его. Он замер, прислушался. И вдруг совершенно явственно услышал звон уздечки.

«Там лошадь! — облегчённо вздохнул Андрей. — Вон куда забрела. Оставили спутанной на поляне, а она, глупая, забилась в кусты».

Он направился к кустам, чтобы вернуть лошадь, как вдруг раздался треск кустов и удаляющийся топот.

«Испугалась, что ли?»

Он побежал следом за лошастью, но не смог догнать.

— Корней Корнеевич! Таня! Эге-ей!

— Что случилось? — слышался голос Тани.

— Лошадь убежала. Наверно, распуталась.

— Что за выдумки! — слышался голос профессора. — Наши кони мирно пасутся на поляне и никуда не уходили. Я всё время за ними присматривал.

Таня и профессор подошли к Андрею.

— Но я отчётливо слышал звон уздечки и фырканье, — оправдывался Андрей.

— Тебе почудилось.

— Не может этого быть!

Андрей забрался в кусты, и оттуда раздался торжествующий крик:

— Ага, я был прав! Смотрите, видны отпечатки подков на жирной почве. Я теперь не сомневаюсь — здесь кто-то был. За нами следят, и мы должны быть осторожны.

Таня рассмеялась:

— Новоиспечённый Шерлок Холмс! А ты уверен, что это не наши следы? Ведь мы здесь совсем недавно проезжали.

— Мы ехали по дороге, а топот и звон уздечки я слышал пять минут назад.

— Довольно спорить! — сказал профессор. — Пора в путь!

Андрей неохотно пошёл к Тарану.

— Мы, пожалуй, поедем, а этот мальчик пускай остаётся, — сказала Таня смеясь. — Пускай собирает землянику и разыскивает в кустах лошадиные следы.

— «Пускай, пускай»! — проворчал Андрей и вскочил на коня.

Они снова двинулись в путь. Отдохнувшие лошадки бодро стучали копытами. Дорога незаметно поднималась в гору. Пейзаж постепенно менялся. Гор уже не было — они словно растаяли.

По обе стороны от дороги тянулся сосновый лес. Песчаные почвы — иной ландшафт. Под соснами росла пучками жёсткая осока. Пахло хвоей.

— Мы часто с вами говорим о лекарственных травах и цветах, — сказал Корней Корнеевич, — но сегодня я расскажу вам о лекарственном дереве. Угадайте, что за дерево.

— Эвкалипт, — сказал Андрей. — Из него получают эфирные масла, которые применяют для полоскания горла.

— Дуб черешчатый, — отозвалась Таня. — Из коры дуба выделяют дубильные вещества. Они обладают вяжущим свойством и хорошо лечат воспаление дёсен.

— Нет, я хочу сказать несколько слов об обыкновенной сосне, — сказал профессор.

— Сосне? — удивился Андрей. — Что в ней лечебного?

— Из молодых побегов сосны готовят настойку. Она облегчает дыхание и дезинфицирует дыхательные пути. После специальной обработки на фабрике из сосны получают терпентинное масло, сосновый дёготь, канифоль, терпингидрат, скипидар. Терпингидрат облегчает сухой кашель. Скипидар применяют как отвлекающее средство при ревматизме и невралгиях. Дёготь входит в состав многих лечебных мазей. Многие полярные экспедиции спасались от цинги, употребляя в пищу отвар из свежих хвойных игл.

— С этого дня я буду по утрам съедать полную тарелку сосновых иголок. Ведь это так полезно! — весело сказал Андрей.

— Можешь употреблять даже патефонные иголки! — в тон ему отозвалась Таня.

— Что ж, и это полезно. Недаром говорят, что в пище должно быть железо, — весело хохотал Андрей.

Вдруг он заметил между соснами заросли плауна, вечнозелёного растения из отряда споровиков.

— Скажите, Корней Корнеевич, — не унимался Андрей, — а плаун — это тоже лекарственное растение?

— Да, в специальных колосках плауна лежат споры. Они похожи на пыль. Сухие зрелые споры плауна собирают в мешочки и сдают в

аптеки. Их используют для обсыпки пилюль, в качестве детской присыпки и при пролежнях у тяжелобольных.

— Интересно получается: о каком растении ни спросишь, в нём оказывается куча целебных свойств.

— Ты не ошибся, Андрюша. Множество дикорастущих трав и цветов обладают ценными лекарственными свойствами. Вон видишь, стелются по земле кустики толокнянки. Своим видом они напоминают бруснику. Такие же, как у брусники, кожистые листья. Они зимуют под снегом. Толокнянку называют ещё медвежьим ушком. При хорошей фантазии можно представить, что форма листа напоминает медвежье ухо.

— Вот оно что! А я и не знал, почему такое название!

— Отвары из листьев толокнянки применяют при воспалении мочевого пузыря. Ягоды у толокнянки неядовиты, их можно употреблять в пищу. Но они невкусные, и, конечно, никто не станет их собирать, когда в лесу много других ягод... А теперь посмотри направо! — Профессор вошёл в азарт. — Видишь на песчаном пригорке лимонно-жёлтые пятна? Это цветы бессмертника, цмина, они заметны издали. Стебли бессмертника словно сделаны из войлока и шерсти, а цветы кажутся вырезанными из бумаги. Даже на корню эти цветы производят впечатление неживых, словно засушенных в гербарии. Зато сорванные, они могут годами сохраняться, не изменяясь. Видимо, поэтому и дали растению такое название. Из цветочных корзинок бессмертника получают хорошее желчегонное средство, которое применяют при болезнях печени.

Как-то незаметно они выехали из леса. Ещё стояли по сторонам сосны группами и в одиночку, но настоящего леса уже не было. Лес остался позади.

Был полдень. Солнце припекало. Короткие тени прятались где-то под брюхом лошади. Рыжий суслик перебежал дорогу. Начиналась степь.

К О В А Р Н Ы Й П Р О В О Д Н И К

Мы только что смеялись над Андреем: новоиспечённый Шерлок Холмс, наш юный детектив. А между прочим, тридцать пять лет назад я сам выступил в роли сыщика, и довольно успешно.

Профессор в этот день был в ударе. Он говорил без умолку. Говорил обо всём — о лекарственных травах, о погоде, и теперь, судя по всему, пустился в воспоминания.

— Тридцать пять лет назад... Как давно это было! Я был начальником отряда ботаников. В горах Тянь-Шаня. Когда советская власть только зарождалась в горных аулах. Но уже тогда, как рачительный хозяин, подсчитывала свои богатства, заботилась о будущем.

Наша экспедиция по своему характеру была геоботанической. Мы составляли карты растительности. О-о! Это очень сложная работа, кропотливая и тяжёлая. Нужно облазить каждый склон, обойти каж-

дый луг и отметить на картах характер растительности, подсчитать запасы того или иного полезного растения. И мы работали хорошо, с огоньком, хотя у нас не было автомашин и снабжались в то время экспедиции гораздо хуже.

Тогда я только закончил университет. В моём распоряжении было двое рабочих, четверо студентов-ботаников и один проводник. Каждый имел лошадь. Кроме того, три ишака, нагруженные до предела, несли наши вещи.

Только я отвлёкся. Я хочу рассказать о проводнике-киргизе. Звали его Кочконбек, что означает «сын кочевника». Было ему двадцать лет. Из-за него мне пришлось пережить немало неприятных минут.

Проводника я взял в отряд в последний день сборов. Он мне понравился — крепкий, невысокого роста парень с узким разрезом глаз. У него были умные глаза, внешность доброжелательная. Только с самого начала я обратил внимание на какую-то скрытность. Даже когда Кочконбек смеялся, он не был искренним до конца.

И ещё: когда директор института вручал мне перед отъездом пачку денег — сумму весьма солидную по тем временам, — Кочконбек оказался рядом. И взгляд его в тот момент не предвещал ничего доброго.

А в общем, он был славным и весёлым парнем. Он знал забавные шутки и истории. Имел неплохой голос и на привалах пел заунывные песни. Он превосходно знал горы. Безошибочно отыскивал путь из одного урочища в другое, из одного ущелья в другое. В тех местах, где не было дорог — одни козьи тропы, — он всегда находил нужную тропу.

Мои опасения совсем было рассеялись, когда один случай вновь насторожил меня. Однажды нам пришлось перебираться по мосту над бурным потоком. Проводник проехал первым, остановился на другом берегу и стал делать непонятные знаки, кричать. Студент, ехавший вторым, остановился на мосту. А остальные тем временем тоже выехали на мост. Но мост был старым и шатким, совсем разваливался, вот-вот упадёт. Я услышал, как трещат брёвна, и крикнул, чтобы немедленно выбирались на берег.

Мы успели вовремя. Как только последний всадник очутился на берегу, мост рухнул в воду.

«Что ты кричал, Кочконбек?» — спросил я у проводника.

«Чтобы ехали быстрее, мост мог обвалиться», — ответил Кочконбек, и в его взгляде мелькнула злорадная усмешка.

Что я мог сказать? Придаться было не к чему. Однако чувство беспокойства не покидало меня. Мне стало казаться, что проводник ищет случая избавиться от нас.

В другой раз наш отряд шёл по каменистому склону. Очень опасному, крутому. Каменная осыпь грозила обвалом. Всадники длинной вереницей растянулись по тропе, а Кочконбек зачем-то поднялся выше. И не успел я его позвать вниз, как сверху покатился громадный камень. Такой камень превратит в лепёшку сразу троих. Нам удалось увернуться. Начался камнепад. К счастью, нам удалось ускакать в безопасное место. Проводник потом говорил, что камень сорвался случайно.

Шли дни. Я не спускал глаз с Кочконбека. И притом старался как-то его задобрить. Ничто так не действует на злоумышленника, как доверие.

Как-то раз, когда у нас кончились продукты, я послал Кочконбека в селение купить мяса. Селение было в стороне от нашего маршрута, туда не было хороших дорог. И проводник, хорошо знавший тропы, на своём резвом жеребце больше всего подходил для такого поручения.

Я отпустил его на сутки, самое большее на полтора. Но его не было ни на другой день, ни на третий. Пришлось мне взять одного рабочего и поехать в селение. Я узнал трагикомическую историю о нашем проводнике.

Кочконбек прибыл в селение не через главную улицу, а задворками. Он решил, что деньги будут целее в его кармане. Но поручение нужно выполнять, и проводник решил пополнить запасы мяса нелегальным путём. Он наловил полный мешок кур, они кудахтали и роняли перья. И когда перешёл к осуществлению второй части плана — подкарауливал овцу за сараем, — его схватили местные жители.

Я застал Кочконбека в положении пленника. В те годы ещё пошаливали басмачи — недобитые враги советской власти. Нашего проводника приняли за басмача и собирались судить по всей строгости. Я показал документы экспедиции с большими гербовыми печатями Советской республики, и Кочконбека отпустили из-под стражи.

Я заплатил за кур, пойманных Кочконбеком. И за овцу, которую он пытался поймать. Их тоже держали взаперти как вещественные дока-

зательства. С нами распрощались по-дружески, почти трогательно. Конфликт был исчерпан с удовлетворением пострадавшей стороны. Тогда я сильно переплатил за кур и овцу, и в селении остались довольны. На мой вопрос, куда же девались деньги, проводник не дал вразумительного ответа. Не то потерял, не то у него отняли.

Был и другой случай. Я послал Кочконбека за чернилами и бумагой. Денег дал совсем немного — копейки. Думал, не сумеет прикарманить деньги, да и украсть негде. Бумага в магазине, не за сараями, да и чернила — не курица. Так он и здесь умудрился сжульничать.

Кочконбек ограбил местную почту. Забрал пачку бумаги — в те времена с бумагой плохо было, — собрал со столов все ручки и чернила из всех чернилниц перелил в бутылку. И, пока в селении подняли тревогу, ускакал.

Ничуть не смущаясь проделанным, он сам обо всём рассказал. Он не чувствовал себя виноватым. Напротив, он даже был горд собой. Он чувствовал себя героем дня. В чём же дело? Оказалось, он заезжал в магазин, но там не было в продаже ни чернил, ни бумаги.

Шли дни. Кочконбек как-то притих. И в мою душу закралось сомнение: а что, если я ошибался и наш проводник лучше, чем я о нём думаю? Но сразу приходили иные мысли. Может, он притих в ожидании удобного момента? И на этот раз я не ошибся.

Экспедиция подходила к концу. Мы работали высоко в горах. Нам пришлось заночевать в горной тундре на перевале. Наступила ночь, холодная, тревожная. Все легли поближе к костру, чтобы хоть немного согреться. Все страшно устали и сразу уснули. Только Кочконбек сидел у костра и не спал.

У меня слипались глаза. Тогда я был молод, а в молодости спят хорошо. Это теперь, к старости, я стал болтлив и могу не спать целую ночь. А тогда, уставши за день, я смертельно хотел спать. Но проводник не ложился, и я не мог лечь.

«Кочконбек, почему ты не ложишься спать?» — спросил я его.

• Он сидел, закутавшись в кошму. Сидел у костра, глядя прямо в огонь. Он повернулся ко мне, посмотрел как-то странно.

«Не спится мне», — ответил он и снова стал смотреть в огонь.

И я не спал.

Возможно, мне только казалось, что я не сплю. Но усталость брала своё, и я задремал.

Проснулся среди ночи. Не знаю отчего: то ли от холода, то ли от неясных шорохов, то ли от мысли, что умер. Снилось мне, что я уже не жилец на этом свете. Такие сны запоминаются надолго.

Я открыл глаза и увидел, что возле меня стоит Кочконбек. И костёр горит. И в руке нашего проводника нож.

О-о! Его план прост: зарезать и ограбить спящих. Я сел.

Кочконбек вздрогнул от неожиданности и сразу спрятал нож.

«Что ты делал с ножом?»

«Палочки стругал, — ухмыльнулся проводник. — Я думал, вы спите».

Не правда ли, фраза фантастическая по своему цинизму!

После этого проводник вернулся на своё место и лёг. Костёр вскоре погас — не осталось больше хвороста, собранного с таким трудом накануне. Я бодрствовал всю ночь. Заснул лишь под утро, разбудив, одного из студентов. И потом целый день ходил, как сонная муха.

Когда, закончив экспедицию, мы вернулись в город, столицу республики, я решил спросить обо всём Кочконбека. Хотелось узнать, верны ли были мои подозрения. Может, это плод фантазии? Мало ли кто в молодости вдруг не почувствует себя Шерлоком Холмсом! И я сказал проводнику:

«Скажи-ка, друг, обо всём начистоту».

И Кочконбек ответил. Вот его слова:

«Я сын китайского подданного. Мой отец, киргиз, живёт в Китае. Я давно собираюсь переехать к нему. Но для этого нужно перейти границу. Нужны деньги и лошади, чтобы пройти высокие перевалы. У вас были деньги. У вас были лошади. Я пошёл к вам в экспедицию, чтобы забрать деньги и угнать лошадей».

«Признайся, ты хотел нас убить?»

«Да, иногда думал об этом», — уклончиво ответил проводник.

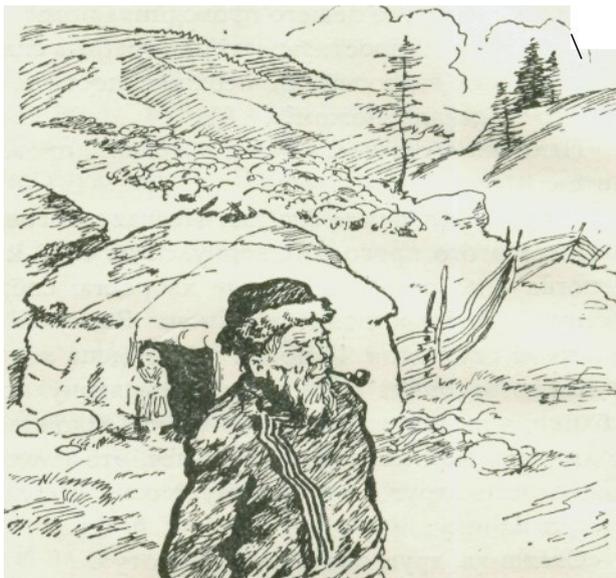
«Тогда скажи, почему ты не сделал этого?»

Кочконбек помолчал. Потом улыбнулся своей обычной загадочной улыбкой:

«Вы ко мне очень хорошо относились. Вы доверяли мне. Я любил вас и не мог причинить вам худое».

После этого я долго раздумывал, правду сказал проводник или нет. И решил: наверно, солгал. Просто не сумел выбрать удачный момент.

Д В Е Ю Р Т Ы   З А   Р Е К О Й

Лошади приободрились, не нужно подгонять. Сами перешли на тряскую рысь.

— Наконец, наконец мы попали в степь! Ура! — кричал Андрей, приподнимаясь в седле и зорко всматриваясь в даль. Ружьё за плечами придавало ему чрезвычайно воинственный вид.

— Люблю степь, люблю простор. В степи легче дышится, веселей живётся! — Корней Корнеевич оживился, словно помолодел.

Кругом расстилалась настоящая степь с её кустиками полыни, серебристыми ниточками ковыля, с её раздольем. Лес остался в низине и скрылся из виду.

— Смотрите, за рекой две юрты, — сказала Таня, — и стадо овец чуть подальше.

— Мы заедем к пастухам, — сказал профессор.

— Сейчас встретим старую колдунью. Она погадает на кофейной гуще и скажет, где искать голубой огонёк, — рассмеялся Андрей.

— Не говори так, не надо. — Таня умоляюще посмотрела на Андрея. — Ведь до сих пор мы не знаем точно, в каком месте Аргена искать цветок.

— Нет, что ты! Я совсем не против того, чтобы завернуть к пастухам. Может быть, у них найдётся кумыс или жареная баранина.

Андрей первым повернул коня.

— Бедный голодный мальчик! Можно подумать, что это не ты, а кто-то другой ровно час назад объелся земляникой.

Лошади пошли в воду неохотно. Вода была быстрая, холодная и прозрачная. На дне виден каждый камешек. Течение сбивало с ног.

— Осторожней! Вынимайте ноги из стремени, — сказал профессор. — С рекой шутки плохи.

Лошади осторожно ступали. Вода бурлила, пенилась вокруг лошадиных ног. На середине реки вода замочила лошадиные животы. Сапоги оказались в воде.

Выбрались на берег. До юрт было недалеко. Подъехали, спешили. Возле юрты трава была выбита овечьими копытцами.

Навстречу гостям из юрты вышел старик. Из-за войлочного полога, висевшего при входе, выглянули детские головки. Они с любопытством смотрели на приезжих. Старик прикрикнул — они исчезли.

Корней Корнеевич подошёл к старику. Поздоровался с ним. Таня и Андрей стояли с лошадьми в отдалении, поглядывая на юрту и небольшой загон для скота. В стороне стояла такая же юрта-близнец.

«Наверно, все юрты одинаковые, — подумал Андрей. — И как пастухи их различают?»

— Как думаешь, о чём они говорят? — спросила Таня.

— Не знаю. Может, о погоде — о ней часто говорят в беседе с незнакомыми людьми. Или спрашивают о здоровье ближних и дальних родственников — признак вежливости. Потом перейдут к делу.

— Старик что-то говорит. Смотри, он показывает в сторону гор. Он качает головой, словно хочет сказать: «Нет! Нет!» Теперь с чем-то соглашается. И снова показывает на горы.

Таня с надеждой смотрела на профессора и старого пастуха.

— Я не понимаю ни слова из их разговора, — недовольно сказал Андрей. — На каком языке они говорят?

— На казахском, наверно, или одном из алтайских наречий, — отвела Таня. — Корней Корнеевич хорошо знает эти языки... Смотри, он зовёт нас. Пойдём.

Таня и Андрей направились к юрте, ведя за собой лошадей.

Старик удовлетворённо кивал головой и шурил узкие, как у монгола, глаза. Он пригласил гостей в юрту. Андрей привязал лошадей к изгороди и вошёл в юрту вслед за остальными. Два мальчика лет шести с восторгом смотрели на пришельцев.

— Садитесь, садитесь, — сказал старик по-русски.

Они сели. Осмотрелись. Убранство юрты было небогатым. Вдоль стен лежали войлочные подстилки и старые, потёртые ковры. В центре юрты располагался очаг. На нём готовили пищу. Сверху было отверстие для дыма. Старик налил по чашке простокваши, принёс миску с поджаренными кусками мяса и румяные сухие лепёшки.

Андрей был доволен. Его предсказание сбылось.

Корней Корнеевич вышел на минутку и достал из рюкзака детям конфет, а старику — пачку табаку. Сам он не курил, бросил с тех пор, как стало болеть сердце, но по привычке ещё возил с собой табак. Приятно поделиться табачком с людьми, встреченными в пути.

Хотя стоял жаркий день, в юрте было довольно прохладно. Не хотелось уходить. Старик налил ещё по чашке простокваши. Гости выпили и поблагодарили.

— Нам пора, — сказал профессор, и они поднялись.

Таня и Андрей уже сидели верхом, а профессор всё никак не мог закончить долгую процедуру вежливого прощания.

— Ах, он забыл, наверно, передать привет двоюродному дедушке от троюродной тётушки, — усмехнулся Андрей.

— Наберись терпения, — сказала Таня.

Ей самой хотелось скорее подхлестнуть коня и быстро-быстро помчаться по степи. Туда, где синеют далёкие горы. Откуда приходят чистые и прозрачные воды степной реки. Где живут быстрые, как ветер, антилопы-джейраны. Где они найдут голубой огонёк. Она верит, что найдут.

Корней Корнеевич подъехал к ним, улыбнулся:

— Заждались, наверно?

И они тронули лошадей.

Старик казах долго смотрел вслед всадникам. Потом размышлял,

сидя на корточках — традиционная поза степных жителей. Думал: люди вспомнили о забытом цветке. Да, да, есть такой цветок, он слышал о нём от дедов.

Пригревало солнышко. Старик задремал, прислонившись к нагретому войлоку юрты. Разбужен был топотом копыт. На потной, взмыленной лошади подскочил парень. Он на ходу спрыгнул на землю:

— Скажи, старик, здесь проезжали трое — бородач, девушка и мальчик?

— Сперва скажи «здравствуй», а потом спрашивай, — недовольно сказал старик.

— Здравствуй, здравствуй! — нетерпеливо сказал парень.

— Проезжали, — сказал старик и махнул рукой в ту сторону, где совсем недавно на бугре маячили три всадника.

— Они спрашивали что-нибудь о голубом огоньке?

«Ого! — подумал старик. — Видно, что-то стряслось на белом свете. Всем нужен голубой огоньк. Может, этот цветок стоит больших денег? Только этот бородач, и девушка, и мальчик совсем не похожи на искателей лёгкой наживы, что бродят с мешками за плечами и выкапывают в горах ценные корни, чтобы потом выгодно продать».

— Спрашивали! — ответил старик.

— И что ты им сказал?

— Я сказал: поезжайте прямо...

— А что ещё?

— Этого тебе мало?

Парень понял, что от старика больше ничего не добьёшься. Подхлестнул коня и, не попрощавшись, помчался по степи в направлении, указанном стариком. «Не нужно было говорить, куда поехали трое. Шальной парень какой-то», — подумал старик и после этого долго не мог заснуть, размышляя о таинственном цветке и странных людях, которые стараются его разыскать.

Давно позади остались юрты пастухов. По обе стороны тянулась однообразная степь. Повсюду рос ковыль. Им была покрыта вся степь

Ковыль растёт редко, но его блеск заметен повсюду. Лёгкие перистые ости приходят в движение при самом слабом ветерке, и потому степь постоянно волнуется.

Ковыль колеблется беспрестанно, и по степи неумоимо идут волны. Мелкая зыбь, неподвижные камни и обломки скал — острова. От

постоянного блеска и движения начинает мелькать в глазах. Это надоедает. Ковыль ни на что не годен, разве что в сухие букеты. Покрашенный в разные цвета, он будет стоять в вазе на шкафу и пылиться.

Иногда встречались целые заросли полыни. Стебель и листья словно запылённые: с виду войлочные, на ощупь шелковистые, на вкус горькие. Когда коровы едят полынь, молоко становится горьким и невкусным. Листья и стебли полыни содержат много эфирных масел. Это масло летучее. Благодаря ему полынь пахнет. Запах сильный и ароматный. Воздух степи пропитан полынным запахом. Без полыни степной воздух потерял бы половину свежести и очарования. Полынь — это богатство степи. В большом количестве её собирают и используют как лекарственное растение. Из цитварной полыни получают сантонин — средство против глистов. Полынь обыкновенная содержит горькое вещество, которое способствует пищеварению и улучшает аппетит, применяется при некоторых нервных болезнях.

На пригорке сидел коричневый сурок. Он был упитан, как поросёнок. Свистнув, сурок спрятался за камнями. Только закачались потревоженные кусты эфедры — голые невысокие кустики с пыльной мочалистой корой.

Они ехали молча. Андрей даже удивился, что Корней Корнеевич ничего не рассказал об эфедре. О чём-то задумался профессор. «Но если молчит профессор, то я расскажу вместо него», — решил Андрей.

— Друзья мои! — громко сказал он. — Перед вами голые, невзрачные кустики. Это эфедра. Э-фед-ра! Какое богатство звуков! Вам говорит о чём-либо это слово? Знаете ли вы, что это растение для лечения больных применяют тысячелетия? Знаете ли...

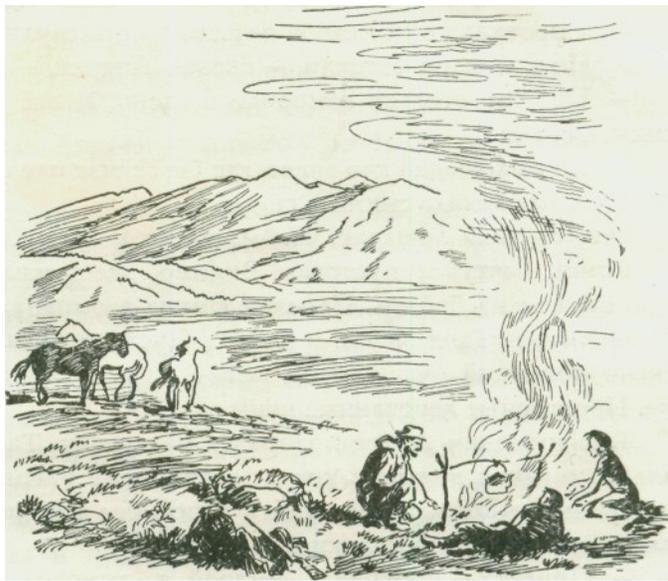
— Не кривляйся, Андрей, совсем не похоже!

— ...Эфедра тонизирует нервную и сосудистую систему, — продолжал Андрей серьёзней. — Из растения получают вещество — эфедрин, которое с успехом применяют для лечения бронхиальной астмы, для повышения давления крови.

Потом снова ехали молча. Высоко в небе кружил орёл. Казалось, он выгорел под степным солнцем, как эта земля с проступающими пятнами соли и растения, покрытые войлочным пушком и колючками.

Орёл садился на камень. Качался, взмахивая крыльями. Смотрел на приближающихся всадников, тяжело взлетал. Садился снова чуть подалее и, вспугнутый, опять летел в поднебесную высь.

ДРЕВНИЕ МОГИЛЫ

В степи наступает вечер. Солнце бросает длинные тени. Лошади ступают по камням. Голова лошади мелькает на далёких ивовых кустах у реки. Каждый предмет ведёт двойную жизнь. Лежит камень и бросает длинную тень. Пробегает суслик — прячется в норку и его тень. Раскачиваются на ветру кустики алтея — колеблется на каменистой земле его ветвистая тень.

Стебли у алтея деревянистые, сверху донизу покрыты мелкими листочками. Полное название цветка — «алтей лекарственный». В переводе с греческого «альцеа» означает «исцеляющий». Современные врачи тоже применяют это растение. Корни алтея используют для полосканий при воспалении дыхательных путей.

— Пора выбирать место для ночлега, — сказал профессор — иначе, придётся ночевать на голой земле.

— По-моему, неплохо в ложине у реки, — предложила Таня.
— Может, там? — сказал Андрей и показал на непонятные строения, темневшие впереди.
— Кажется, пастушеский домик, — сказал Корней Корнеевич. Они проехали ещё метров пятьсот и спрыгнули на землю.
— Ноги совсем затекли, — сказал Андрей, — не разогнёшь!
— Ещё бы, столько отмерили за день. И всё верхом. — Профессор снимал седло.

— А без лошадей кто знает, где бы сейчас плелись!

Таня тоже стала снимать седло.

Они спутали лошадей, чтобы далеко не ушли. Пускай пасутся.

Домик пастухов пустовал. Видимо, здесь жили только зимой. Домик сложен из брёвен. Плоская крыша засыпана слоем земли. Корней Корнеевич и Таня зашли в домик. Пусто и неудобно внутри. В углу давно погасший очаг. Трубы нет. В крыше отверстие для выхода дыма. Просторные деревянные нары.

Тем временем Андрей забрался на крышу. Там росли молочаи. Валялись омытые дождями кости; остроносые башмаки; чайник с продырявленным дном; заржавленный топор без топорща; пустые консервные банки; какие-то тряпки.

— Привет! — прокричал Андрей в дымовое отверстие. — Отсюда здорово видно, полезайте ко мне.

С крыши пастушеского домика и в самом деле открывался красивый вид. Вечерело. Солнце коснулось далёких горных хребтов, на вершинах которых лежал снег. Степь была окутана лёгкой сумеречной дымкой. Небо розовело. Река блестела и тоже была розовой.

Они разожгли в очаге огонь, но дым не выходил в дымовое отверстие и быстро заполнил всю избушку. Они стали задыхаться от дыма и поспешили выйти на свежий воздух. Костёр развели возле домика.

Андрей сбегал к реке зачерпнуть воды. Принёс чайник и несколько веток, сплошь усеянных золотисто-жёлтыми ягодами.

— С виду поспели, — сказал Андрей, — а ягоды кислые и сильно вяжут рот.

— Это облепиха, — сказал профессор. — Осенью ягоды станут вкуснее. Это очень полезная ягода. Облепиховое масло полезно при язвенной болезни желудка, оно ускоряет заживление лучевых поражений кожи.

Чайник закипел быстро. Открыли консервы, достали хлеб.

Потом долго сидели возле умиравшего костра, отдыхали от дневной жары, утомительного пути по знойной степи. Было хорошо молчать и любоваться закатом.

Первым заговорил Корней Корнеевич:

— Вы видели кучи камней, разбросанных по степи? Я показывал, когда проезжали мимо, и просил обратить внимание.

— Видели, — сказал Андрей, — ничего особенного. Камни как камни.

— Мы проезжали мимо древних могил. Их насыпали давным-давно, сотни лет назад. Ветры и дожди размыли их, они поросли травами, всеми забытые и покинутые.

Известно, что в иных могилах вместе с похороненными богачами прятали золотые и серебряные вещи, сёдла и прочую конскую сбрую, домашнюю утварь. Все курганы, клады, древние могилы — собственность государства. Археологи совершают экспедиции и раскапывают могилы, старые крепости и разрушенные, давно засыпанные города.

Но находятся любители драгоценностей. Они грабят древние могилы. Совершают незаконные раскопки под покровом темноты. Прячутся от людских глаз и присваивают себе все ценности, найденные в земле. Воры топчут глиняные черепки и выбрасывают тряпки. Они наносят непоправимый урон науке. Полуистлевшая одежда, обгорелые кости и битые черепки могут многое рассказать историку о далёких веках, о жизни наших предков.

В этих степях ходит одна легенда. Грустная, как завывание степного ветра. Печальная, как крик лебедя, потерявшего подругу. Легенда сложилась недавно. Я слышал её как простую историю о беспутном пареньке.

Жил-был парень со старушкой матерью. Жили они в маленьком домике на окраине степного селения. Пас этот парень колхозных овец. Ходил на охоту в дальние горы. Жили они хорошо и дружно.

Только случилось так, что парень стал исчезать из дома. Перестал работать. Жить они стали бедно и тревожно. Проходили дни и месяцы. Стали соседи замечать в глазах парня и его старой матери недобрый блеск. Днём сторонились они людей, а по ночам огонёк подолгу светился в их окошке.

Однажды парень пропал. Не вернулся домой ни на другой день,

ни на третий. Жители посёлка послали в горы лучших охотников на поиски парня. Только не верит мать, что сына её найдут в горах.

Долго искали парня, да так и не нашли.

Уходит мать в степь. Бродит по могильным курганам и плачет. Вся почернела, высохла. Смотрит на всех безумными глазами и шепчет что-то. Вскоре она умерла.

А когда люди пришли в их осиротевший домик, то в сундуке нашли много золотых монет, кольца, разные дорогие украшения, серебряную посуду. А жили они в последнее время, как нищие. Боялись, наверно, что люди узнают об их богатстве. Всем стало ясно, чем занимался парень. Никто не пожалел его.

Потом приехала милиция из района. Сундук опечатали и увезли в город.

— Так и закончилась эта история? — спросил Андрей.

Корней Корнеевич помедлил:

— Суеверные люди говорят, что в летнюю пору, когда ночь опускается над степью и зверьки начинают таинственную ночную жизнь, над древними могилами можно увидеть тень. Она скользит и тает. Слышен плач. «Это мать ищет своего сына среди могил», — говорят суеверные люди и пугаются звуков собственного голоса. Бывалые люди смеются. Тоненько тьякает и плачет лисичка за могильными курганами. Ночной ветер поднимает пыль и беззвучно гонит шары перекачиполя.

— Как интересно! — тихо сказала Таня. — А парня так и не нашли?

— Три года спустя в тех местах побывал отряд археологов. Они раскапывали древние курганы. Узкий и длинный ход вёл в одну из могил. Археологи нашли скелет человека. Он не был скелетом древнего человека. Это был тот самый пропавший парень — грабитель могил. Обрушился камень и завалил ему выход. Парень так и остался под землёй, зажимая в руке серебряный кубок. Эта история стала легендой. Её рассказывают детям. Они вспоминают о ней тёмными зимними вечерами и плачут от страха. Девочки плачут от жалости. Взрослые не жалеют парня и его мать. Они погибли от ненасытной и нелепой жажды богатства.

Корней Корнеевич замолчал. Солнце уже скрылось за горами, степь стала синей. Очертания сгладились. Смутно белела река. Горы

слились с небом. Вскоре только узкая жёлтая полоска на западе напоминала об ушедшем дне.

Таня сидела, обхватив колени руками. Андрей ворошил угольки костра длинным прутиком. Когда на конце вспыхивал огонёк, он размахивал прутиком и рисовал в воздухе огненные круги и буквы.

— Расскажите, Корней Корнеевич, о чём вы разговаривали со стариком? — спросил Андрей.

— Да, скажите, — сказала Таня.

— Старик сказал мне, что на берегу Аргена стоит старая лиственница. Близ неё бьёт священный родник. Самая длинная ветвь лиственницы укажет направление нашего пути. Больше он ничего не знает. Но хочется верить старику. Сам он никогда не видел цветка, но слышал о нём от дедов.

— А откуда мы узнаем, что родник священный?.. — стал спрашивать Андрей и вдруг умолк на полуслове. Что-то сильно его встревожило. Не мигая, он пристально смотрел в темноту.

— Что с тобой? — удивлённо спросила Таня.

— Там... из-за домика... человек выглядывал... только что... Я ясно видел...

— Что ты, Андрюша? Откуда здесь взяться человеку? — спокойно сказал профессор. — В пустой степи, ночью. И зачем ему прятаться от нас?

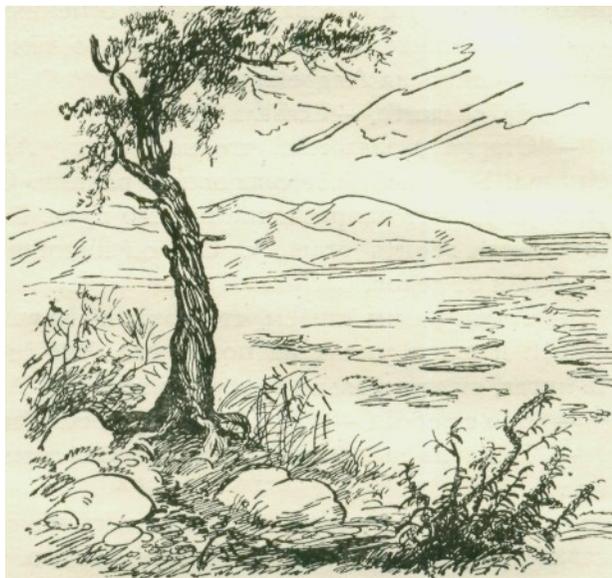
— Это тебе опять померещилось, — усмехнулась Таня. — Наслушался страшных историй.

— Вот ещё! Можете не верить, — обиделся Андрей.

Они забрались в спальные мешки и больше не разговаривали. Андрею не спалось. Было душно. Сильно пахло примятой полынью. Где-то рядом неутомимо хрустели травой и фыркали лошади.

Старый казах говорил непонятные слова. Рыжекрылый орёл сидел на камне, склонив голову набок. Степь убегала под ногами лошади. Обглоданный мышами скелет лежал под землёй, сжимая в руке серебряный кубок. «Ищите длинную ветвь лиственницы!» — говорил старик. Таинственный незнакомец выглянул из-за домика и сразу скрылся в ночной темноте.

Д Л И Н Н А Я   В Е Т В Ъ   Л И С Т В Е Н Н И Ц Ы

Еще издали увидели лиственницу. Её крона чем-то напоминала полотнище брезента на сильном ветру, и раздутый парус, и жирный вопросительный знак. Они сразу догадались — об этой лиственнице говорил старый пастух. Лиственница — маяк, лиственница — указатель.

— Вот здорово! — сказал Андрей. — Просто, как в парке, где на каждом перекрёстке стоят столбы с надписями: прямо — комната сме-ха, направо — карусель.

— Налево — лодочная станция и кинотеатр, — поддержала игру Таня.

Дерево стояло на невысоком пригорке. Неподалёку сливались две неглубокие речонки. Одна река прибегала с гор, другая — из степи.

— У дерева должен быть священный родник, — сказал профессор.

Они подъехали поближе и спрыгнули на землю.

— Вот камешки и отмытый песок. — Профессор взял в руки пригоршню песка. — И верно, здесь когда-то был родник, только он давно высох.

— На кустах какие-то тряпочки повешаны, — удивлённо сказал Андрей. — Разноцветные, только полиняли очень.

— Где ты видишь? Покажи! — обрадовался профессор. — Молодец, Андрей! — сказал Корней Корнеевич, срывая с кустов грязно-белые лоскутки. — Это верный признак, что здесь был родник. Вам не ясно почему? Ведь это священный источник... Вам теперь неясно вдвойне? Всё объясняется очень просто. Родник называют священным старики много старше меня. Они соблюдают старый обычай и подвешивают тряпочки на кустах возле родника — знак поклонения и почитания. Это пережиток древних суеверий и предрассудков. Этот родник ничем не лучше других, даже хуже — ведь он пересох.

— Значит, дерево нашли? — сказал Андрей.

— Нашли.

— И длинная ветвь укажет путь.

— Укажет. Одна ветвь чуть подлиннее остальных, — сказал профессор, — она показывает в степь, как раз вдоль реки. Не будем терять время.

Речонка струилась в каменном русле. Берега с чахлой травкой. Кусты полыни. Беловатые стебли желтушника, опушённые тонкими волосками. Из него добывают лекарственный препарат — эризимин, который с успехом применяют при тяжелых расстройствах кровообращения.

Эризимин действует прямо на сердечную мышцу: усиливает её сокращения и замедляет сердечный ритм. Кровь быстрее бежит по сосудам, а больное сердце после каждого сокращения успевает отдохнуть.

Спустя полчаса они подъехали к мосту, где река сливалась из двух ручьёв. В отдалении виднелся ещё один приток.

— Это мне определённо не нравится, — сказал Корней Корнеевич. Где же искать огонёк? Придётся разделиться. Три притока и нас трое. Значит, каждому по ручью. Встреча у корявой лиственницы. Контрольный срок — семь часов вечера. Помните, от ручья ни на шаг.

Они разъехались в разные стороны. И вскоре вокруг Андрея была

только голая выжженная степь, постепенно усиливающийся к середине дня зной и горячий слиток солнца над головой.

Ручей забирал влево. Голые берега. Здесь не росла даже трава.

«Где уж тут быть голубому огоньку!» — подумал Андрей.

Таран потянулся к воде. Андрей не стал мешать. Конь жадно припал к ручью и пил, аккуратно погружая в воду толстые волосатые губы.

Таран пил утомительно долго. Андрею надоело ждать. И он обернулся взглянуть — а вдруг у Тарана, как у коня барона Мюнхаузена, нет задней половины и выпитая вода сразу выливается.

С высоты седла он заметил какие-то голубые цветочки.

«А вдруг это голубой огонёк!» — мелькнула мысль, и он в одно мгновение очутился на земле.

— Незабудки! — разочарованно сказал Андрей.

Но он решил продолжить поиски и больше часа ползал на коленях вдоль ручья, присматриваясь к каждой травинке.

— Таран, Таран! — звал Андрей, и конь послушно шёл за ним, на ходу срывая головки цветов.

Так понемногу продвигаясь, Андрей добрался до истоков ручья. Из-под большого камня вытекала вода, образуя крошечное озерко.

«Неужели старик обманул?» — думал Андрей.

Ему так хотелось верить старику! Может, цветок нашла Таня или Корней Корнеевич первым увидел цветок? Пора возвращаться к условному месту.

— Ну как, Таран? — сказал он коню. — Давай срежем путь и приедем к лиственнице раньше всех!

Конь фыркал в ответ и тряс головой.

— Согласен, дружок? Тогда поскакали.

Вместо того чтобы возвращаться обратно вдоль ручья, Андрей направил коня в противоположную сторону. Он рассчитывал выбраться из лошины и дальше, ориентируясь только по солнцу, пересечь напрямик участок ровной степи.

Но выбраться из лошины сразу не удалось. Слева бесконечной стеной тянулся глинистый обрыв. Что это? Русло древней реки или следы землетрясения? Он не знал.

Андрей уже стал жалеть, что не поехал вдоль ручья, как заметил в обрыве понижение, осыпь, по которой нетрудно проехать верхом. Он выбрался из лошины.

Степь была ровная, как стол. Чахлые травинки, редкие кустики. Никаких примет. Он даже стал сомневаться, стоит ли ехать по степи. Легко потерять направление.

«Поеду напрямик, а там что будет!» — решил он наконец.

Один. Один в бескрайней степи. Один среди камней и колючек. Один. Ручей исчез, и почему-то сразу захотелось пить. Один. И стали одолевать сомнения и страхи. С друзьями лучше. Где сейчас Корней Корнеевич, где Таня? Сколько времени он едет по степи?

Солнце ниже и не так палит. Тени стали длиннее. И нет-нет начинают стрекотать кузнечики; они всегда подают голос к вечеру, когда спадает дневная жара. А он всё в пути. Таран устал, чёрные струйки пота стекают по коричневой замше его кожи.

По его расчётам, давно должна быть листовенница. Но никаких примет знакомой лощины нет. Неужели заблудился?

Когда он сделал первый неверный шаг? Может быть, когда покинул ручей? И в душу закралось смутное беспокойство. Или когда ехал по степи напрямик? Старался не думать о возможности заблудиться и всё же думал. Теперь главное — не терять мужества и ехать в одном направлении.

Степь стала неровной. Он спускался в ложбины и выезжал из них. Таран натруженно выгибал спину и на каждом шагу дёргал головой. Вдруг Таран насторожил уши, потом вытянул голову и заржал. Издавка послышалось ответное ржание. Где-то лошади, значит, и люди близко.

«Наверно, наши», — подумал Андрей, подхлестнул Тарана и, когда поднялся на пригорок, увидел своих спутников. Под листовенницей, напоминавшей по форме вопросительный знак, был разбит небольшой лагерь — растянут брезентовый тент, разбросаны на траве сёдла и рюкзаки, и невдалеке паслись лошади. Таня и профессор заметили Андрея и машут ему руками.

Андрей подстегнул усталого коня и минутой спустя был среди своих.

— Нашли что-нибудь? — с надеждой спросил он.

— Нет, ручей скоро кончился, — ответил Корней Корнеевич.

— И я вернулась ни с чем, — грустно сказала Таня.

— А я незабудки принял за огонёк, — усмехнулся Андрей. — То-то сперва обрадовался! Потом чуть не заблудился.

— Что ж поделаешь теперь. Рассёдлывай коня и подсаживайся к ко-
стру, ужин уже готов.

Быстро темнело. Степь дышала теплотой и ароматами бесчисленных
травинок. В зарослях полыни что-то шуршало; стрекотали невидимые
насекомые. Андрей лежал на спине под деревом на сухой траве. Над
ним неподвижно застыли лиственничные ветви, корявым росчерком
перечеркнувшие небо. Крона лиственницы напоминала парус, и жир-
ный вопросительный знак, и полотнище брезента на сильном ветру...
Андрей даже привстал от удивления. Он хорошо помнил очертания де-
рева, но теперь не узнавал его.

— Таня, глянь-ка, — с недоумением сказал Андрей, — на дереве по-
явилась новая ветка.

— Не может быть! Что ты выдумываешь! — сказала Таня и сразу
омолкла. — И верно, вот этой нижней ветки не было.

— Там торчал короткий толстый сук, — сказал Корней Корнеевич.
Они подошли к дереву.

— Смотрите, верёвка, — сказал профессор. — Ветка привязана, ли-
нии излома точно совпадают.

— Похоже, что эта ветка здесь раньше росла, — деловито сказал
Андрей. Он отошёл в сторону.

— Отсюда хорошо видно — ветка самая длинная.

— Длинная ветвь лиственницы! Неужели... Значит, целый день мы
блуждали по степи зря. В ложном направлении.

— Что же теперь делать? — растерянно спросил Андрей.

— Спать, — улыбнулся Корней Корнеевич, — спать и только, а зав-
тра снова в путь. В п р а в и л ь н о м направлении.

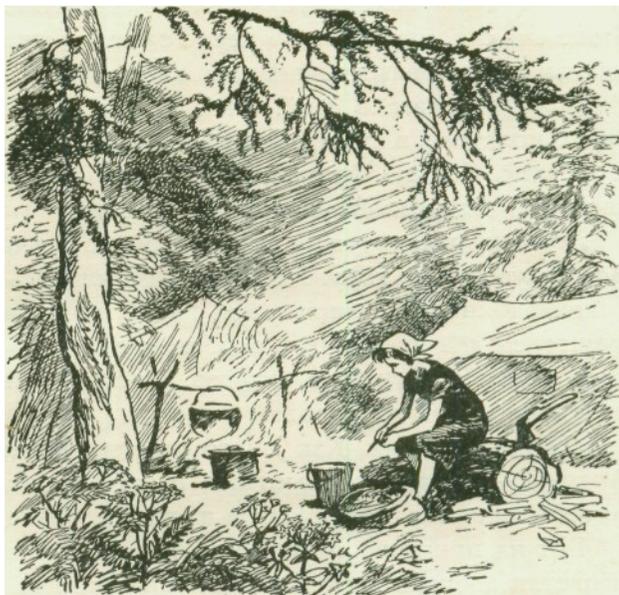
— Но мы так и не узнали, кто привязал ветку! — не унимался Ан-
дрей.

— Спи, Андрюша, завтра обсудим.

Они снова забрались в свои спальные мешки. Но Андрей долго не
мог успокоиться. Длинная ветвь лиственницы стояла перед ним, даже
когда он закрывал глаза.

«Происходит что-то непонятное и странное», — думал он, но уста-
лость побеждала, и он крепко заснул.

Б Е Л Ы Е П А Л А Т К И

Когда они проснулись, солнце ещё пряталось за горами. Клубился по низинам туман. Вчерашнее казалось сном. Андрей выглянул из спального мешка и сразу увидел длинную ветвь лиственницы.

— Теперь всем ясно, что за нами кто-то следует, — сказал он, продолжая вчерашний разговор. — Я понимаю так: ветка была сломана ветром или человеком. Кто-то нашёл её и привязал...

— Мысль правильная. Судя по всему, у нас появился таинственный доброжелатель, — сказал профессор, выбираясь из спального мешка. — Но кто это может быть? Да, мы напрасно смеялись над Андреем: «Шерлок Холмс, детектив». Лошадиные следы в лесу, тень человека за пастушеским домиком и, наконец, эта история с лиственницей.

— Так, пожалуй, начнёшь верить в привидения, — улыбнулась Татьяна, вынимая из рюкзака еду.

- Мне не терпится раскрыть тайну, — сказал Андрей.
- Мне тоже, — сказала Таня, — но нужно сперва позавтракать.
- Это не помешает.

Вскоре они покинули стоянку.

Степь была всхолмлена. Дальше поднималась горными отрогами. Выше по склонам зеленел лес. Голые каменистые вершины кое-где в пятнах снега предвещали близкий конец пути.

Солнце показало свой краешек над вершиной, и тысячи горячих стрел полетели в прозрачное небо — маленькие космические корабли к звёздам. Солнце быстро поднялось над горами, и степь сразу ожила свежими, чистыми красками, засверкала радужными вспышками росы.

Лошади, отдохнувшие за ночь, бодро стучали копытами по камням. Дорога уводила в гору. Повсюду возвышались целые заросли пижмы — дикой рябинки. Её листья при растирании сильно пахнут. Этот запах губителен для насекомых, особенно для мух. Водные настои соцветий способствуют изгнанию глистов. Цветы у пижмы жёлтые, яркие, ещё издали бросаются в глаза.

«Пижма жёлтая. Как много жёлтых цветов в природе! — подумал Андрей. — И ядовитые лютики, и желтушник, и бессмертник. Мать-и-мачеха, лапчатка, одуванчик и чистотел. Разве все перечислишь!»

Вот на пригорке тоже жёлтый цветок — зверобой. Мелкие листики и цветки собраны на верхушке в виде щитка. Из цветов и листьев зверобоя врачи назначают полоскания при ангине, кашле и для укрепления дёсен.

Солнце поднялось высоко. Оно спешило обежать всю землю. Стремилось заглянуть в каждый уголок степи, приласкать всё живое. Солнце проникало в глухие лесные чащи и глубокие ущелья, на дне которых текут холодные реки. Солнце ласкало землю. И земля отвечала солнцу доверием, щедрой добротой и любовью.

Часа через два неторопливой езды они достигли леса. Высокие лиственницы с золотистой корой мерно гудели вершинами. По мере того как они забирались выше в горы, деревья становились крупнее — настоящие великаны. Кроны смыкались. Всадники продвигались в сплошном зелёном коридоре.

Летом лиственничный лес производит праздничное впечатление: светлый, солнечный, нарядный. В жаркую пору на коре появляются медовые натёки живицы. Живица выделяется на месте ранений и цара-

пин. Это клейкая жидкая масса. Она горькая на вкус и пахнет хвоей. На деревьях делают насечки и собирают живицу в специальные чашки. Из живицы получают канифоль и скипидар. Осенью мягкие иголки хвой желтеют и облетают. Зимой лес пз'стынен и неприютен. Деревья всю зиму стоят голыми, раскачиваются на ветру.

Они выехали на почти развалившийся мост. Лошадиные копыта глухо стучали по гнилым доскам. Под мостом бурлил ручей. Это был Арген у своих истоков.

— Вы слышите пение? — сказала Таня.

Все прислушались. Стояла тишина.

— Тебе показалось, — сказал Корней Корнеевич и тронул лошадь.

— Но я хорошо слышала, даже отдельные слова разобрала.

— Тебе, видимо, тоже не терпится заслужить лавры следопыта и сыщика.

Не успели они проехать несколько метров, как снова раздалась песня. На этот раз её услышали все. Таня торжествующе улыбалась. Корней Корнеевич повернулся к девушке:

— Ты была права, Таня. А я просто оглох на старости лет. Но кто может петь в этих диких горных лесах? Не леший, в конце концов, да и голос женский!

— Кикимора поёт, — сказал Андрей.

Таня прыснула от смеха.

— Что мы гадаем? Вперёд! — Корней Корнеевич подхлестнул коня.

— Вперёд! — повторил Андрей и тоже погнал Тарана.

Трое всадников быстро помчались по лесной дороге, и пёстрая смесь листьев и солнечных пятен замелькала перед глазами. Не замедляя хода, они выскочили на поляну, ярко освещенную солнцем.

У края поляны под сенью громадных лиственниц стояли две белые палатки. Вился дымок костра, таял в синем небе. Возле палатки на опрокинутом дереве сидела девушка в красном платье. Она чистила картошку и пела песню.

Наши путешественники так внезапно появились перед ней, что девушка от неожиданности уронила нож в траву. Она перестала петь и с удивлением посмотрела на пришельцев. В больших синих глазах отразилось недоумение.

— Вот тебе и кикимора! — шепнул профессор и громко сказал: — Привет, милая девушка! Это вы так чудесно пели?

— Кто вы такие? Откуда взялись? — спросила девушка.
— Мы разбойники. Пришли из вольных степей. Из дремучих лесов.
— А она тоже... разбойник? — спросила девушка и, улыбнувшись, показала на Таню. — И мальчик этот?

При этих словах Андрей недовольно поморщился. Он был совсем не прочь, чтобы его приняли за разбойника, но, когда его называли мальчиком, не любил.

— Сдаюсь, сдаюсь. Этим вопросом вы меня обезоружили, — весело сказал профессор. — Будем знакомы. Мы ботаники. Интересуемся главным образом лекарственными растениями.

Он сошёл на землю и протянул девушке руку:

— Меня зовут Корней Корнеевич. А это мои незаменимые помощники — Таня и Андрей.

— Зоя, — назвалась девушка. — Я работаю поварихой в геологическом отряде. Сейчас все на работе, ушли в горы. Я осталась одна и готовлю обед.

— И поёте между делом?

Девушка покраснела от смущения. Подняла крышку кастрюли. Там что-то булькало и клокотало. Поднимался ароматный дымок.

— У меня текут слюнки, — шёпотом сказал Андрей.

— Вот ненасытный мальчик! — отозвалась Таня.

— По правде говоря, я тоже проголодался, — сказал профессор.

Они расседлали коней и пустили их пастись.

— А там чья лошадь пасётся? Ваша, наверно? — спросила Таня.

— Нет, мне лошадь не полагается. Я ведь не работаю в горах. Это сегодня утром какой-то парень приехал. Бродил вдоль ручья, что-то искал. Потом оставил коня и сразу ушёл в горы.

Таня и Андрей переглянулись. Корней Корнеевич это заметил.

— Кажется, напали на след. Я вижу, этот таинственный незнакомец вас теперь интересуется больше, чем голубой огонёк.

— Где он сейчас? — спросила Таня.

— Там, в горах, — сказала Зоя и показала рукой направление.

Послышались крики, пение, смех. Из-за пригорка показалась целая кавалькада. Впереди на белой лошади скакала девушка в голубом свитере. Её волосы развевались. Брезентовая сумка билась на боку. Всадники рассыпались по зелёному лугу и наперегонки мчались под гору. С весёлыми возгласами подлетели к палатке. На ходу соскочили

с лошадей, сёдла бросили под дерево и поспешили к ручью умыться.

Потные лошади жадно набросились на траву, паслись поблизости. Помахивали хвостами, отгоняя мух и комаров, сразу откуда-то налетевших.

— Кто эта девушка в голубом? — спросила Таня.

— Эта наша Лариса, начальник отряда, — ответила Зоя. — Мы с ней в одной палатке живём. Всего два года, как институт окончила. А отчаянная — спасу нет! Остальные в отряде у нас ребята, девять человек, так они за ней угнаться не могут. И подчиняются ей беспрекословно.

— А кто эти ребята? — спросил Андрей.

— Местные, из ближайших селений. Учатся в школе в старших классах, а на всё лето поступают работать в отряд рабочими. Надо сказать, работа трудная — приходится киркой долбить каменистый грунт. Только они не унывают и никогда не падают духом, весёлый народ.

Подошла Лариса, мельком взглянула на гербовые папки и маленькие кирки за поясом и сразу определила:

— Ботаники? Рада познакомиться.

Она пожала всем руку. У неё была маленькая, но крепкая рука. Взгляд слегка насмешливый и строгий, лицо волевое, обветренное.

— Садитесь с нами обедать, — предложила она. — Что ты, Зоя, приготовила?

— Суп из баранины.

— Не откажемся, у ботаников аппетит всегда хороший.

— Тогда возьмите свои миски и ложки, лишней посуды у нас нет.

Вместе с геологами они хлебали суп из баранины, ели душистое, сочное мясо, пили крепкий чай с сухарями.

После обеда геологи не разлёживались на траве, не искали тени. Ловили на лугу лошадей, седлали их, и вот уже длинная вереница всадников потянулась по поляне. Усталые кони медленно поднимались на пригорок. Всадники чётким силуэтом выделялись на гребне, потом исчезали, словно проваливались. Словно уходили в другой, неведомый мир.

— Вот и ушли, — вздохнула Зоя. — Теперь до вечера я снова одна.

— А вы, друзья, отдохайте, — сказал профессор и сел на траву. — Место здесь замечательное — высокие лиственницы, густая трава, много цветов, — можно прекрасно отдохнуть. Отдыхайте, друзья, отдыхай-

те. Вечером вернутся геологи, и мы их расспросим о голубом цветке. Вдруг они знают! Если не знают, завтра будем искать сами. Облазим все окрестности, обшарим каждый склон и каждую поляну, заглянем во все уголки. И только тогда повернём коней обратно в степь. И поскочим в Турай, где отдадим лошадей в колхоз.

— А оттуда с пустыми руками домой, — грустно сказал Андрей. — С унылыми лицами на попутных грузовиках.

— И тайна цветка останется неразгаданной, — добавила Таня.

— Нет, вы знаете, Корней Корнеевич, мне что-то не хочется отдыхать, — сказал Андрей. — Я, пожалуй, немного поброжу по горам.

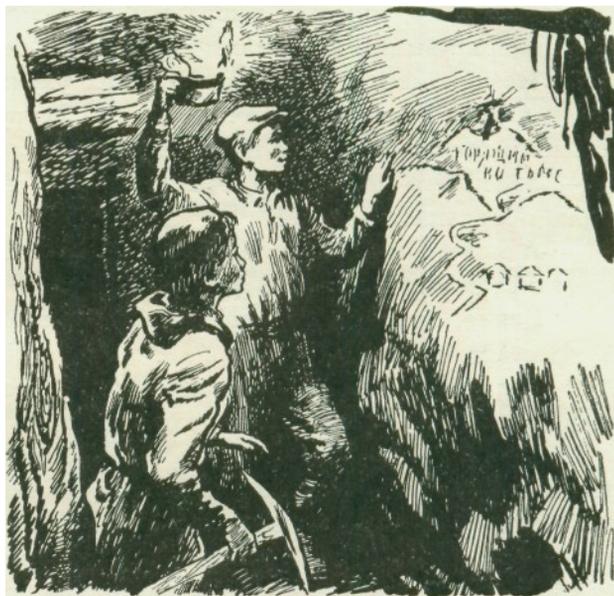
— И я тоже, — сказала Таня.

— Идите, только ненадолго, чтобы засветло вернуться к палаткам. И возьмите с собой еды.

— А хорошая идея! — весело сказал Андрей, развязывая рюкзак.

— Только смотрите без приключений! — крикнул Корней Корнеевич вдогонку, а сам подумал: «Куда там без приключений! Небось побежали незнакомца выслеживать».

В ЗАБРОШЕННОЙ ШТОЛЬНЕ

Таня и Андрей пробирались среди каменных глыб, поднимаясь всё выше и выше по склону.

— Смотри, человек! — сказал Андрей.

Они увидели маленькую фигурку. Она то чётко виднелась на фоне неба, то сливалась с окружающими камнями.

— Это он, — обрадованно сказала Таня. — Бродит в горах, что-то ищет. Это его лошадь пасётся у палаток.

— Давай его окликнем, — предложил Андрей.

— Не стоит, а то он убежит.

— Думаешь, он раньше нас не заметил? — сказал Андрей и закричал: — Эге-ей, челове-е-ек, челове-е-ек! Подожди-и-и-те!

Незнакомец на мгновение остановился, потом ускорил шаг.

— Пошли быстрее, — сказала Таня, — мы должны его догнать. Су-

дя по всему, он устал и едва идёт. Ведь бродит в горах с самого утра.

Они карабкались по крутой, осыпающейся тропе. Среди камней здесь и там вились розовые стебли горной фиалки. Бледно-фиолетовые соцветия нежно пахли.

Запахавшись, путники выбрались на небольшую площадку, поросшую декоративными кустиками карликовой берёзки. Никого вокруг не было. Незнакомец куда-то исчез. Вверх уходил крутой безжизненный •склон. Сухие кустики раскачивались на ветру. Серая пичуга, пронзительно пискнув, испуганно полетела прочь.

— Здесь его нет, — озадаченно сказал Андрей. — Что он, сквозь землю провалился, что ли?

— А может, и в самом деле под землю! Смотри — ход под землю. Вдруг он там спрятался?

— Верно, похоже, что здесь когда-то велись горные работы. Это, верно, старая штольня.

У входа валялись брёвна, опрокинутая вагонетка. В глубь горы уходили тоненькие заржавленные рельсы.

Не сговариваясь, они решили обследовать подземелье. Андрей пошёл первым. Таня осторожно следовала за ним. Крепления из подгнивших брёвен. Засыпанные землёй рельсы. В стенной нише — запылённая шахтёрская лампочка. На земле — заржавленная кирка. Андрей поднял её, обтёр грязь. Когда-то деревянная ручка была отполирована до блеска руками рабочего.

С каждым шагом становилось темней. Позади светлел квадратик голубого неба. Он постепенно бледнел, уменьшался в размерах.

— Я с трудом различаю дорогу, — сказала Таня, невольно перейдя на шёпот.

— Да, плохи дела — ни фонаря, ни свечи. Одна Юсупова зажигалка. Её надолго не хватит.

— Что же будем делать? — спросила Таня. — Может, вернёмся? Вряд ли этот прячется здесь.

— Кажется, я нашёл выход из положения, — сказал Андрей.

Он достал из кармана носовой платок и оторвал от него полоску.

— Уж не думаешь ли ты сжечь носовой платок по кусочкам?

— Ты почти угадала.

Андрей достал из другого кармана пучок дикого лука и бумажный свёрток.

— Хлеб с салом, — сказал он, лукаво улыбнувшись.

— Вот ещё, нашёл время для еды!

— Самый подходящий момент. Да будет свет! — патетически произнёс он. — Свиное сало хорошо горит. Фитилём станет лоскут носового платка. А плошкой — старая консервная банка.

Через минуту светильник конструкции Андрея Хохлова был готов. Андрей достал из кармана зажигалку Юсупа. Нажал рычажок. Медный дракон изрыгнул пламя. Тонкий язычок пламени лизнул фитиль. Вспыхнул огонь. Зашипело сало. Пламя горело ровно, чуть колеблясь.

Они неторопливо шли по бревенчатому коридору. Казалось, ему не будет конца. Здесь было тихо. Очень тихо. Ничто не нарушало зловещей тишины подземелья — ни звук падающих капель, ни шорохи. Даже шаги звучали глухо. Только звенело в ушах. Это кровь торопливыми толчками бежала по сосудам.

— Стой, что это? — Голос Тани звучал тревожно.

Их путь преградило что-то чёрное.

— Не бойся, это камень. Упал с потолка когда-то. — Андрей поднял светильник. — Видишь, откуда он сорвался?

— Здесь нет креплений, — сказала Таня.

— Ну и что?

— Видишь, боковое ответвление, — сказала Таня.

— Как здесь темно!

— Страшновато?

— Нет, дело не в страхе. Никого здесь нет, — сказал Андрей. — Парня нужно искать не здесь.

— Найдем. Не иголка же он наконец! Не в штольне, так в другом месте найдём.

— Ладно, давай пройдем ещё немного, — шёпотом сказал Андрей. — Здесь туннель расширяется. Только посмотрим и сразу вернёмся.

Они прошли ещё несколько шагов и наткнулись на стену. Дальше идти некуда. Под ногами валялись камни. Андрей поднял один из них.

— Это киноварь. Видишь — красные вкрапления и глыбки.

— Дай свет, здесь что-то блестит, — сказала Таня.

Андрей приблизил светильник к стене.

— Больше не блестит. А ведь только что я видела голубую сверкающую точку.

— Зато здесь что-то нарисовано, какие-то линии, — сказал Андрей.

— Приглядишься. Это нарисованы наши горы, — сказала Таня взволнованно. — Подвинь плоску. Вот нарисованы домики — теперь там развалины. А это ручей Арген — он берёт начало в самых горах.

На стене заискрился голубой камешек.

— Смотри, смотри же! — сказала Таня. — На вершине горы нарисован цветок. Он голубой. Голубой камешек вкраплен в стену на месте цветка. Он отражает свет и блестит.

— Здесь что-то написано, только трудно разобрать.

— Я вижу, я различаю! — сказала Таня. — «Горящий во тьме»!

— Горящий во тьме, — как эхо, отозвался Андрей.

На мгновение они забыли, что находятся в недрах горы, в глубине мрачного подземелья. Забыли о таинственном незнакомце. Они стояли перед новой загадкой. Откуда взялся рисунок на стене старой, заброшенной штольни? Несомненно, это изображён голубой огонёк. Но откуда неизвестный художник знал о цветке? Зачем нужно было оставить рисунок под землёй?

— Послушай, Таня, а что, если это было так? — сказал Андрей. — Давным-давно в эти горы забрёл смелый охотник. Третий день он преследовал горного оленя-марала. Марал уходил всё выше и выше в горы, охотник выбился из сил. Но марал был ранен и ронял капли крови на камни. И охотник не хотел упускать добычу. И забрался олень высоко, под самые облака, на самую вершину горы, и некуда ему деваться. Наступил вечер, и вдруг охотник увидел, как по всей вершине горы сверкали голубые огоньки. И понял охотник, что это светятся цветы. Много легенд слышал охотник о цветке, который светится по ночам, но никогда им не верил. А в те времена один только цветок был дороже тысячи маралов. И сказал охотник:

«Живи, марал, ты помог мне найти волшебный цветок». Охотник сорвал один цветок и стал спускаться с гор. А чтобы не забыть дорогу к голубому огоньку, нарисовал на стене пещеры эту карту. Вот и вся загадка!

Таня рассмеялась:

— У тебя, Андрюша, неистощимая фантазия! Этот рисунок не такой уж древний. Ты забыл, наверно, что мы находимся не в пещере, а в горной выработке — в старой штольне, и в ней проложены рельсы, и вагонетка у входа валяется. И почему ты решил, что охотник преследовал оленя?

— Ну и что ж? Это всё уже потом принесли. А охотник и пещера были, когда здесь ещё ничего не добывали.

— Андрюша, а надпись? Горящий во тьме! Когда был охотник, письменность была древняя. Мне кажется, всё было проще — работали шахтёры в штольне, подбирались к киновари. А вечерами уходили в горы подышать свежим воздухом. И однажды шахтёр — предположим, его звали Коля — нашёл в горах непонятные цветочки, они таинственно поблёскивали в темноте. И на работе Коля взял отбойный молоток и высек на стене домики, горы, ручей и странный цветок на вершине горы.

— Возможно, и так всё случилось, — сказал Андрей, — только мой вариант интересней.

— Этот рисунок можно использовать как карту, — сказала Таня. — Ты подержи плоску, а я перерисую план в блокнот.

При тусклом свете самодельного светильника Таня набросала рисунок в блокноте. Фитиль коптил, сало почти всё выгорело.

— Нам пора, — сказал Андрей.

— Идём.

— Здесь так пыльно, у меня даже в носу зашекотало!

— Ну, так чихни, — улыбнулась Таня.

— Я говорю серьёзно, — еле сдерживая смех, сказал Андрей.

— Чихай хоть сорок раз.

— Ой, как в носу щекочет!.. А-а-апчи! — громко чихнул Андрей, и умиравшее пламя светильника мигнуло и погасло.

Они сразу очутились в крошечной тьме. В это же мгновение позади себя Андрей услышал громкое:

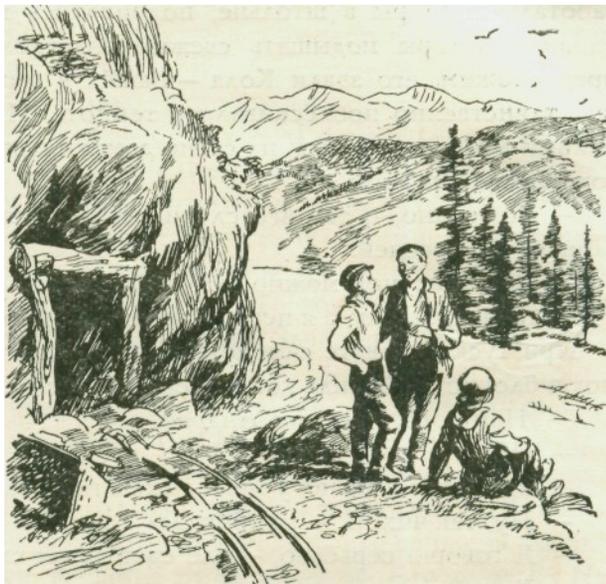
— Будь здоров!

Он замер. Рядом кто-то был. Голос показался знакомым.

Андрей достал из кармана зажигалку. Нажал рычажок. Дракон высунул горящий язычок пламени. Перед ними стоял Юсуп.

Так вот кто их таинственный незнакомец!

ГОРЯЩИЙ ВОТЬМЕ

Сначала их окружала со всех сторон темнота. Пламя светильника выхватывало из темноты совсем немного. Потом в отдалении они увидели маленький белый квадрат. Он увеличивался в размерах, голубел. Наконец голубой квадрат превратился в кусок голубого неба. Они вышли из подземелья и радостно смотрели на небо. Небо слепило глаза. Заходящее солнце казалось необычайно светлым и лучезарным. Земная жизнь под солнцем была чудесной.

- Как хорошо кругом! — улыбнулась Таня.
- И ветер волнует травы, — сказал Андрей, расчувствовавшись.
- Смотрите, птицы кружат над лесом, — сказал Юсуп.
- О-о, Юсуп, ты наш должник, — сказала Таня, — ты обо всём должен рассказать.
- Я расскажу, непременно расскажу. С превеликим удовольствием

расскажу, — сказал Юсуп. — Мне самому так хочется рассказать о своих приключениях, что язык не стоит на месте и его нужно прикрутить к зубам медной проволокой. Я сегодня же вам расскажу обо всём. Но прошу вас, не говорите сейчас обо мне Корнею Корнеевичу. Я боюсь, он рассердится на меня.

— Ладно, Юсуп, мы будем немые как рыбы, — сказал Андрей.

— Хорошо, Юсуп, — кивнула головой Таня.

Они стали спускаться вниз по склону. Быстро темнело.

— Мне что-то хочется есть, — сказал Андрей и достал из кармана хлеб и пучок лука. — Сало мы сожгли.

— Я тоже голодна, — сказала Таня.

Юсуп как-то странно посмотрел на хлеб и отвёл глаза. Андрей заметил это.

— Постой, Юсуп, ты когда ел в последний раз?

— Два дня назад, а теперь перебиваюсь диким луком и родниковой водой.

— Возьми, Юсуп.

Андрей отдал ему весь хлеб.

Когда они вошли в листовничную рощу и за стволами показался костёр, Юсуп отстал, крикнув издали:

— До встречи!

Вскоре Таня и Андрей были возле палаток.

Корней Корнеевич сидел среди геологов. Все жались поближе к костру. В живом пламени огня есть что-то притягательное и манящее, что-то волшебное. Оно околдовывает и чарует, никого не оставляет равнодушным.

— Пришли наконец! — обрадованно сказал профессор, завидев своих спутников. — Я уже начал беспокоиться. Садитесь. Поешьте сперва, там для вас оставили в большой кастрюле.

У костра вели неторопливые беседы. Андрей прислушался. Ничего героического, обычные разговоры на обыденные темы.

— Прошлым летом я ездил к своему дяде в Онгудай, — сказал один из мальчиков. — У него небольшая пасека. Пчёлы собирают мёд на лесных полянах. Такой вкусный цветочный мёд, таёжный мёд! Он и в этом году звал, только я не поехал, в отряд пошёл.

— Что мёд? Мы ездили весной на озёра, птицы там видимо-невидимо. Охотились на диких гусей.

— А мы в прошлый выходной хариусов в Чуе ловили, брали почти голыми руками, а в озёрах полно османов. То-то рыбы в посёлок привезли!

— Чудные вы все! Ездят куда-то в выходной. А я по выходным отдыхаю. В клуб ходил, кино смотрел. Думаете, для чего я в отряд пошёл? Мозоли натирать? Деньги хочу собрать! Велосипед куплю.

— Эх ты, капиталист! Много миллионов собрал?

— Где ты их держишь? Клад зарыл или в сундуке? Ха-ха-ха! — дружно смеялись ребята.

— Сам ты капиталист! — обиделся парень. — Так говоришь, будто денег за работу не получаешь.

— И верно, что вы к нему пристали? Я тоже собираю деньги. А осенью поеду в Барнаул поступать в мореходное училище.

— Какое, какое? Там моря-то нет!

— Ну, не мореходное, школа речников. Почти одно и то же. Захо-чу — потом моряком стану.

Все замолчали. Каждый в душе завидовал этому парню — когда-нибудь он увидит далёкие берега. А многие из ребят пока нигде не были дальше своего района.

— Ребята, давайте устроим настоящий костёр! — предложил кто-то. Его поддержали.

Андрей не знал, чем отличается настоящий костёр от обыкновенного, но тоже побегал в лес вместе с геологами. Они собирали сухой валежник и тяжёлые лиственничные ветви. Целые высохшие стволы волочили по траве — сбивали головки цветов, вырывали траву пучками.

Костёр разгорался. Становилось жарко. Подбрасывали ветви ещё и ещё. Огонь жадно пожирал древесину. Искры яростно улетали в синее небо.

Уже нельзя было близко подходить к костру. Люди отползали по траве, чтобы выбраться из раскалённого круга. Лица багровели от жары. Они выражали сосредоточенность и грусть. Гигантские лиственницы казались отлитыми из бронзы.

— Высоко на склоне горы мы увидели вход под землю, — рассказывал Андрей. — Мы прошли далеко в глубь горы, пока не упёрлись в стену. И там на каменной стене увидели рисунок. Вот он, Таня перерисовала его в блокнот.

— Горящий во тьме! Как это чудесно! — сказал Корней Корнеев

вич. — Но я тоже не знаю, что подумать о рисунке. Легко говорить о первобытных художниках, людях каменного века. Осенило некоего дикаря вдохновение, он хватает камень и долбит на стене изображение мамонта или пещерного медведя. Гораздо трудней вообразить, зачем современному человеку понадобилось делать изображение на камне.

— В этой находке нет ничего загадочного, — сказала Лариса. — Этот рисунок появился на стене не так давно, и при желании можно отыскать автора рисунка.

Андрей со вниманием стал слушать рассказ девушки.

— Вы видели, конечно, за лиственницами полузасыпанные землянки и фундаменты домов. Они поросли травой и цветами. Белые соцветия тысячелистника. Розовые колоски змеевика. Заросли фиолетового аконита. Над цветами кружат дикие пчёлы. Представьте себе на этом месте посёлок. Здесь жили шахтёры. Представьте рокот отбойных молотков в недрах горы, могучее эхо взрывов, яркие огни по вечерам — люди обживали горы.

Да, когда-то здесь бурлила жизнь. В глухом лесу вырос настоящий городок из палаток, землянок и деревянных домиков. Гудели автомашины — привозили оборудование. Работал движок — гнал электричество. Все говорили: «Будет ртуть!»

По утрам рабочие уходили в горы по хорошо протоптанной тропе. Сначала открыли нижнюю штольню, потом верхнюю. Сталь вступила в единоборство с камнем. Люди уходили всё глубже в чрево горы. Когда добыли первые камни с карминовыми вкраплениями киновари, все радовались: «Будет ртуть!»

Рабочие снова уходили под землю. Инженеры признали месторождение рентабельным, то есть выгодным для разработки. Уже собирались открывать рудник...

Но рудник не открыли. Неподальёку нашли месторождение побогаче. Руда там лежала поближе к поверхности — легче добывать. Работы приостановили. Штольни были закреплены — вход под землю закрыли досками, прибитыми крест-накрест.

За несколько дней до остановки работ случилось несчастье. В конце подземной галереи произошёл обвал. Там остались рабочие, четверо шахтёров. Они остались живы, но, отрезанные от всего мира, не зная размеров обвала, возможно, потеряли надежду выйти из-под земли.

Рабочих откопали через двое суток. Они были здоровы и невреди-

мы. Благодаря помощи товарищей они вырвались из каменного плена. А на стене остался рисунок, сделанный шахтёром, попавшим в беду. Рисунок, выдолбленный на камне отбойным молотком при свете шахтёрской лампы. Никто не понял значения этого рисунка и подписи под цветком: «Горящий во тьме». Всем казалось это бредом заживо погребённого человека, мечтой о свете. Но находились такие, которые утверждали, что шахтёр изобразил реальный цветок.

— Это очень интересно, это очень интересно! — повторил профессор. — Скажите, Лариса, вы верите в существование этого цветка?

— Признаться, не очень. Мне кажется, шахтёр знал легенду *об* этом цветке и потому изобразил его на стене.

Все молчали.

— Но на вашем месте, — продолжала Лариса, — я не упустила бы случая поискать цветок в этих горах. Во всём нужно убедиться самому.

— Да, Лариса, вы правы, и завтра мы обязательно продолжим поиски загадочного цветка.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЮСУПА

В лесу стояла непроницаемая темнота. Они шли почти на ощупь, смутно угадывая впотьмах неясные очертания деревьев. Только позади среди стволов иногда мигал оранжевый огонь — это геологи всё ещё сидели у костра.

— Друзья, вы о чём-то умалчиваете, — сказал Корней Корнеевич. — Когда мы сидели у костра, я видел, как Танины глаза сверкали желанием открыть какой-то необыкновенный секрет. Андрей был похож на пирата, зарывшего клад, — сидел такой важный, подавленный тайной.

— Да нет, что вы, Корней Корнеевич! — сказал Андрей. — Ничегошеньки не случилось.

— Просто мы рады находке в штольне. У нас теперь карта, по которой мы сможем завершить поиски, — добавила Таня.

— Это всё так. Но куда девался незнакомец? Его лошадь паслась

гвозде палаток. За день съела столько травы, что устала двигать челюстями. А хозяйина всё нет. Разве вы не его искали в горах?

— Он убегал от нас, — сказал Андрей.

— Он потерялся в горах, — сказала Таня.

— Я совсем не потерялся, я здесь! — послышался из темноты голос Юсупа.

— Юсуп? — ошеломленно сказал профессор. — Наш Юсуп?.. Так вы всё знали, наверно, проказники, и решили разыграть старика!

— Они не виноваты, — сказал Юсуп, — это я виноват. Это я про-
• сил их молчать.

— Это замечательно, что Таня и Андрей так хорошо умеют хранить тайну, но для чего её было хранить? — удивился профессор.

— Как — для чего? — сказал Юсуп. — Я боялся, вы прогоните меня из отряда.

— А почему ты решил, что я не прогоню тебя теперь?

— Как, неужели прогоните?! — испугался Юсуп.

— Ладно, не делай поспешных выводов. Лучше рассказывай, как ты здесь оказался.

Юсуп прокашлялся, как перед длинным докладом.

— Погоди, Юсуп, — сказал профессор. — Вот мы и пришли. Там наши рюкзаки — спальные мешки я уже вынул. Лошади пасутся вместе с лошадьми геологов. Андрюша, разожги костёр, хворост я собрал за-светло, и чайник поставь. Юсуп, наверно, давно не ел. А теперь рассказывай, Юсуп.

— Я обиделся, когда меня не взяли в отряд. Я так хотел искать голубой огонёк вместе с вами! А грузовик увозил меня всё дальше и дальше.

Мы миновали ущелье Красные Камни. Вы знаете, что это за ущелье? Там всегда падают на дорогу камни. Одни падают на дорогу, другие на людей. Мы два раза расчищали путь, но всё обошлось.

На первом привале я объявил, что ухожу. Мне не поверили. Думали, шучу. Надо мной смеялись. Меня и слушать не хотели. Я говорю: «Хочу тоже искать голубой огонёк». Снова смеются. Говорят: «Чудной какой-то! Скоро дома будем, а его в тайгу тянет!»

Тогда я дождался ночи. Взял рюкзак — вещи собрал заранее. Взял ружьё — в тайге всегда пригодится. И ушёл.

Сперва шёл по дороге пешком. Потом подобрала меня одна маши-

на. Геологи в ней ехали. Я рассказал им про голубой огонёк. Не слышали о таком.

Геологи меня к *себе* звали. Говорили — нужен рабочий. Только я не пошёл к ним. Так и сказал: «Из своего отряда не для того ушёл, чтобы к вам переходить». Довезли меня геологи почти к тому самому месту, где мы с вами расстались. Попрошался с ними. Они в свою сторону — за камешками. Я в свою — за голубым огоньком.

Держался поближе к реке. Река бурлит, пенится. Целый день шёл по тайге. Путался в кустах, спотыкался на корягах, несколько раз упал. А ко всему шёл дождь. Мокро и неприятно стало в лесу, хоть волком вой.

В одном месте лес расступился, и я вышел на пожарище. Вижу — лес недавно горел. Деревья обугленные. Ни живой травинки, ни живого листа. Ни птичьего щебета, ни звериного писка. Пусто, мертво, черно. Жуткое зрелище! А сверху дождь поливает и поливает. Вода в ручьях стала совсем чёрной от пепла. И тут увидел я на берегу флягу. Из алюминия сделана, и на ней буквы: «А. Х.» Что означает: Андрей Хохлов.

— Так вот, оказывается, где я потерял флягу! — обрадовался Андрей. — А я-то ума не приложу, где мог её забыть.

— Можешь получить обратно, — усмехнулся Юсуп, — фляга в рюкзаке. Вам сейчас смешно, а тогда я совсем приуныл. Разные грустные мысли лезли в голову, хотя я старался гнать их прочь. Я думал: «Что с моими друзьями? Неужели не смогли убежать от огня?»

Заночевал я неподалёку от пожарища. Пахло гарью. Такой ядовитый запах! Пахло смолою, падалью, пеплом. На ужин съел немного тушёной говядины с куском чёрствого хлеба. И устроил себе постель из еловых лап.

Но на другой день отогнал прочь грустные мысли, шёл бодро и даже запел песню. Вскоре потерял тропу. Шёл в чаще напролом. На мою куртку надели клещи — такие красненькие насекомые с крепкими челюстями. Один клещ даже в руку впился. Едва его снял. Обжёг пламенем спички.

Целый день я брёл по тайге. Устал как вол, будто тащил целый воз сена. Под вечер повезло — я подстрелил двух куропаток. Испёк бедных птичек на костре и за ужином расправился с одной из них.

Когда лёг спать, мне всё чудился лай собак. Я различал голоса —

один осипший, низкий, другой звонкий и сильный. Потом всё затихло. «Наверно, почудилось», — думал я.

Огонёк виднелся сквозь деревья. Мерцает себе, жёлтенький, уютный. «Тоже, наверно, чудится», — решил я и постарался заснуть, чтобы не почудилось ещё что-нибудь.

Проснулся поздно. Оттого что солнце прижгло ухо. После трёхдневных дождей это было совсем кстати. А то моя одежда вот уже три дня подряд не высыхала.

Я доел куропатку, оставшуюся от ужина. Собрал вещи и пошёл дальше. Вскоре выбрался на широкую дорогу и немного спустя оказался возле бревенчатой избушки. Две собаки — одна рыжая, другая белая — с громким лаем бросились ко мне навстречу. Так вот, оказывается, кто лаял ночью! И не окна ли избушки светились сквозь переплетение стволов и ветвей, напоминая глаза волка?.. Вам не надоело меня слушать?

— Нет, нет, Юсуп, рассказывай!

— В избушке жил лесник Нил Петрович со своей семьёй. От него я узнал о вас. Что Андрей три дня болел, что вы отбыли утром. Он дал мне лошадь и пошутил тогда: «Если ещё кто придет за голубым огоньком, знайте, больше нет лошадей, которых нужно отправить в Туррай». Не теряя времени, я отправился в путь.

Я догнал вас на лесной поляне. Услышал голоса — остановился. Слез на землю и, ведя коня за уздечку, через кусты подобрался поближе. Посреди поляны сидел Андрей и что-то искал в траве.

— Мы собирали землянику, — сказал Андрей.

— Я хотел окликнуть Андрея, но вдруг меня стали разбирать сомнения. А что, если Корней Корнеевич отправит меня назад и я не смогу искать голубой огонёк вместе с вами? Вся затея окажется напрасной. Я изменил решение. Вскочил на коня и поскакал прочь. С того момента стал следить за вами. Ведь я не знал, где искать голубой огонёк. Я думал, что вы знаете. Вы, казалось, ничего не заметили и спокойно продолжали путь.

— Андрей заметил, — сказала Таня. — Он ведь у нас Шерлок Холмс.

— А мы ему не верШИИ, думали — мерещится мальчику всякая чепуха, — сказал профессор.

Юсуп продолжал свой рассказ:

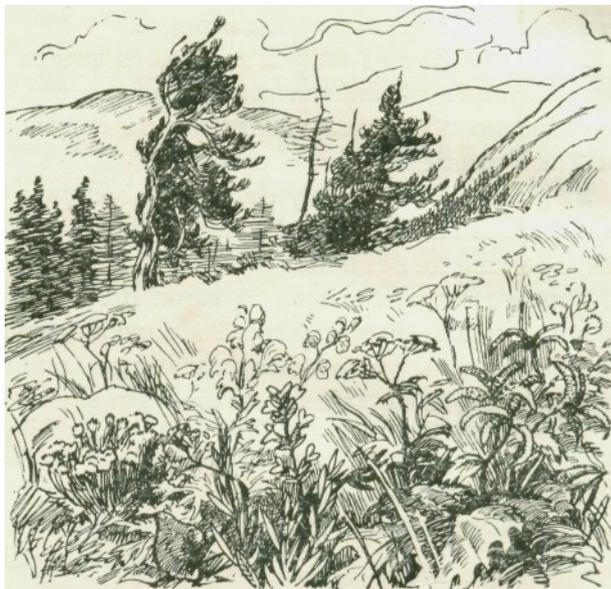
— За рекой стояли две юрты. У входа сидел старик. Хитрый и вредный старик. Я был уверен, что старик знает, где искать голубой огонёк. Такие древние старики словно нарочно созданы для того, чтобы хранить в себе разные сказки и легенды, были и небылицы. Он ничего не сказал мне о голубом огоньке.

Я потерял вас из виду и до самого вечера блуждал по степи. Когда совсем стемнело, заметил огонь. Ваш костёр. Я оставил коня в низине и незаметно подкрался. Спрятался за избушкой, подслушивал разговоры. Так я узнал, что сказал старик.

Заночевал неподалёку от вас, в ложбине. Огня не разжигал, чтобы не привлечь внимания. Да и огонь был ни к чему — припасов у меня к тому времени не осталось.

Утром двинулся следом за вами. Вы поехали вдоль притока Аргена. И вдруг неподалёку от дерева я нашёл длинную ветвь лиственницы. Я понял, что вы ушли в ложном направлении. Тогда я привязал ветку на место. Что было дальше, вы сами знаете.

П О А Л Ь П И Й С К И М Л У Г А М

Вот и палаток не видно, — сказала Таня. — Даже удивительно: пробыли с геологами всего один день, а расставаться грустно.

— Они славные ребята, — откликнулся Корней Корнеевич. — И Лариса мне понравилась. Несколько резковата, но все её слушаются и любят.

— Зоя дала лепёшек, — сказал Андрей, — они ещё тёплые.

— Лепёшки — это здорово! — обрадовался Юсуп.

Некоторое время они ехали молча в светлом лиственничном лесу, где золотом отливали стволы. Гулко шумели вершины. А впереди между деревьями проступали чёткие контуры гор.

Вскоре лес кончился. Они выехали на поляну. Весёлое было место! Сбегал по камням ручей. Буйно цвели травы. Они так сплелись, что и за год не распутаешь. Нагретые солнцем травы пахли мёдом и сеном.

Придавая всей картине идиллический вид, над кустом шиповника^ вились две бабочки. Казалось, их всё время дёргают за невидимую ниточку! Две сойки в ярком наряде перелетали с ветки на ветку. Птицы помельче суетились и пищали в густой кроне лиственниц.

Путешественники вышли к Аргену. Продвигались по дну неглубокого ущелья, вдоль стремительного горного потока. Ручей напоминал живое существо — то норовистую быструю лошадь, то змею с серебряной чешуёй, ползущую среди камней.

Вода сбегала с плеском и урчанием. В одном месте поток низвергался с четырёхметровой высоты, образуя настоящий водопад. Вода стекала сплошным потоком, напоминая по форме надутый парус. Под этим парусом можно было стоять, рассматривая мир сквозь зыбкий водяной экран.

Вода с грохотом падала в крохотное озерко, выдолбленное в камнях. На дне зеленели и голубели камни, отшлифованные водой. Вода бурлила. В воздухе носилась влажная пыль. Разноцветная расплывчатая радуга повисла над водопадом. Мокрые гибкие травы тянулись к воде.

Они задержались у водопада. Можно без конца смотреть на быстропадающие струи, на радугу, слушать грохот падающей воды.

Потом продолжали подъём. Лошади покачивались в такт шагам. Борода профессора воинственно развевалась. Лёгкий ветерок трепал косынку на голове у Тани. Рысья шкура болталась у Андрея за спиной. Юсуп морщился, словно от зубной боли, — он неосторожно взял в рот горький стебель молочая.

На каменистых склонах росла патриния — каменная валерьяна. Её жёлтые цветки, собранные в соцветия, приятно оживляли красноватые-щербнистые склоны. Казалось, будто не патриния растёт по склонам, а разбросаны по каменным россыпям солнечные зайчики.

— Патриния — растение целебное. Настой из корней и листьев, патринии — хорошее успокаивающее средство. На легко возбудимых людей действует не хуже валерьяны. И это неудивительно: патриния и валерьяна — растения из одного семейства, можно сказать, сестры.

На камнях распластался бадан. Блестящие листья на длинных черешках. Голый стебель стелется по земле. Бадан неприхотлив. Растёт по скалам и каменистым осыпям. Его применяют как противомикробное и противовоспалительное средство при заболеваниях кишечника-

. Изредка попадались кусты ревеня. Из его широких листьев готовят порошок, применяемый как слабительное.

— Когда же начнутся настоящие альпийские луга? — спросил Юсуп.

— Мы давно уже на лугах, — ответил Корней Корнеевич. — Ты думал, альпийские луга — это бескрайнее поле, усеянное цветами? Так многие думают, но так почти никогда не бывает. Альпийский луг, по которому мы едем, зажат с обеих сторон каменистыми склонами. Здесь не разгуляешься, и цветы на лугу встречаются самые обыкновенные. Вот клевер луговой. Всем знакомые трилистники. На ночь складываются вместе. Цветки — шаровидные головки. Разнообразные оттенки — от бледно-красного до тёмно-пурпурного. Соцветия клевера тоже применяют с лечебной целью. При приёме внутрь в отварах как отхаркивающее. Наружно — при кожных нарывах и ожогах.

— Бывает клевер с белыми цветами, — сказал Андрей.

— То клевер ползучий. Тоже из семейства бобовых. Другое название — белая кашка. Его стебель вьётся. Белый клевер — прекрасный медонос. На его цветках всегда пчёлы.

— Смотрите, тысячелистник! — сказала Таня. — Листья мелкие-мелкие.

— Осторожней, не выпади из седла, — улыбнулся Андрей.

— Совершенно верно, это тысячелистник, — сказал профессор. — В народе его называют порезной травой. Применяется при порезах, кровотечениях. Кроме того, как горечь трава, является хорошим средством при вялом пищеварении и плохом аппетите... Мы давно на альпийских лугах, Юсуп, — повторил Корней Корнеевич. — Альпийские луга начинаются выше пояса лесов. Здесь много влаги и солнца. Трава растёт хорошо. Много пищи для скота. Местные жители летом заготавливают сено. Зимой пригоняют овец — здесь больше корма, чем в степных районах. Альпийские луга красивы, но не всегда одинаковы. Цвет альпийского луга зависит от преобладания тех или иных цветов. Луг бывает розовым и жёлтым, фиолетовым и оранжевым, белым и голубым. Иногда альпийский луг становится пёстрым, как дешёвенький ситец. Одни растения отцветают — распускаются другие. Немало на альпийском лугу лекарственных растений. Присмотритесь хорошенько. Вот ещё одно растение из семейства бобовых. Листья продолговатые, сложены вдоль желобком. Цветки жёлтые, крупные. Это термосис, или мышатник. Хорошее отхаркивающее средство. Его часто назначают

больным с лёгочными заболеваниями. Термописис хорош ещё тем, что, действуя на дыхательный центр мозга, возбуждает дыхание.

Андрей с восхищением смотрел по сторонам. И было приятно думать, что он не случайный гость на этих лугах, который, восхищаясь красотой, не может назвать ни одного цветка. Нет, Андрей знал растения. И как хороший музыкант различает звучание отдельных инструментов в большом оркестре, так и он узнаёт отдельные цветы. И невольно даёт им свою оценку.

Вот горечавка — травянистый многолетник. Цветы бывают фиолетовыми и жёлтыми. Горечавка повышает аппетит, улучшает пищеварение.

Горец змеиный, или змеевик, гордо поднимает розовые колоски-соцветия. Корневище змеевика имеет причудливую форму — напоминает раковую шейку. Растение обладает вяжущим и дубящим действием, применяется при воспаления дёсен и расстройствах кишечника.

Крупные фиолетовые цветки аконита заметны издалека. Аконит распространён по всему земному шару, известен во всём мире. Ещё первобытные народы использовали аконит для приготовления ядов. В тибетской народной медицине аконит считают царём лекарств. Аконит ядовит. Достаточно потрогать растение руками, а затем коснуться глаз и рта, как может наступить отравление. Зато в очень малых дозах растение применяется при простуде, при болях в суставах и невралгиях.

Имеется ещё один вид аконита — аконит противоядный. У него цветы жёлтые. Он обладает замечательным свойством: противодействует отравлению аконитом ядовитым. Не правда ли, чудеса природы!

Всё в этом мире было замечательно. Хотелось петь, и Андрей запел песню. Они сочинили её вместе, и теперь все стали дружно подпевать:

Очень трудный сегодня нам выпал денёк.
По альпийским лугам путь далёк, так далёк!
Не отступим с пути, не вернёмся назад.
Всё вперёд, все вперёд продвигался отряд.

Собираем в горах не простые цветы.
Голубой огонёк — это символ мечты.
Ветер с гор наполняет усталую грудь,
Голубой огонёк освещает нам путь.

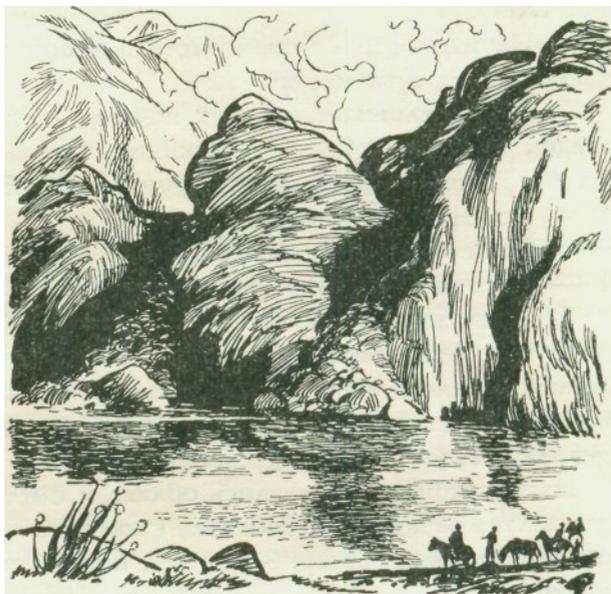
Юсуп некоторое время прислушивался к песне, затем запел вместе с остальными:

Раньше трое, теперь веселей вчетвером.
Голубой огонёк на вершинах найдём.
Не вернёмся назад, если вышли в поход.
Наш девиз очень прост: «Всё вперёд, всё вперёд!»

Красивые виды открываются с высоты гор. Хорошо дышится на альпийском лугу. Лошадиные копыта топчут цветы. Лошадиные губы норовят ухватить самые лакомые травинки. Пурпурные гвоздики прячутся в траве. Белые и розовые маргаритки с золотистыми срединными листочками напоминают о городских клумбах. Астра альпийская выглядывает из-за камня.

Здесь и эдельвейсы — маленькие растения с пушистыми серебристыми стеблями. Неистовые рыцари средневековья доставали эдельвейсы на неприступных вершинах и дарили своим возлюбленным.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Альпийские луга остались позади. Здесь не росла трава, и лошадиные копыта стучали по камням.

Камни, одни только камни кругом. Камни большие и маленькие. Коричневые, красноватые, зеленоватые. Преобладали чёрные и красные тона. Может быть, такое сочетание красного и чёрного действовало на нервы, но в этих каменных теснинах было что-то зловещее и чуждое человеческой природе.

Стояла пронзительная тишина. Её не могли нарушить ни приглушённый рокот горного ручья, ни стук лошадиных подков, ни тяжёлое дыхание Корнея Корнеевича.

— Что-то трудно дышать. Видимо, высота сказывается, — сказал профессор.

— А мне ничего, — откликнулся Андрей.

— Корней Корнеевич намного старше тебя, ему трудней, — тихо сказала Таня. — На такой высоте трудно дышать, скоро ты это тоже почувствуешь. Здесь больше трёх тысяч метров над уровнем моря.

Скалы нависали, молчаливые и таинственные, словно скрывали в себе тайну.

— Неужели здесь может расти голубой огонёк? — сказала Таня. — Какие неприятные места!

— Да, не слишком весёлый пейзаж, — сказал профессор. — Но мы пойдём дальше. Дойдём до вершины и только тогда сможем сказать: голубого огонька здесь нет. Кто думает иначе?

— До вершины! — сказал Андрей.

— До вершины! — сказала Таня.

— Хоть до облаков! — беззаботно сказал Юсуп.

— Итак, жребий брошен.

Склоны уходили круто вверх. Вершины не было видно. Так всегда бывает: издалека вершина видна хорошо и кажется доступной, но чем ближе к ней подходишь, тем труднее становится путь, и вершина уже не видна, и путь кажется бесконечным.

Из-за гребня вываливались облака и быстро неслись по синему небу. Облака рваные и подвижные. Они ежесекундно меняли форму. Там, над горами, гулял ветер. Здесь, под прикрытием гор, было безветренно и тихо.

— Озеро! — слышался голос Андрея.

— Удивительное озеро! — сказал Юсуп.

Они чуть опередили своих спутников.

Перед ними лежало озеро, круглое, как блюдце. Крутые склоны сбегали каменными осыпями прямо в воду. В неподвижной воде отражались чёрные осыпи, молчаливо проносились облака.

Мёртвое озеро. Ледяная вода среди камней. Здесь не было жизни — сюда не могла попасть рыба. Со дна не тянулись водоросли. Поверхность воды не тревожили водяные пауки.

Грустное озеро, окружённое не менее грустными склонами. Каменные осыпи почти лишены жизни. Разве что редкие луки показывают свои серебристые головки-соцветия. И отрадным пятном выделяются нежно-фиолетовые цветки горной фиалки.

Лошади устали. Их спины взмокли от напряжения, по бокам сбегают струйки горячего пота.

— Бедный мой Таран, устал, бедняжка! — погладил Андрей своего коня.

— Экая незадача! — сказал профессор. — Лошади дальше не пройдут. Они сломают себе ноги на этом головокружительном склоне. Кто-то должен остаться с лошадьми.

Горы не дали ответа на вопрос профессора. И его спутники молчали.

Первым заговорил Андрей.

— Я хочу идти.

— Я тоже, — повторила Таня,

— И я, — сказал Юсуп.

— Выходит, оставаться мне. Вы рассудили без меня, — серьёзно сказал профессор. — А мне ведь тоже хочется подняться на вершину. Взглянуть с высоты на горную страну. Увидеть близко облака, над самой головой, ощутить их густую влагу. Хочется попытать счастья — а вдруг найдём огонёк.

— Но вам трудно подниматься, Корней Корнеевич, — сказала Таня, — вам тяжело дышать. И за свою жизнь вы совершили столько восхождений! Были и потруднее.

— Правильно, милая Таня. Но у вас вся жизнь впереди. Вы молоды. Вы совершите ещё немало новых сложных восхождений. А для меня... может, это последнее восхождение.

Вода в озере неподвижно застыла, ровная, как поверхность стекла.

— И всё же я останусь с лошадьми. А вы пойдёте дальше.

В глазах Андрея блеснули весёлые огоньки.

Таня сидела на своей лошади неподвижная, как изваяние.

Юсуп смотрел то на Таню, то на Андрея, то на профессора.

Корней Корнеевич продолжал:

— Мне совсем не хочется покидать вас в такой ответственный момент. Мало ли что может случиться? Но я остаюсь. Сведу лошадей на альпийские луга и стану вас поджидать. Мне будет очень тяжело без вас. Думать о каждом вашем шаге. Ожидать вашего возвращения. Вы должны запомнить: это очень опасное восхождение. С горами шутить нельзя. Каменные осыпи грозны и коварны. Они могут поползти, обрушиться каменной лавиной, всё сметающей на своём пути. Я не стану вас пугать. Вы достаточно смелы и находчивы. Я не хочу посеять в

вас зёрна сомнения и страха. Будьте полны надежды и уверенности в успехе. Но ещё раз предупреждаю: будьте осторожны в горах.

Таня первая прыгнула с лошади. Юсуп и Андрей последовали её примеру.

— Ружьё отдай мне, — сказал профессор. — В горах опасно стрелять.

Андрей умоляюще посмотрел на профессора:

— Мы не станем стрелять без нужды.

— Ладно, ты взрослый парень, всё понимаешь. Бери, — согласился Корней Корнеевич.

Профессор давал напутствия. За короткие минуты прощания он хотел передать свой многолетний опыт путешественника. Он так хотел идти с ними... И должен был остаться.

Он поцеловал Таню и Андрея, пожал руку Юсупу:

— Желаю удачи.

Корней Корнеевич смотрел, как его спутники ступили на каменистую осыпь. Стали медленно подниматься. Постепенно удалялись, пока не стали совсем крошечными.

«Хорошо, не сказал им, что у меня болит сердце, не стал волновать понапрасну», — подумал профессор и опустил на камень.

— Смотрите, — сказал Андрей, — профессор всё ещё возле озера. Какой он маленький, а лошади просто карлики!

Идти по осыпи трудно. Ноги вязнут в щебёнке. Сапоги проваливаются. Звенят, стекают каменные струйки. На виске пульсирует артерия, отсчитывает время. Склон бесконечен. Камни стекают, шелестят.

«Вот и заканчивается путешествие, — подумала Таня. — Уже неделю в пути. Неясное голубое свечение в таёжной реке. Я решила тогда — проплыл цветок. Потом старик казах, что-то слышавший о цветке, и длинная ветвь лиственницы, указавшая путь в горы. И теперь мы в этих горах, на безжизненных каменистых склонах. Рисунок на стене штольни, сделанный рукой шахтёра в обвалившейся шахте. И может ли служить картой этот рисунок?»

Камни катились, вырывались из-под ног. Иногда срывались камни покрупнее и с грохотом летели вниз, увлекая за собой другие камни. Тогда гудели горы и эхо приходило издалека.

Они уже подходили к гребню горы, когда Андрей прошептал:

— Тише, не шевелитесь! Птицы!

На камнях сидели крупные чёрно-белые птицы. Каждая величиной с курицу, может, чуть поменьше.

— Это улары, горные индейки, — взволнованно шептал Андрей.

Он снял с плеча ружьё, не спуская глаз с птицы.

— Не смей стрелять, — сказала Таня, — и так всё сыплется, разве не видишь.

— Ничего страшного не случится, — сказал Андрей.

— Зато будет жаркое, — поощрительно улыбнулся Юсуп.

Андрей прицелился и выстрелил. Раздался грохот, звук выстрела отозвался далеко в горах. Подстреленная птица покатила по склону. Андрей бросился за ней. Ноги вязли в камнях по колено. Вот он почти подошёл к тому месту, где лежала птица. Но птица вновь покатила по склону. Он стал спускаться ниже.

Только теперь Таня заметила, что эхо, вызванное звуком выстрела, не прекращается. Она ощутила беспокойство. Тревога закралась в сердце. Что-то было неладно.

Грохот нарастал. И тут она увидела, как по склону несутся камни, мчатся вниз, оставляя после себя полосу пыли. Сбивают другие камни.

Склон словно ожил, пришёл в движение.

— Андрей, вернись! Назад! — крикнула Таня.

— Сейчас иду! — послышалось издалика.

Андрею удалось схватить мёртвую птицу. Он спрятал улара за пазуху и стал карабкаться вверх по склону. Камни стали ещё более вязкими и зыбкими. Ноги тонули. Он сразу же набрал полные сапоги мелких камешков. Он карабкался наверх. Склон двигался навстречу.

Юсуп бросился на помощь Андрею.

Андрей с трудом вытаскивал сапоги из камней.

Круглый камень больно ударил по колену. Нога сразу онемела.

Внезапно Андрей споткнулся и потерял равновесие.

— Андрей! Андрюша! Что с тобой? — закричала Таня, бессильная ему помочь.

Андрей сползал по склону. Юсуп к нему приближался. Он не обращал внимания на камни, пролетающие мимо него. Он спешил, ловко перепрыгивая с одного крупного камня на другой, оставаясь на поверхности тронувшейся с места каменной лавины.

Наконец Юсуп добрался до мальчика:

— Что с тобой?
— Камень попал в колено, не могу идти.
— Держись за меня. Идём. Дорога каждая секунда. Ты должен идти, должен!

Андрей поднялся. Удерживая друг друга, они карабкались вверх по осыпающемуся склону.

— Сюда, сюда! — крикнула Таня. — Здесь чуть повыше — твёрдая площадка. Скорей сюда!

И вот они в безопасном месте. На скалистой площадке. Смотрят вниз. Склон вздрагивает, дымится. Летят, подсакивая, камни. Камни разной величины падают с разной скоростью. Чем ближе к основанию осыпи, тем быстрее.

Камни падают в озерко. Каким крошечным кажется оно отсюда! Видны всплески. Озеро кипит от беспрерывно падающих камней.

Камни падают, падают.

И вдруг озеро исчезло. Было очень странно видеть, как исчезло целое озеро. Совсем недавно они видели своё изображение в его неподвижной воде. Теперь озеро исчезло.

О чём подумал старый профессор, когда услышал в горах выстрел и после него нарастающий гул? О чём подумал, когда гул превратился в грохот? Казалось, где-то идёт дождь и гремит гром, хотя небо было безоблачным. О чём мог подумать старый профессор?

Он сидел на большом плоском камне посреди яркого альпийского луга. Неподалёку протекал ручей, и лошади, уставшие от восхождения, мирно шипали траву.

Он знал, что означает этот грохот. Он не спутает его с громом. Его жена много лет назад погибла в камнепаде. Во время экспедиции по Тянь-Шаню. Она была неосторожна, не знала опасности гор. Он не уберёт её тогда. Он и по сей день не может себе этого простить.

Зачем он дал мальчику ружьё? Поверил его обещаниям. И Юсуп тоже хорош — не мог остановить!

Вода, выплеснувшаяся из озера, с бешеным рёвом неслась по камням. Узкое русло ручья не вмещало такого количества воды.

Старый профессор сидел на камне, неподвижный и суровый. С виду безучастный ко всему, на самом деле встревоженный и взволнованный. У него болело сердце. Ему было трудно дышать. Он не мог подняться.

ВЫСОКОГОРНОЕ ПЛАТО

Ах, Андрейка, Андрейка! Как можно быть таким неосторожным. Я так волновалась. Если бы не Юсуп... Что подумает Корней Корнеевич, когда услышит грохот? Ведь он не знает, что мы уже в безопасности.

— Всё будет в порядке, — сказал Юсуп. — Вы ведь знаете наш условный сигнал: два выстрела подряд — значит, всё в порядке.

Юсуп взял у Андрея ружьё. Зарядил его. Один за другим прогремели два выстрела. Эхо долго бродило в горах, плутая в каменных лабиринтах. Выстрелы прозвучали вызовом дикой стихии гор. Выстрелы, конечно, услышит профессор. Он будет знать — всё идёт хорошо.

— А что мы будем делать с убитой птицей?

— Как — что? — удивился Юсуп. — Изжарим при первой возможности. Мясо уларов вкусно и нежно.

- Что ж, отдохнули немного, пора идти, — сказала Таня.
- Да, пора, — поднялся с камня Юсуп.
- Ой, больно! — сказал Андрей и схватился рукой за колено.
- Сильно болит? — участливо спросил Юсуп.
- Сильно.
- А ну, подвигай ногой. Так, хорошо. А теперь дай пощупаю колено.
- Ой, что ты делаешь! Больно ведь!
- Потерпи, — сказала Таня строго, хотя в душе очень сочувствовала Андрею.
- А так болит? — спросил Юсуп.
- Не очень.
- Думаю, кости целы, — с видом знатока сказал Юсуп. — Попробуйся встать. Мы поможем.

Превозмогая боль, Андрей встал. Таня и Юсуп поддерживали его с обеих сторон. И очень медленно, осторожно, обходя препятствия, они продолжили восхождение.

Поднялись на гребень горы.

Рванул холодный ветер, пронизывающий насквозь ветер горных вершин. От ветра заложило уши. Белые облака проносились совсем близко, задевали краем. И тогда всё становилось влажным — одежда, рюкзаки. Ствол ружья запотевал, покрываясь мелкими капельками.

Вершина оказалась плоской, и только в отдалении громоздились утёсы.

Они остановились на краю снежного поля. Холодно и неприятно блестел снег. Андрей взял горсть снега. Мелкие крупички льда, подтаявшие на солнце. Приложил комок снега к ушибленному колену. Боль немного утихла.

Таня достала из кармана рюкзака блокнот. Втроём они склонились над рисунком.

- Вот эта линия, наверно, означает кромку гор, — сказала Таня.
- Верно, похоже, — сказал Юсуп.
- А эти треугольники — утёсы! — сказал Андрей.
- И совсем рядом нарисован цветок.
- Значит, у нас один путь — вперёд к утёсам! — весело сказала Таня.

Они ступили в снег и сразу провалились по пояс. Андрей ойкал и

морщился от'боли. Юсуп шёл впереди и разгребал снег, чтобы облегчить путь Андрею. Так они долго брели, пока не добрались к подножию утёсов.

Кругом текли холодные ручьи, мелкие и прозрачные. Сырая, раскисшая земля чавкала под ногами. Но и здесь, в неприятной горной тундре, побеждала жизнь. Камни были покрыты разноцветными лишайниками: золотистыми, красновато-коричневыми, сизыми. Среди камней росли невзрачные травки, крошечные и едва приметные, омытые ледяной водой.

Здесь росла камнеломка с белыми скромными цветочками. Нежные лютики, только очень маленькие. Куропаточная трава с зубчатыми листочками. Ярко-жёлтый горный мак цвета солнечного полудня. Только нигде не видно было голубого огонька. Желанного цветка. Таинственного цветка из легенды.

Они подошли к скалам. Какое мрачное и дикое место!

— Здесь, наверно, живёт Кощей Бессмертный! — сказал Андрей.

И, словно в ответ на его слова, в скалах загудел ветер. Запел на разные голоса. И голоса были до жути печальными и тоскливыми. Это бродили сквозняки в каменных коридорах.

Солнце скрылось за тучами. Близился вечер.

Они знали, что сегодня не успеют возвратиться на альпийские луга, где их ожидает Корней Корнеевич. Как грустно возвращаться с пустыми руками, с неоправданными надеждами!

У Андрея нога разболелась сильнее, и он остался сидеть под скалами. А Таня и Юсуп пошли в разные стороны. Хотели засветло ещё раз обойти пустынное плато, чтобы убедиться окончательно, что голубой огонёк не растёт в этих горах.

Над головами проносились разорванные облака. В последний раз выглянуло солнце. Осветило плоскогорье, блеснув на снежном поле, разлившись ртутью в холодных ручьях. Вот солнце скрылось за горами. Опустились сумерки. Вместе с последним лучом солнца ушла последняя надежда.

Юсуп возвращался к скалам опечаленный, как вдруг услышал голос Тани:

— Юсуп, Андрей, ко мне! Я нашла, я нашла голубой огонёк!

Юсуп бежал к Тане, не разбирая дороги, разбрызгивая грязь и ледяную воду. Андрей попытался встать и не смог.

«Проклятая нога! — думал он. — Как всё это некстати!»

— Где цветок? Где? — спрашивал Юсуп ещё издалека.

Таня стояла на коленях, склонившись над цветком. Юсуп подбежал к девушке и нетерпеливо спросил:

— Где же цветок?

— Вот он, смотри! — сказала Таня. — Наполовину раскрылся.

— Я вижу рядом ещё цветок... и ещё!.. — воскликнул Юсуп. — Как их здесь много! Как мы сразу не заметили!

— Они были закрыты и прижаты к земле. А теперь, в сумерках, раскрывают лепестки.

Таня замолчала, вновь склонившись над цветком.

— Смотри, Юсуп, цветок светится. Бледно-голубое пламя. Чем становится темней, тем свет ярче. Присмотрись хорошенько.

— Верно! — восхищённо сказал Юсуп. — Огоньки даже отражаются в воде, они горят по всему плато.

Сколько раз за время экспедиции Таня рисовала в своём воображении голубой огонёк! Теперь она могла его рассмотреть, могла потрогать рукой, видела свет, излучаемый цветком.

Цветок светился нежным голубым огнём. Таня заметила, что наружные пять лепестков полупрозрачны. Они не сами излучают свет, они освещены изнутри.

Таня заглянула внутрь цветка — там было светло. Свет излучали внутренние пять лепестков, плотно прижатых друг к другу. Цветок был похож на маленький пятигранный фонарик с полупрозрачными стенками и голубой лампочкой внутри.

Таня смотрела на цветок как зачарованная. И, чем дольше смотрела, тем больше цветок ей нравился.

Это была счастливая минута. Они нашли то, что искали. Они не замечали холода, который к ночи давал о себе знать, — ведь они были так легко одеты. Не замечали, что сгустились тучи над плато и может пойти дождь и даже снег. Они были согреты радостью чудесного открытия.

Хотелось кричать и петь горам и холодным вершинам: «Ура! Мы нашли!» Хотелось поведать о своём открытии всему миру. Не из тщеславных побуждений, а для того, чтобы все люди могли порадоваться вместе с ними.

Хотелось обо всём рассказать Корнею Корнеевичу. В это мгнове-

ние он ожидал их на альпийском лугу. В кромешной тьме. Полный тревоги за своих спутников.

Таня сорвала один цветок, чтобы показать Андрею. Цветок не погас, а продолжал светиться в руке, как уголёк.

Среди скал они отыскивали ровную сухую площадку. Расстелили спальные мешки. Под головы положили рюкзаки.

В скалах зазывал ветер. Серые тучи быстро неслись по чёрному небу. Тучи проходили совсем близко. Ведь в поисках чудесного цветка они забрались высоко в горы, к самым облакам. Тучи дышали влагой и холодом.

Не спалось. Разве уснёшь в такую ночь, когда найден голубой огонёк!

— Таня, ты спишь?

— Нет.

— А Юсуп, кажется, заснул, — сказал Андрей.

— Пускай спит, не буди его.

— О чём ты думаешь, Таня?

— О голубом огоньке... А почему ты не спишь? — немного погодя спрашивает Таня.

— Я тоже думаю об огоньке. Что с ним делать будем?

В темноте послышался счастливый Танин смех.

— Смешной мальчик! Мы заберём цветок с собой. Накопаем корешков, переложим сырым мхом. Привезём цветок в Ботанический сад. Будем вводить в культуру. Ты, конечно, знаешь, что такое ввести в культуру? Это значит — сделать цветок таким, чтобы он мог расти повсюду: в садах и на клумбах, на улицах и на балконах домов. Представь себе на один миг вечер. Играет музыка, гуляют люди. А кругом светящиеся клумбы. Светящиеся дома. И цветок, приколотый к платью девушки, светится нежным голубым светом.

— И светящиеся букеты, — сказал Андрей.

— И я всё-таки смогу читать газету при свете голубых огоньков, — сказал Юсуп. — Если одного цветка будет мало, я поставлю целый букет.

— Как, ты разве не спишь?

— Мне тоже не спится, — сказал Юсуп.

— Постарайтесь, друзья, уснуть, — сказала Таня. — Завтра трудный день. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

«Завтра рано вставать, — подумала девушка. — Завтра нужно выкапывать голубые огоньки из земли, напитанной ледяной водой. Потом предстоит долгий путь по каменным осыпям. А у Андрея болит нога. И вдруг завтра он не сможет идти?»

Кто знает, не произойдёт ли обвал и на этот раз? Доберутся ли они к подножию горы целыми и невредимыми? Вернутся ли домой? Станет ли расти голубой огонёк на равнине — этот маленький высокогорный цветок?

«Ах, эти неуместные вопросы. Эти странные сомнения! — думала Таня. — Всё должно быть хорошо. Всё будет хорошо».

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая. Таинственная находка	3"
Глава вторая. В Ботаническом саду	9
Глава третья. В доме профессора Коренева	14
Глава четвёртая. Легенда о голубом огоньке	19
Глава пятая. Они остаются втроём	24
Глава шестая. Рысь	29
Глава седьмая. Таёжными тропами	34
Глава восьмая. Огонь и вода	39
Глава девятая. Вдоль бурного Аргена	45
Глава десятая. Неожиданный спаситель	50
Глава одиннадцатая. Лесное гостеприимство	54
Глава двенадцатая. Дальше верхом	58
Глава тринадцатая. Травы под солнцем	64
Глава четырнадцатая. Коварный проводник	69
Глава пятнадцатая. Две юрты за рекой	74
Глава шестнадцатая. Древние могилы	79
Глава семнадцатая. Длинная ветвь лиственницы	84
Глава восемнадцатая. Белые палатки	89
Глава девятнадцатая. В заброшенной штольне	95
Глава двадцатая. Горящий во тьме	100
Глава двадцать первая. Злоключения Юсупа	105
Глава двадцать вторая. По альпийским лугам	110
Глава двадцать третья. Восхождение	115
Глава двадцать четвёртая. Высокогорное плато	121

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего и среднего
возраста

Сидоренко Борис Алексеевич

ГОЛУБОЙ ОГОНЕК

Ответственный редактор Е. К. Махлах
Художественный редактор Н. З. Ленинская-
Технический редактор М- А. Кутуз <гв_а
Корректоры Э. Л. Лофенфельд и
Т. Ф. Юдичева.

Сдано в набор 13/1 1964 г. Подписано к печати
14/Ш 1964 г. Формат 70X¹/₁₈- 8 печ. л.=9,36 усл.
печ. л. (7,03 уч.-изд. л.). Тираж, 30 000 экз.

А01533. ТП 1964 № 573. Цена 35 коп.
Издательство „Детская литература“.
Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги № 1.
Москва. Сушевский вал, 49.
Заказ 63.

Цена 35 коп.